

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Л. ВУЛЛИ

ЗАБЫТОЕ ЦАРСТВО

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

ББК 63.4
В88

C. Leonard Woolley
A Forgotten Kingdom
N. Y., 1968

Редакционная коллегия
К. З. Ашрафян, Г. М. Бауэр, Л. М. Белоусов,
Г. М. Бонгард-Левин (председатель), Р. В. Вяткин,
Э. А. Грантовский, И. М. Дьяконов, И. С. Клочков (отв. секретарь),
С. С. Цельникер

Перевод с английского
Е. Н. Самусь

Ответственный редактор и автор предисловия
И. С. Клочков

Вулли Леонард.

В88 Забытое царство. Пер. с англ. Е. Н. Самусь. Предисловие И. С. Клочкова. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М.: 1986 («По следам исчезнувших культур Востока»).

168 с. с ил.

Книга английского археолога Леонарда Вулли, знакомого советским читателям по его ранее изданной книге «Ур халдеев», посвященной открытиям шумерской цивилизации, рассказывает о его работе в Северо-Западной Сирии, где им был раскопан древний город Алалах, важный торговый центр, связывающий цивилизации Месопотамии, Египта, хеттов и эгейского мира. Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

В 0507000000-111 30-86
013(02)-86

ББК 63.4

© Перевод на русский язык, предисловие, примечания:
Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Имя сэра Чарлза Леонарда Вулли давно знакомо нашему читателю; оно часто встречается на страницах научных и научно-популярных работ, посвященных археологии и древней истории Передней Азии. В 1961 г. Издательство восточной литературы выпустило в свет русский перевод его книги «Ур халдеев». Книга встретила у читателей теплый прием и, вероятно, в немалой степени способствовала успеху серии «По следам исчезнувших культур Востока», которую она открыла. Публикацией «Забывтого царства» мы как бы завершаем ряд изданий, осуществленных в рамках серии за 25 лет, и начинаем новый с надеждой на то, что следующее 25-летие будет не менее удачным.

Ч. Л. Вулли (17.04.1880—20.02.1960) прожил долгую и интересную жизнь, был свидетелем и участником многих великих событий. В годы первой мировой войны Вулли служил в Каирском бюро по арабским делам вместе со знаменитым Т. Э. Лоуренсом («Аравийским»), кстати, тоже археологом по образованию и товарищем Вулли по каркемишской экспедиции 1912—1914 гг. За свои заслуги Ч. Л. Вулли получил воинский орден и был возведен в рыцарство.

Счастливо сложилась судьба Ч. Л. Вулли и как ученого — сделанного им хватило бы на добрый десяток исследователей. Свою археологическую карьеру Вулли начал в Нубии, затем работал на Синае, в Сирии, Месопотамии, Турции, раскапывал в Египте Телль-Амарну, столицу фараона-реформатора Эхнатона. Мировую известность Леонарду Вулли принесли открытия, сделанные им на городище Телль-эль-Мукайяр (древний Ур) на юге Ирака. С 1922 по 1934 г. возглавляемая Ч. Л. Вулли совместная экспедиция Британского музея и Пенсильванского университета вела крупномасштабные раскопки этого древнего шумерского города. Археологам сопутствовала редкая удача; среди многих по-настоящему важных и интересных находок этой экспедиции следует особо отметить открытие царских гробниц раннединастического времени. Открытые в Уре царские могилы по богатству найденного в них материала и его значению для археологии Месопотамии можно смело сопоставить с обнаруженной в Египте неразграбленной гробницей фараона Тутанхамона. Находки Ч. Л. Вулли в Уре привлекли всеобщее внимание. В лагере экспедиции толпились корреспонденты крупнейших газет; сообщения

с места раскопок и фотографии находок в течение долгого времени регулярно печатались в газетах, еженедельниках и иллюстрированных журналах Европы и Америки.

По сравнению с урской эпопеей раскопки на Атчане, о которых рассказывается в этой книге, кажутся весьма скромными, однако научное значение археологического открытия измеряется не количеством найденных эффектных вещей или стоимостью добытых сокровищ на антикварном рынке. Находки такого рода являются лишь приятным «дополнением», создающим рекламу экспедиции и дающим археологам «зримые основания» добиваться новых средств для продолжения и расширения работ. Раскопки Алалаха, начатые Ч. Л. Вулли в 1936 г., принесли ценнейшие научные результаты и оказали далеко идущее воздействие на развитие ближневосточной археологии. Приступая к работе на Атчане, расположенной в зоне контактов месопотамской, египетской, хеттской и эгейской культур, Ч. Л. Вулли надеялся, что раскопки этого памятника помогут лучше представить характер, направление и интенсивность связей, существовавших между великими цивилизациями древности. Эти надежды полностью оправдались. Более того, полученные материалы оказались настолько неожиданными, что заставили пересмотреть многие взгляды, казалось бы прочно утвердившиеся в науке к тому времени. Публикация отчетов о раскопках Алалаха послужила толчком к широкому исследованию отношений между цивилизациями Передней Азии, Крита и микенской Греции, а также стимулировала изучение древнесирийской городской цивилизации, увенчавшееся в 1960—1970 гг. открытием Эблы.

Надо сказать, что сейчас специалисты оспаривают многие положения, выдвинутые Ч. Л. Вулли, и предъявляют к его работам серьезные претензии. Прежде всего указывают на то, что полевая документация при раскопках Ура велась небрежно, в результате чего порой бывает трудно понять, где же именно была найдена та или иная клинописная табличка или какой-либо предмет; говорят об ошибочности отдельных реконструкций (в частности, были неверно собраны при реставрации найденные в Уре музыкальные инструменты); отмечают, что нередко в описаниях и на планах одно и то же сооружение в предварительном издании представлено так, а в более позднем или окончательном — иначе. Ознакомившись по публикациям Ч. Л. Вулли с материалами его раскопок на Атчане, Б. Хроуда пришел к заключению, что в Алалахе следует различать не 18, а 14 слоев, и предложил другую датировку некоторых из них. Слишком смелым кажется современным исследователям и проводившееся Ч. Л. Вулли прямое отождествление носителей культуры хирбеткераской керамики с хеттами; «царские могилы» из Аладжа-Хююка также более не связываются с хеттами. Этот перечень замечаний можно было бы продолжить.

Упреки, адресованные Леонарду Вулли, справедливы, но та же справедливость требует, чтобы при оценке результатов учитывались и условия, в которых они были достигнуты. 20—30-е годы XX века — период становления подлинно научной ближневосточной археологии; Ч. Л. Вулли работал вполне на уровне своего времени (лучшими можно признать разве что раскопки Вавилона Р. Кольдевеем и Ашшура В. Андре, проводившиеся до начала первой мировой войны и долгое время остававшиеся образцовыми). Уровень этот, правда, по нынешним меркам был не слишком высок, но вспомним, как копали в конце XIX в. В археологических руководствах, по которым обучались некоторые современники Вулли, попадаются еще «наставления» вроде того, что «близость погребения определяется по характерному хрусту черепа». Археологи того времени, не грешившие особой точностью, могли простодушно написать в отчете, что найденные кремневые орудия были «величиной с игральную карту». Невольно представляешь обстоятельства, в которых могли появляться подобные записи: валяжный титулованный археолог, не без удобства расположившийся в приятной компании в тенистом саду, на минутку отрывается от стола, чтобы посмотреть, что там принес с кургана старший рабочий. Из мешка на землю вытряхиваются черепки глиняной посуды, кремни, кости. «Больше ничего?» — «Все тут. Прикажете дальше копать?» — «Нет. Начинайте соседний курган. Я потом приду, посмотрю»...

Археологи 20—30-х годов работали несравненно лучше, чем большинство их предшественников, хотя и продолжали во многом еще следовать старым традициям. Вся раскопчную работу выполняли местные рабочие под присмотром опытных десятников, которым археологи полностью доверяли; в странах Арабского Востока, где раскопки велись уже около ста лет, такие десятники обычно назначались из числа потомственных рабочих-раскопщиков, знавших свое дело не хуже профессиональных археологов. Последние наблюдали за ходом работы лишь на самых ответственных участках, а в основном осуществляли общее руководство, чертили планы, фиксировали находки и обрабатывали поступавший материал. Ч. Л. Вулли одним из первых начал раскапывать на древних городищах не только дворцы и храмы, но и огромные жилые кварталы. В его экспедиции были заняты сотни рабочих, площадь разбросанных далеко друг от друга раскопов измерялась многими тысячами квадратных метров, и его немногочисленные помощники просто не могли углядеть за всем. Случалось, пропадали даже ценные золотые вещи; чтобы найти похитителя и заставить его вернуть украденное, археологам приходилось на время становиться детективами.

Что же касается «кочующих» стен, то появившихся, то исчезающих на публиковавшихся Ч. Л. Вулли планах, то всякий археолог, имевший дело с сырцово-глиняной архитектурой, знает, как трудно бывает

порой установить, где и как проходят стены. Иногда это становится ясно только после того, как они уже снесены и расчищается следующий строительный горизонт, иногда «не помогает» и это...

Разумеется, работы Вулли не свободны от ошибок. Многие ученые видят и понимают теперь иначе, вероятно, ближе к истине; было бы странно, если бы ничего не изменилось в науке за 30 с лишним лет, прошедших со времени первой публикации «Ура халдеев» и «Забывтого царства». Но промахи и ошибки Ч. Л. Вулли, даже если они не всегда извинительны, не намного уменьшают ценности этих книг. Будь они написаны только для специалистов, их едва ли вообще имело бы смысл переводить, сколь бы важные данные в них не содержались; у ученых было достаточно времени ознакомиться с материалами и выводами Вулли и даже основательно раскритиковать их. Однако Ч. Л. Вулли писал «Забывтое царство», как и «Ур халдеев», не только для придирчивых коллег-археологов, но и для широкого читателя, которому, будем откровенны, в конце концов не так уж важно, различать ли в Алалахе 14 слоев или 18; ему прежде всего хочется узнать, как работают археологи, как из археологических свидетельств извлекается историческая информация, и в этом отношении «Забывтое царство» не разочарует читателя.

Ч. Л. Вулли дает ясное представление о всех стадиях работы археолога, от постановки задачи и выбора памятника для раскопок до интерпретации полученного археологического материала и воссоздания картины исторической реальности. Яркие примеры такого истолкования археологических свидетельств читатель найдет в конце главы V и в главе VIII. Возможно, построения Ч. Л. Вулли не всегда верны, но они всегда аргументированы, следить за ходом мысли ученого всегда по-настоящему интересно. Вне зависимости от того, прав Вулли или нет в том или ином случае, здесь мы имеем редкую возможность увидеть, как ученый ведет свой поиск, как рождаются догадки и гипотезы, как затем они получают подтверждение или отбрасываются.

Может показаться, что книга перенасыщена сухими археологическими фактами, но «Забывтое царство» написано не журналистом, умело преподносящим самые выигрышные моменты и результаты чужого исследования, а ученым, рассказывающим о собственной работе, все этапы которой для него равно важны. Это определило и стиль повествования, строго научный и сдержанный. Но внимательный читатель увидит за ним смелую мысль ученого, незаурядную личность исследователя и, без сомнения, по достоинству оценит эту книгу.

И. С. Клочков

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

Рассказ о «Забытом царстве» приглашает читателя в увлекательное путешествие в Северо-Западную Сирию и переносит его более чем на четыре тысячи лет назад. Из рассказа мы узнаем, какие исторические сведения может извлечь из земли лопата археолога, как обдуманный выбор древних поселений для раскопок может помочь восстановить давно забытые этапы развития цивилизации.

С присущим ему мастерством и воображением сэр Леонард Вулли знакомит нас с предметом своих исследований, разъясняет трудные для непосвященных вопросы археологии и старается добраться до смысла даже тогда, когда имеющиеся данные отрывочны.

Многие проблемы еще ждут решения, но, к счастью, несомненно будут получены и новые данные, обнаружены новые находки. Читателю, который хотел бы более основательно познакомиться с древними письменными источниками из Алалаха, можно рекомендовать работу Д. Дж. Вайзмана «Таблички из Алалаха», где автор дает перевод большого количества текстов, касающихся жизни этого города между 1800 и 1400 гг. до н. э. Более разносторонне освещает историю данного региона книга О. Р. Герни «Хетты», в которой рассказывается о жизни царства, часто вступавшего в тесные контакты с тем, о котором повествует эта книга.

М. Э. Л. Моллоуэн, профессор археологии Западной Азии, Лондонский университет¹.

¹ Профессор М. Э. Л. Моллоуэн — главный редактор серийных публикаций по археологии Ближнего Востока и Западной Азии издательства «Пеликан».

*Генерал-майору сэру Нэйлу Малкому,
кавалеру ордена Бани II степени,
без чьей помощи раскопки на Атчана
были бы невозможны*

ВСТУПЛЕНИЕ

Раскопки двух городищ, Эль-Мина и Атчана, в турецком Хатае велись весной или осенью семь раскопочных сезонов между 1936 и 1949 гг. Поскольку значительная часть средств поступила из общественных фондов, было бы вполне справедливо, чтобы результаты раскопок стали достоянием широкой публики. Но при работе над книгой я думал не только об этом.

До наших раскопок эти два холма были никому не известны и не связывались с каким-либо местом или событием древней истории. В процессе работы обнаружилось свидетельство, позволяющее утверждать, что Эль-Мина, возможно, представляла собой гавань, упоминаемую несколькими античными авторами под именем Посидея; но эти упоминания столь кратки, что даже местоположение ее на побережье не поддавалось точному определению. Обнаруженные нами в результате раскопок письменные документы свидетельствовали о том, что Атчана в древности была городом Алалах. В письменных источниках, имевшихся в нашем распоряжении, этот город назван всего один раз, что не слишком обнадеживало. Казалось, если даже мы и сможем извлечь из развалин этого малоизвестного города какие-то исторические данные, они будут иметь чисто местное значение и не добавят ничего существенного к нашим знаниям о распространении цивилизации, а деньги и труд могли бы быть с большей пользой затрачены на раскопки в главных центрах развития цивилизации.

Безусловно, когда ваша цель — изучение искусства той или иной страны или вы хотите обнаружить какие-то письменные документы, самое подходящее место изысканий — столица государства или его главные города, где художники могли рассчитывать на покровитель-

ство и где должны были храниться архивы государственных учреждений и храмов. Огромная работа была проделана во многих подобных местах, и результатом ее явились те обширные знания, которыми располагаем мы теперь по истории древних государств Ближнего Востока. Но такие знания отличаются известной «замкнутостью». Разумеется, необходимо было начинать с поисков материалов, на основании которых культура каждого отдельного государства в различные периоды его истории могла быть более или менее определена, но время идет, и сейчас пришла пора, когда мы хотим представить себе историю цивилизации в целом, а для этого нужно изучать взаимоотношения между отдельными государствами. Знакомясь с искусством какой-либо страны, мы часто догадываемся, что на него повлияло искусство другой, но история требует не догадок, а серьезных доказательств, и, хотя результаты существовавших международных отношений могут казаться очевидными, мы не всегда уверены, произошло ли кажущееся заимствование на самом деле, и если да, то как и почему это случилось. Если же контакты, как это нередко происходило, не были прямыми, проследить их еще сложнее. Одна из важных задач археолога — выявить эти связи, и сделать это можно, ведя раскопки не только в конечных пунктах, но и на путях, по которым эти связи осуществлялись.

Как обнаружить нужный путь и выбрать на нем нужную точку — вопрос отчасти географический, отчасти исторический, насколько история нам известна, и в общем-то (поскольку археолог имеет дело с неизвестным) требует разумной доли воображения. В данном случае, когда была поставлена цель проследить связи между Ближним Востоком (Месопотамия и Анатолия, включая оз. Ван) и эгейском миром, сухопутные торговые пути с Востока привели нас на крайний север Сирии, а морской путь подразумевал наличие гавани, связанной сравнительно легким проходом через горы с глубинными районами страны. Это натолкнуло нас на мысль, что таким пунктом могла быть Эль-Мина. Так как на берегу не было места, достаточного для города настолько значительного, чтобы контролировать проход через горы, то и проход, и порт должны были находиться в зависимости от города, расположенного в глубине материка. Наше внимание привлекла равнина Амук. Так как равнина находилась вне сферы контроля Египта и до XIV в.

до н. э. на нее не распространялась и власть хеттов с их центром в Анатолии, весьма вероятно, что здесь существовало независимое государство, которое по необходимости должно было играть роль буферного и, следовательно, в нем должно было отразиться попеременное влияние его более могущественных соседей. Оставалось лишь решить, под каким из многочисленных холмов на равнине скрыты развалины его главного города, ибо, как известно, раскопки столицы дают обычно наиболее интересные материалы.

Все это оправдывало выбор для раскопок городища, о котором историческая традиция не сохранила никаких сведений. Нам удалось достаточно подробно воссоздать долгую историю города Алалаха, но я надеюсь, что из моего рассказа станет ясно, что эта история имеет не местный, а гораздо более широкий интерес. Она тесно связана с историей великих древних империй Шумера, Вавилона и Египта, государства хеттов с центром Богазкёй в Анатолии и с историей менее известных держав Хурри и Митанни. Алалах имеет отношение к становлению критского искусства, которое изумляет нас во дворце Миноса в Кноссе; он связан с культурой бронзового века Кипра; здесь имеются многочисленные свидетельства торговых связей с греческими островами в доисторическую эпоху; находки из Алалаха позволили по-новому понять ряд проблем экономической истории Афинской державы; наконец, здесь были даже обнаружены свидетельства вклада Сирии в итальянское Возрождение. Все эти данные были получены за семь раскопочных сезонов.

Настоящая книга своего рода апология. Я пытался доказать, что сегодня, когда стоимость зарубежных экспедиций возросла десятикратно, когда может показаться, что все важные городища, скрывающие знаменитые города древности, уже изучены и, вероятно, исчерпаны, и потому-де общественность может равнодушно относиться к призывам археологов, занимающихся раскопкой работой, все еще имеется немало возможностей для полевой работы, результаты которой не только заинтересуют специалистов, но и откроют каждому из нас новое окно в наше общее прошлое.

Полный и подробный отчет о наших раскопках на Атчане дается в издании «Алалах», опубликованном Обществом любителей древностей в Лондоне; издание содержит ряд археологических обоснований излагаемых

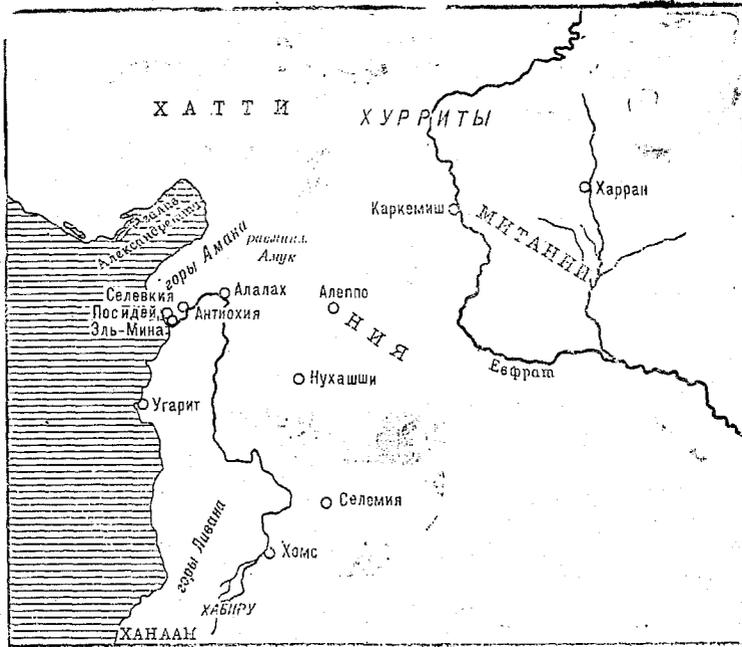
здесь соображений. Желая проверить мои выводы следует обращаться к этому изданию. В данной книге я постарался, насколько возможно, держаться в рамках того, что, по моему мнению, может быть интересно широкому кругу читателей, и не касаться материала, представляющего интерес только для специалистов. История должна говорить с каждым, но нельзя ожидать, чтобы каждый был в состоянии переваривать сухие археологические факты, хотя без этого и не обойтись. Наши знания о древнем мире не могут расширяться, пока археолог-«полевик» лишен возможности осуществлять свои исследования, на основе которых развивается историческая наука.

Текст надписи Идри-ми опубликован профессором Сидни Смитом, а клинописные таблички—Д. Дж. Вайзманом в «Occasional Publications of the British Institute of Archaeology in Ankara» (№ 1, 2).

МЕСТО

На крайнем северо-западе Сирии лежит равнина Амук, занимающая также значительную часть турецкой провинции Хатай. Эта широкая (около 30 миль в любом направлении) и плоская аллювиальная равнина отделена только линией низких холмов от большого плато, которое тянется через Алеппо к р. Евфрат. На юге равнина ограничена грядой холмов. На западе вершины гор Аманус круто обрываются у берегов Средиземноморья, на севере поднимаются покрытые снегом вершины Антитавра. Небольшая р. Африн с востока и р. Кара-Су с севера стекают в равнину, наполняя болота и озеро в центре равнины. На юге р. Оронт, берущая начало в Южном Ливане, течет по необычайно извилистому руслу и, повернув на запад в месте, которое, по крайней мере со времен крестоносцев, известно как Железный Мост, входит в долину, где спутники Александра построили город Антиохию, а затем, пробившись сквозь отрог Амануса, устремляется к морю сквозь аллювиальную равнину, которую она сама и намыла.

В настоящее время население этой весьма плодородной равнины невелико, так как она заслуженно имеет дурную репутацию самого малярийного района Сирии. Не будет преувеличением сказать, что с заходом солнца тучи комаров, поднимающихся с болот, закрывают небо. Но так было не всегда; даже само озеро сравнительно недавнего происхождения. Сегодня, когда мелиоративные работы, проводимые турецким правительством, понизили его уровень, вы можете, перегнувшись через борт вашей лодки и вглядевшись в прозрачную воду, увидеть руины домов и церквей, которые были построены, когда Антиохия была одним из великих центров христианства. Изменения произошли недавно. По-видимому, когда в VI в. н. э. в результате землетрясения была разрушена Антиохия, огромная скала обрушилась в расположенное на полпути между городом и морем глубокое ущелье, по которому текла р. Оронт, и запрудила

Карта 1. Алалахское царство и его соседи

сток трех рек, текущих по равнине Амук. Вся равнина, таким образом, превратилась в застойное озеро, на дне которого откладывался ил, приносимый тремя потоками, пока наконец вода не разрушила запруды и р. Оронт, проложив себе путь через затянутые илом пространства, смогла опять достичь моря. Но к тому времени стоявшие у реки строения Римской Антиохии были погребены под тридцатифутовым слоем грязи. В долине Амук реки Африн и Кара-Су нашли свой бесславный конец в болотах и озере.

Таким образом, в древние времена озера не существовало; на равнине было достаточно воды, но не было болот; здесь был здоровый климат и плодородные почвы, летний зной смягчался постоянно дующим со снежных вершин Тавра северо-западным ветром; словом, это была земля, благодатная во многих отношениях. Бесплодные сейчас, поросшие колючим кустарником склоны гор Тавра в ту пору покрывали густые леса, в кото-

рых произрастал кедр и другие деревья с твердой древесины — одно из наиболее высоко ценимых богатств древнего мира. Приток р. Оронт, впадающий в нее ниже Антиохии, струился по гравийному дну, изобилующему намытым золотом. На морском берегу, в холмах к югу от устья реки имелась медная руда. Следовательно, здесь существовали залежи сырья, а само местоположение равнины Амуk облегчало возможность их использования.

Этот чашеобразный клочок земли был перевалочным торговым пунктом для многих могущественных держав. В северном направлении по долине Кара-Су можно было подняться в Мараш и страну хеттов; на востоке, всего в 40 милях, лежал город Алеппо, оттуда путь вел по Евфрату в Вавилон, а переправившись через великую реку у Каркемиша, можно было попасть в Ниневию и Ашшур или, в северо-восточном направлении, к оз. Ван и земле первых мастеров железного дела. В южном от равнины направлении караванные пути вели через Сирию мимо Хамы и Хомса в Дамаск или через Палестину в Египет. Последним, но не менее важным, был морской путь. Удобная дорога по долине Оронта шла через горы к Средиземноморскому побережью, где устье реки образовало одну из немногих гаваней на этом скалистом и негостеприимном берегу, защищенную бухту, удобную для маленьких суденышек древнего мира. Далее к северу менее удобный, но более известный Бейланский проход вел к заливу Александретта, где имелось несколько подходящих мест для стоянки кораблей, и вдобавок еще вдоль моря шла дорога, по которой можно было попасть в широкую и плодородную равнину Киликии.

Столь благодатное место не могло не привлечь поселенцев, и нет ничего удивительного в том, что равнина Амуk усеяна холмами. Их около двухсот, и каждый является древним городом, деревней или военной крепостью. Они относятся к различным периодам, но все достаточно ранние; многие из них, как свидетельствуют глиняные черепки, найденные на поверхности холмов, датируются доисторическим временем вплоть до каменного века. В глубокой древности это была густонаселенная область.

Когда холмов слишком много, археологу нелегко решить, какой же из них даст наилучшие свидетельства, если поставлена цель проследить историю равнины

Амук и в особенности ее международные торговые связи. Поздние исторические периоды нас не очень интересовали не только потому, что о них достаточно известно, но и потому, что культурный обмен, который повлиял на развитие ближневосточной цивилизации (если таковой и в самом деле имел место), должен был начаться рано. Таким образом, то, что происходило после 1200 г. до н. э., находилось вне сферы наших непосредственных интересов. Поэтому можно было исключить те холмы, которые были связаны с римским и исламским периодами, ибо работа по расчистке их верхнего слоя означала бы излишнюю затрату труда и средств. Так как нас интересовала история культуры, мы отвергли и те из холмов, форма которых более подходила военной крепости, чем гражданскому поселению, но даже и после этого выбор оставался нежелательно широк.

Атчана, «Иссохший холм», был выбран потому, что он имел подходящую форму и размеры, лежал на прямой дороге между Алеппо и Средиземным морем, возможно на перекрестке этого пути с дорогой север — юг, из страны хеттов в Сирию, но, главное, потому, что он был расположен очень близко ко входу в Антиохийскую долину и, таким образом, контролировал дорогу к морю и, по всей вероятности, был связан с гаванью в устье реки. Наконец, благодаря своему местоположению на пути восток — запад, близко к предгорьям, город мог держать под контролем всю восточную торговлю кедровой древесиной с гор Амануса. Очевидно, что, так же как Египет, получавший древесину из ливанских лесов (бревна доставлялись морем из финикийских гаваней), Месопотамия, страна столь же безлесная, как и Египет, в большой степени зависела (о чем говорят древние тексты) от северных лесов Амануса, откуда бревна волоком доставляли к ближайшему берегу Евфрата и затем сплавливали по реке к месту назначения. И только через равнину Амук шла дорога, по которой такого рода доставка была возможна; это была самая короткая дорога к реке и единственная, не имеющая крутых подъемов и спусков; если бы кто-нибудь задался целью получить контроль над этой весьма важной торговлей, он выбрал бы именно то место, на котором расположен холм Атчана.

Если допустить, что на территории долины Амук когда-то находилось государство, то, даже ничего не зная о его истории, можно с полной уверенностью утверж-

дать, что столица этого государства была на холме Атчана. Поэтому раскопки этого холма скорее, чем других, могли дать нужную историческую информацию. Исходя из этого, я отказался от любезного предложения моего друга Клода Проста, французского инспектора древностей, начать раскопки соседнего холма Тайнат, где незадолго до этого была обнаружена сирийско-хеттская резьба VIII в. до н. э., и попросил разрешения начать раскопки Атчаны и ее гавани, маленького холма Шейх-Юсуф в устье р. Оронт.

О работе в гавани Эль-Мина я расскажу ниже. Здесь же достаточно упомянуть, что, к несчастью, все следы раннего поселения были смыты в море, когда река меняла свое течение, и, хотя впоследствии мы получили доказательства существования здесь порта Атчаны по крайней мере с XVIII в. до н. э. и далее, все, что нами здесь было обнаружено, датируется гораздо позднее 1200 г. до н. э., т. е. периодом, как я уже говорил, находящимся вне пределов наших интересов. Неловко признаться, но результаты этих раскопок оказались одними из самых интересных. Атчана, где наши ожидания были во многих отношениях более чем вознаграждены, не относилась к особенно раннему периоду истории долины Амука, это было сравнительно позднее поселение, возникшее в начале бронзового века, незадолго до 3000 г. до н. э.; для полноты картины потребовалось раскопать рядом два небольших холма, которые хранили свидетельства периода позднего неолита.

За семь сезонов работы в Хатае раскопки велись в четырех различных местах, результаты раскопок позволили нам воссоздать более или менее полную картину исторического развития области с начала IV тысячелетия до н. э. вплоть до времени Александра Македонского (конец IV в. до н. э.). Это не просто внутренняя история маленького, существовавшего когда-то на территории современной Северной Сирии государства. Так как это пограничное государство входило в соприкосновение с великими империями Ближнего Востока, последние сыграли немалую роль в его истории. Изучение Алалаха важно тем, что проливает свет на политику и экономику восточномедиземноморских государств. Благодаря своему географическому положению эта местность и в древности, и в наши дни часто меняла «хозяев» и отличалась пестротой населения. Когда мы начинали свою работу, это был Александреттский санд-

жак, северосирийская провинция под управлением Франции; в 1939 г. мы обнаружили, что находимся в автономной республике Хатай; в последующие годы это была уже Турция¹. Наш старший рабочий Хамуди и два его сына Яхья и Алави были сирийцы из Джераблы (древний Каркемиш), несколько других рабочих — арабы, много было турок, а самыми многочисленными были алавиты, последователи языческой религии, до сих пор существующей на Средиземноморском побережье², было также несколько курдов, несколько греков-христиан православного вероисповедания, потомков древних византийцев, и небольшое количество армян. Такое смешение рас и религий типично для Хатая с самых древнейших времен.

Глава II

ВРЕМЕНА ДО АЛАЛАХА

Во время экспедиции 1947 г. один из наших рабочих, курд, который жил в деревне в трех милях западнее Атчаны, пришел ко мне, широко улыбаясь, и сказал, что у него есть нечто такое, за что, как он ожидает, я заплачу ему большой бакшиш. «Это гораздо древнее всего, что нами уже найдено или когда-либо будет найдено в Атчане», — сказал он и извлек из завязанного узлом платка несколько расписных черепков, которые полностью соответствовали его оценке. Он направлялся домой по тропинке среди невысоких холмов и остано-

¹ Речь идет об Александреттском санджаке (административная единица в Османской империи), который был оккупирован английскими войсками в 1918 г., а затем передан французам, установившим там «специальный административный режим». По франко-сирийскому договору 1936 г. Александреттский санджак вошел в состав Сирии, которая до 1939 г. должна была оставаться подмандатной французской территорией. Турция оспаривала законность включения Александреттского санджака в состав Сирии, требуя передать власть в этом районе после ухода французом местному (преимущественно турецкому) населению санджака. В результате вмешательства великих держав и выступлений местного населения летом 1938 г. возникло новое государство Хатай, принявшее турецкий флаг и гимн. 23 июня 1939 г. по Анкарскому соглашению Хатай присоединился к Турции. — *Примеч. ред.*

² Эта характеристика неверна. На самом деле алавиты — последователи одной из шиитских сект. Длительное преследование алавитов суннитами обусловило тайный, замкнутый характер секты. — *Примеч. ред.*

вился, чтобы подобрать камень на крутой обочине. К своему удивлению, он обнаружил, что это не камень, а кусок раскрашенной керамики. Оглядевшись, он увидел, что вокруг таких кусков достаточно много, стоит только порыться в земле; его брат, который когда-то работал на американскую экспедицию при раскопках Телль-Тайнат, определил, что это самая древняя из найденной керамики, и посоветовал отнести ее мне. Так она попала ко мне, и что же оставалось делать? Естественно, я должен был заплатить, и после этого мы начали раскопки холма Телль-эш-Шейх.

Холм лежал в двух милях к западу от Атчаны, на другом берегу р. Оронт, и оказался настолько низким, что был почти незаметен. Когда-то это был достаточно высокий холм, но внизу его склоны на 15 футов ушли под отложения ила, принесенного на равнину после того, как землетрясение перекрыло течение реки, а затем лемех, ветер и дождь так «поработали» над верхним слоем почвы, что оголенный верх холма поднимался теперь над равниной на высоту не более человеческого роста. Но это было перспективное для наших раскопок городище, так как керамические черепки, находимые на поверхности, свидетельствовали о том, что в историческую эпоху место оставалось незаселенным, и поэтому остатки доисторического времени должны были лежать нетронутыми, и их легко можно было обнаружить.

Мы начали с закладки траншеи в юго-восточной части холма, свободной, как я надеялся, от жилых построек. Когда имеешь дело с новым материалом, самое лучшее — собрать его как можно больше в короткое время, чтобы освоиться с ним и получить полное представление о всех типах керамики, которые могут встретиться. Так мы и сделали на этом городище. Жилища могли бы дать нам стратиграфию керамических типов, но ведь дома иногда бывают настолько чисто выметены, что в них почти не остается самого материала. В то же время нигде не бывает такого обилия черепков, как на мусорной свалке, и так как в этой местности ветер дует преимущественно с северо-запада, мусор, несомненно, должны были сваливать на юго-восток от домов.

Поэтому мы и начали с раскопок мусорной свалки, стараясь датировать черепки и по их положению в слоях, а затем уже обратились к систематическим раскопкам самой деревни, в ходе которых проверяли и уточняли наши предварительные заключения. В холме мы

обнаружили 12 отчетливо различных строительных горизонтов, расположенных один над другим, что говорит о длительном существовании поселения. Дома из сырцового кирпича достаточно долговечны, и даже если считать, что они служили в среднем только по 30 лет (меньше уж никак не могло быть), то 11 перестроек означают, что Телль-эш-Шейх существовал три с половиной века. Содержимое последовательно сменявших друг друга слоев дало весьма ясную картину развития культуры обитателей поселения за этот период.

Хозяева самых нижних и самых древних домов, построенных на материке, т. е. на первоначальной плоской поверхности долины Амука, явно жили в каменном веке.

Во времена палеолита люди жили в пещерах или под навесами скал в предгорьях, где они могли охотиться на дичь, и следы их обитания не столь легко обнаруживаются, как следы обитателей болотистых низин. Но когда человек приручил животных и освоил земледелие, он покинул гористые местности ради плодородных равнин, и строительство жилищ явилось естественным следствием оседлого образа жизни земледельцев. Уже в эпоху неолита богатая, хорошо обеспеченная водой равнина Амука должна была привлечь поселенцев, и многие холмы на равнине, по-видимому, восходят к этому весьма раннему периоду развития общества. На одном из этих холмов была найдена замечательная статуэтка из полированного камня — «мать-богиня» такого же типа, какой можно встретить при раскопках поселений каменного века во многих частях Европы. Но Телль-эш-Шейх — позднее поселение, относящееся к самому концу эпохи неолита. Насколько можно судить (мы раскопали лишь небольшой участок), это была скромная, можно сказать бедная, деревня, в развалинах которой мы обнаружили лишь грубые каменные орудия и черепки черной лепной керамики, без лощения поверхности или каких-либо элементов декора, за исключением редких случаев.

Интересно и важно с исторической точки зрения, что такая керамика встречается в неолитических слоях северных поселений — на киликийской равнине в Анатолии и на самом севере Сирии; в то же время она не похожа на неолитическую керамику Южной Сирии и Палестины. Это дает нам основание считать, что самые ранние поселенцы пришли на равнину Амука с севера, возможно с нагорий Анатолии; они явно отличались по

происхождению и культурным традициям от своих южных соседей. Вся история этого района свидетельствует: развитие Алалаха шло под влиянием севера, и теперь мы убедились, что так было изначально и этим можно объяснить особенности его истории.

Таким образом, в древности Телль-эш-Шейх был связан с севером и востоком, что объясняется географическими причинами, «открытостью» в этих направлениях. В слое XI преобладает та же черная керамика местного производства, но начали попадаться и черепки иной посуды, расписной керамики Телль-Халафа. Эта керамика, названная так по месту, где она была найдена впервые, принадлежала народу, находившемуся на более высокой ступени развития, чем первые жители Телль-эш-Шейха. Халафцы жили в медно-каменном веке, когда уже научились плавить медь, ковать из нее оружие и изготавливать рабочие инструменты, хотя камень широко использовался для повседневных нужд; металлы были все еще редок и дорог, но его появление означало, что многое теперь можно было сделать, чего не сделаешь только каменным орудием. Это было огромным шагом в развитии цивилизации.

Керамика Телль-Халафа лепная, но превосходного качества, лучшие образцы тонки, почти как яичная скорлупа; поверхность сосудов обычно гладкая, лощеная и украшена красным и черным рисунком, часто изысканным и всегда эффектным. Страна, где эта керамика изготовлялась, находилась на севере Месопотамии, восточнее Каркемиша на р. Евфрат (здесь были найдены печи для ее обжига) в сторону Телль-Халафа, расположенного в верхней части долины р. Хабур, и дальше почти до р. Тигр. На равнину Амуку эту керамику, должно быть, принесли торговцы с востока, явившиеся сюда скорее всего за строевым лесом.

Наиболее ранняя расписная керамика на Телль-эш-Шейхе, следовательно, импортная. Людям, привыкшим к простым черным мискам и кубкам местных гончаров, телльхалафская посуда должна была казаться весьма привлекательной, что вскоре побудило местных умельцев попытаться соперничать с чужестранцами: мы обнаруживаем достаточно грубые и неумелые имитации халафских ваз, с первого взгляда выдающие себя низким качеством глины и невыразительным рисунком. Но так было лишь вначале, а к концу периода, соответствующего XI слою, местные гончары поразительно ос-

воили дело, и их продукцию становится трудно отличить от халафской; тогда же неолитическая черная керамика исчезает.

Казалось, что по крайней мере в области искусства керамики равнина Амука превратится в западную провинцию Телль-Халафа, но прежде, чем это случилось, местное производство подверглось новому влиянию. На большей части Месопотамии — везде, кроме крайнего севера, — производилась керамика, которая сейчас получила название керамики Эль-Убеида. Это изготовленные на ручном круге сосуды, в большинстве своем с зеленовато-белой поверхностью, украшенные черным или коричневым геометрическим орнаментом. Подобный тип керамики появляется гораздо позже керамики Телль-Халафа, посуда далеко не столь совершенная, но получила широкое распространение и просуществовала долгое время¹. Появление этой керамики в долине Амука, по-видимому, явилось результатом торговли, а не чужеземного вторжения, так как керамические изделия поступают постепенно и никаких свидетельств нарушения мирного течения жизни в Телль-эш-Шейхе не обнаружено.

В течение всей последующей истории Месопотамия получала твердую древесину из горных лесов Амануса, и, хотя у нас нет письменных свидетельств о том, когда началась эта торговля, можно быть уверенными, что она процветала уже в те времена, к которым относятся самые ранние имеющиеся у нас письменные источники. С тех пор как жители Месопотамии стали возводить дворцы и храмы (обнаружены руины убейдских храмов), они нуждались в древесине. Находки керамики Эль-Убеида в Телль-эш-Шейхе, на главном пути торговли лесом, — са-

¹ В книге «Arrest and Movement» миссис Фрэнкфорт замечает, что «сельские поселения убейдского периода не произвели ничего эстетически более совершенного, чем посредственная керамика, расписанная абстрактным рисунком. Эта халколитическая убейдская культура распространяется с угнетающим однообразием от Персидского залива до Северного Ирака и, кажется, остается неизменной в течение многих веков». В действительности эта керамика, появившись в Месопотамии, была хорошо и богато декорирована (что подтверждается образцами из самых нижних слоев Эреду, южнее Ура, поселения более древнего, чем Эль-Убеид), но вскоре она деградировала. Оценка миссис Фрэнкфорт верна только для более позднего времени, но так как на равнину Амука импортировались изделия именно этого позднего периода, слова исследовательницы справедливы применительно к нашему материалу.

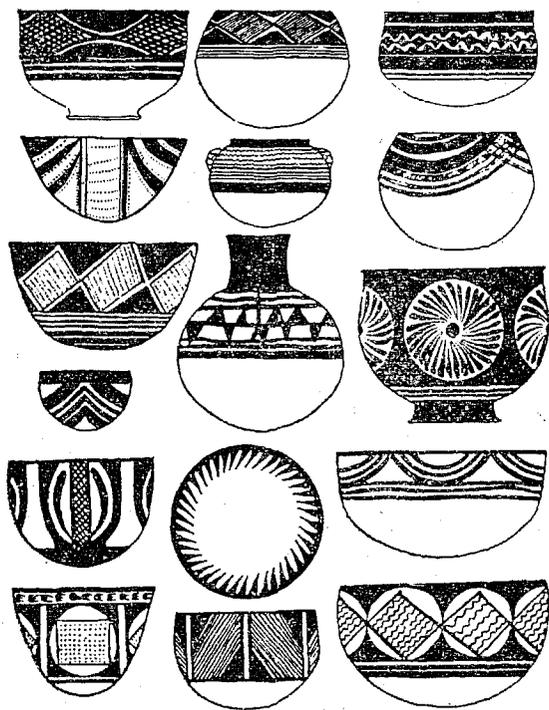

Рис. 1. Керамика из холма Тель-эш-Шейх

мый убедительный довод в пользу такой торговли между Востоком и Западом.

Ввоз посуды, конкурирующей с халафской, привел к любопытным последствиям. Гончары Тель-эш-Шейха, вместо того чтобы имитировать то один стиль, то другой, вообще перестают подражать и, основываясь на обеих художественных традициях, создают свой индивидуальный стиль. Вся, или практически вся, расписная керамика, которую мы находили в слое X, была местного производства, и, как свидетельствуют образцы, она является столь же высокохудожественной, сколь и оригинальной; используемые мотивы всегда абстрактны, но в целом роспись неизменно определяется формой сосуда. Точно рассчитанное соотношение темных и светлых тонов производит эффект, которого явно недостает убейдской керамике. Мастера Амука проявили здесь в высшей степени незаурядные дарования, что явилось

добрым предзнаменованием; со временем это привело к коммерческому успеху, ибо их изделия получили самое широкое распространение. Тот факт, что они обнаружены, например, в Мерсине в Киликии, говорит о том, что уже в раннее время равнина Аму́к, по которой, очевидно, проходили сухопутные и речные пути, была вовлечена в международную торговлю.

Правда, стандарты, достигнутые в период существования слоя X, выдерживались не всегда, и в верхних слоях большая часть расписной керамики—лишь неяршливые и механические копии первых замечательных образцов, вышедших из печей местных гончаров. Это, вероятно, объясняется в значительной мере желанием удовлетворить выпуск массовый продукции возросший спрос, но еще не говорит о том, что первоначальный дух угас; в самом деле, один из наиболее привлекательных керамических типов (первый во втором ряду на рис. 1) впервые появляется в слое II и характерен для конца существования Телль-эш-Шейха.

Художественное начало у этих людей проявлялось не только в производстве керамики. Хотя письменность была еще неизвестна, большим спросом пользовались вырезанные из стеатита или кости личные печати, служившие для обозначения принадлежности товара тому или иному лицу,—комоч мягкой глины на крышке горшка или на узлах веревки, связывающей корзину, должен был быть запечатан печатью владельца—мера предосторожности против жуликов. Образцы таких печатей, найденные в сменявших друг друга слоях, дают представление о развитии искусства резьбы. На самых древних печатях мы находим грубо процарапанный на поверхности камня геометрический рисунок; позднее печати технически лучше выполнены, имеют более симметричный рисунок, иногда встречается мотив дерева или цветка; еще позже появляются фигуры животных, некоторые весьма живые и реалистичные, и наконец, на одной (обломанной) печати мы видим человеческую фигуру. К этому времени камнерезное искусство достигло высокой степени развития, художественные условности обрели устойчивость; так, мы находим вырезанные из стеатита две маленькие головы баранов, весьма стилизованные и, очевидно, подогнанные под определенный тип. Вполне возможно, что они являлись религиозными символами. За несколько столетий поселение примитивных земледельцев превратилось в сложную общину с

прочными традициями цивилизованной жизни, соприкасающуюся с большим миром, но сохраняющую тем не менее индивидуальность и особые черты, присущие халколитической культуре.

Затем внезапно наступил конец. В самом верхнем слое Телль-эш-Шейха мы нашли несколько черепков керамики бронзового века; две мусорные ямы того же времени были выпущены в верхний халколитический слой, но они моложе этого слоя на несколько сот лет и только подчеркивают тот факт, что в течение всего этого времени старое поселение было необитаемо. Работа здесь, хотя и достаточно результативная, не дала каких-либо нитей, ведущих к нашему главному городищу, Атчане. У нас не было связанной исторической канвы; имелись данные, относящиеся к халколиту, а затем свидетельства, имеющие отношение к основанию города Алаха уже в бронзовом веке. Между этими сведениями существовал разрыв во времени, и мы не располагали ничем, что давало бы нам возможность судить о его длительности. Благодаря счастливой случайности мистер Синклер Худ, сотрудник экспедиции, как раз в это время обнаружил маленький холм к востоку от Атчаны, где он подобрал черепки керамики, которые встречались на других городищах равнины Амука, но ни разу не были найдены ни на Атчане, ни на Телль-эш-Шейхе. Скромные по объему раскопки холма Табара-эль-Акрад («Курдский холмик») заполнили этот временной разрыв и, кроме того, пролили, как мне кажется, дополнительный свет на древнюю историю.

Характерная керамика из Табары относится к типу, который по месту первоначальной находки в Палестине называется хирбеткеракским. Это лепная посуда, как правило, толстостенная и тяжелая, иногда целиком красная, чаще черная, но нередко сочетающая оба цвета: так, внутри чаша может быть красной, а снаружи черной или горшок может быть снизу красным, а выше — черным. И красная, и черная посуда тщательно вылощена. Если посуда украшена орнаментом, то обычно это простые геометрические мотивы — высокие треугольники и тому подобное, или рельефно выступающие на поверхности сосуда, или оттиснутые штемпелем; полосы мелкого рельефа между треугольниками создают впечатление ребристой поверхности. Эти изделия высокого качества достаточно впечатляющи и безошибочно определяемы. В Палестине они были найдены на многих

городищах. Эта керамика появляется там уже окончательно сложившейся, каких-либо следов предварительных форм ее развития там не обнаружено. Обычно такая керамика встречается непосредственно над слоем строений, разрушенных пожаром, и все археологи, работающие в Палестине, единодушны в том, что изделия эти иностранного происхождения, возможно из Анатолии, и принесены они вооруженными завоевателями, которые перебили жителей Палестины и поселились на обгоревших развалинах. Судя по относительно малой глубине слоя, завоеватели оставались здесь недолго или, что более вероятно, смешались с уцелевшими жителями и вскоре оставили свои старые ремесленные традиции.

На равнине Амур их керамика обнаружена на почти 50 памятниках; раскопки показали, что завоеватели в этих районах появились внезапно, но продержались довольно значительное время — в Табаре эпоха их господства представлена четырьмя строительными периодами. Далеко на востоке, на юге Кавказа, русские археологи обнаружили ту же керамику, и в огромном количестве, дающем возможность наглядно проследить эволюцию посуды от простейших форм неолитического периода. Напрощается мысль, что родиной культуры Хирбет-Керак является Южный Кавказ. Столь широкое распространение этой керамики требует объяснения, и при этом следует учитывать весьма любопытный факт, что при явном сходстве она не идентична ранней керамике Центральной Анатолии, хотя по одному экземпляру хирбеткеракской керамики обнаружено в каждой из хеттских «Царских гробниц» в Аладжа-Хююке в Каппадокии. Эти гробницы относятся приблизительно к 2000 г. до н. э. В это время керамикой Хирбет-Керак хетты уже не пользовались в повседневной жизни, поэтому найденные в гробницах образцы, видимо, сохранялись по каким-нибудь ритуальным соображениям. Но даже после 2000 г. до н. э. хетты в Кюльтепе все еще продолжали использовать глиняный очаг (или подставку для горшков, помещаемую над огнем) весьма любопытной формы, бесспорно происходящей от подставок того типа, который существовал на Южном Кавказе и в долине Амур. По нашему мнению, этому может быть только одно всеобъемлющее объяснение. Возможно, оно не будет немедленно принято всеми учеными, которые придерживаются различных теорий происхождения хет-

тов, но, несомненно, в общих чертах эта версия верна.

Носители культуры Хирбет-Керак первоначально жили на Кавказе, где они создали свою собственную халколитическую культуру, идущую непосредственно от неолита. Наиболее ярким признаком этой культуры является керамика. В конце IV тысячелетия до новой эры события, о которых нам ничего не известно, — возможно, засуха, голод, а может быть, вторжение более сильных племен — вынудили их покинуть родные края и искать пристанища на чужбине. Они, должно быть, двинулись массой, с женами и детьми, как это не раз случалось при больших миграциях на Ближнем Востоке; ведь, если бы в поход отправились только воины, вряд ли в их числе были бы гончары, которые и донесли прежнюю гончарную технику до новых земель. Они двигались с востока, вероятно, наиболее легким и доступным путем через Северную Месопотамию, пройдя вдоль границы подножий анатолийских гор, нигде не задерживаясь, насколько нам известно в настоящее время (это подтверждается отсутствием керамики Хирбет-Керак в долине р. Хабур, через которую они, по нашей теории, должны были пройти), пока не пришли в плодородную долину Амука. Это была благодатная земля, которую можно было захватить испытанным способом — предать коренных жителей мечу — подобно тому как это сделали евреи в земле обетованной. Итак, они захватили ее и жили здесь в течение многих поколений.

Затем история опять повторилась. Новые пришельцы с Востока в поисках земли хлынули на равнину Амука, и носители культуры Хирбет-Керак вновь оказались без крова и вынуждены были искать новое пристанище с помощью оружия. Две дороги для спасения были открыты перед ними: на юг и на запад. Часть беглецов направилась на юг через Сирию и Палестину, захватывая по дороге деревни, уничтожая жителей и возводя новые хижины на пепелищах старых; другие бежали через горные проходы Амануса и постепенно продвигались в северном направлении, набирая силы и привлекая союзников, пока не оказались в состоянии создать государство и основать империю. Если это так, то мы должны признать носителей культуры Хирбет-Керак предками хеттов. В Ветхом завете говорится, что хетты обитали в Палестине во времена Авраама, т. е. задолго до того как они основали империю и распространили свое влияние на эту страну. На эти упоминания поэтому

обычно не обращают внимания, считая их анахронизмами, введенными в повествование поздними переписчиками, но с этим трудно согласиться, потому что по крайней мере в двух случаях хетты упоминаются в связи с событиями, которые почти несомненно были отмечены в документах того времени².

Если же племя Хирбет-Керак — хетты, то уцелевшая его часть, безусловно, должна была жить в Палестине во времена патриархов. Что касается Анатолии, давно уже признано, что хетты — народ, который пришел в Малую Азию с Кавказа. Они не могли двигаться прямо с востока на запад, во-первых, потому, что ряд горных цепей, идущих с севера на юг, преграждал им путь и делал массовую миграцию почти невозможной, и, во-вторых, потому, что им просто не дали бы этого сделать. Даже когда они утвердились в Каппадокии и стали мощной военной силой, они не смогли одолеть свирепых горцев, касков, чьи территории лежали между ними и Кавказом. Они должны были бы обойти их с юго-запада, что, как мы уже говорили, носители культуры Хирбет-Керак и сделали. Более того, скудные исторические свидетельства, которые дошли до нас, ясно указывают, что хетты пришли в Центральную Анатолию с юга, основывая новую столицу на каждом этапе своего продвижения. В случае, если они изначально шли с Кавказа, они должны были пройти через долину Амука. Так как в древних гробницах их вождей среди сокровищ из золота и серебра единственными керамическими сосудами оказались изделия культуры Хирбет-Керак, то мы вряд ли совершили ошибку, связав хеттов с теми, кто принес эту керамику с Кавказа в Амука; позже они были изгнаны из долины и расселились в других местах. Хотя для доказательства этой гипотезы нам нужно еще найти хирбеткеракскую керамику на различных поселениях, отмечающих продвижение хеттов по Малой Азии, но раскопки в Табара-эль-Акраде намного продвинули нас вперед в решении загадки происхождения хеттов.

Было сделано не только это. Раскопки холма показали, что он содержит семь культурных слоев, из кото-

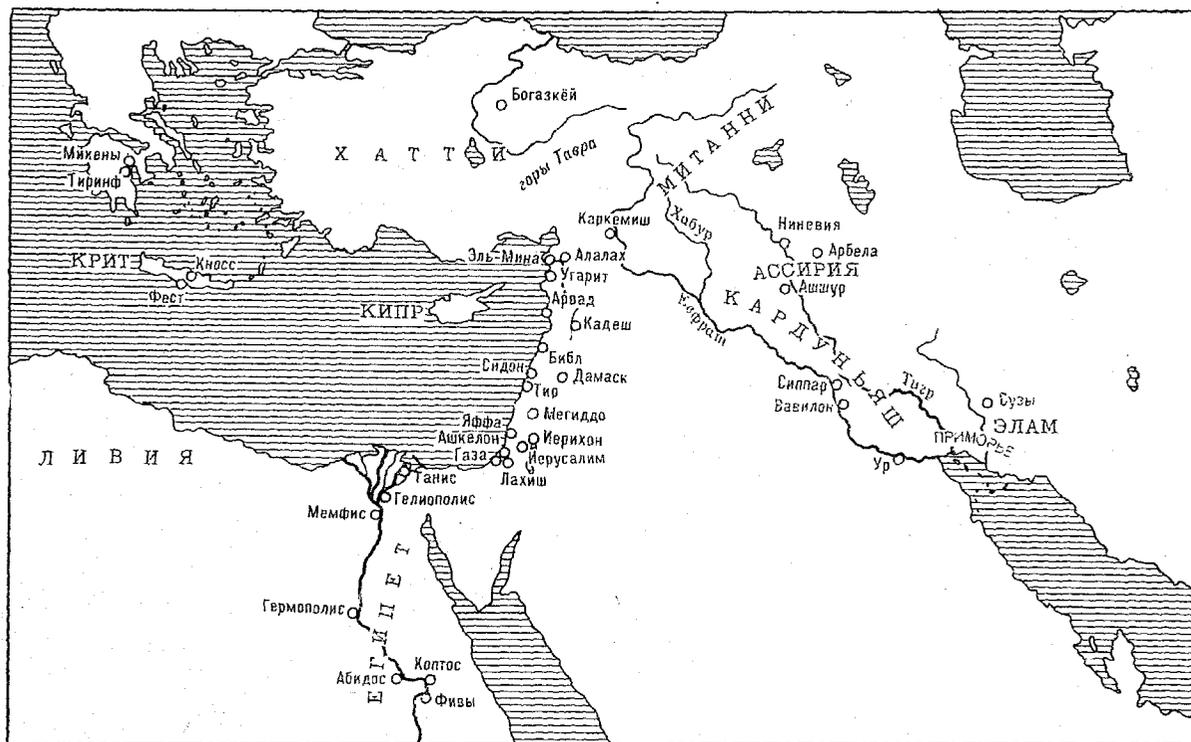
² Это покупка пещеры Махпелы, на которую должна была быть составлена табличка-контракт, дающая право собственности, и женитьба Исава на «дочерях хеттеян», для которой также должен был быть составлен контракт. (См.: Бытие 23, 7—20 и Бытие 26, 34). — *Примеч. ред.*

рых только верхние четыре характеризуются керамикой Хирбет-Керак. В самом нижнем, VII слое было раскопано важное строение из сырцового кирпича; керамика и мелкие предметы, найденные в нем, соответствовали тем, которые мы находили в верхних слоях Телль-эш-Шейха. Это дало нам желаемый непрерывный ряд: по времени Табара была непосредственным приемником Телль-эш-Шейха. В следующих двух слоях, IV и V, появляется новый тип керамики, который как технологией производства, так и формой сосудов близок к керамике культуры Урук из Южной Месопотамии, что снова говорит о налаженных связях долины Амука с этим краем. В Месопотамии урукская керамика хронологически следует непосредственно за убейдской, которая, как мы видели, вдохновляла халколитических гончаров Телль-эш-Шейха: эта керамика просуществовала очень долго, хотя мы и не знаем сколько. Присутствие урукской керамики на Табаре непосредственно над поздним слоем Телль-эш-Шейха соответствует ходу событий в Месопотамии. Так как урукская керамика была вытеснена керамикой Хирбет-Керак всего после двух строительных периодов, время ее бытования на Табаре гораздо короче, чем в Месопотамии: или она появилась в Амуке лишь в конце того периода, когда имела широкое распространение на востоке, или, что более вероятно, она пришла сюда достаточно рано, но затем, с приходом хирбеткеракских завоевателей, исчезла³. Если последнее окажется правдой, тогда это нашествие произошло в ранний урукский период, который археологи единодушно относят ко второй половине IV тысячелетия до н. э. Это согласуется со свидетельствами, полученными в результате раскопок холма Атчана, где слой XIV (третий слой после Табары) синхронен периоду Джемдет Наср, который в Месопотамии следует за периодом Урук. Хотя установление точных дат, когда мы имеем дело с дописьменными фазами предыстории, невозможно, но, коль скоро связь между отдельными периодами истории двух стран определена, для нового памятника может быть принята общая хронология, выработанная для других памятников на основании обширных археологических изысканий.

³ Часть застроенной территории в слое V отделена от строений в слое IV (Хирбет-Керак) слоем пепла, но этого еще недостаточно, чтобы утверждать, что вся деревня была сожжена, как это имело место в палестинских поселениях.

В самом верхнем хирбеткеракском слое на Табаре были обнаружены обломки керамики (и простой, и расписной), которые напоминали найденные в самом нижнем слое (XVII) на Атчане. Они не были сделаны гончарами культуры Хирбет-Керак и казались «чужестранцами», привезенными откуда-то извне, так как отличались от керамики Хирбет-Керак не только по стилю, но и по технике, поскольку были не лепными, а сделанными на круге. Их было очень немного, и находились они только в верхнем слое. Похоже было на то, что не успела эта керамика появиться, как само поселение прекратило существование. На развалинах последних домов лежал пласт почвы, а затем, ближе к поверхности, скудные остатки, относящиеся к железному веку. Это означает, что Табара была внезапно покинута и оставалась необитаемой около тысячи лет. Черепки керамики свидетельствуют, что это запустение совпало с приходом завоевателей, основавших новый город на Атчане, которые широко пользовались металлом и производили глиняные сосуды с помощью гончарного круга. Именно под натиском этих грозных завоевателей носители культуры Хирбет-Керак, по сравнению с ними более отсталые, хлынули на юг и запад.

Я попытался объяснить ход событий, основываясь на находках, полученных на месте двух маленьких деревушек. Но было бы ошибкой считать мои заключения, как бы правильны они ни были для данных поселений, применимыми ко всей местности. Телль-эш-Шейх был одним из многочисленных поселений, разбросанных на большой территории, притом не все из них находились в пределах долины Амука. Хотя Телль-эш-Шейх был в конце концов заброшен, это не означает, что носители культуры Телль-эш-Шейх полностью исчезли. Соответственно и не все носители культуры Хирбет-Керак были вытеснены из равнины Амука. Табара была слишком близко расположена к новому городу в Атчане, чтобы выжить, но к другим поселениям могло быть более терпимое отношение, и те из их обитателей, которые предпочли плен изгнанию, могли остаться, превратившись в сервов и обрабатывая землю для завоевателей. Последующая история Алаха (и, разумеется, Северной Сирии) станет более понятна, если мы признаем, что население было смешанным: преобладали северосирийские элементы и, как правило, власть была в их руках, хотя им постоянно противостояли этнические группы, находя-

Карта 2. Ближний Восток

щиеся в меньшинстве, чьи симпатии принадлежали хеттам. Такое предположение вполне вероятно, хотя раскопки на Телль-эш-Шейхе и Табаре открыли нам лишь наиболее драматические повороты происходивших событий.

Глава III

НАЧАЛО АЛАЛАХА. СЛОИ XVII—XIII

Из сказанного выше понятно, что без раскопок двух маленьких холмов, Телль-эш-Шейх и Табара-эль-Акрад, невозможно было бы проследить историю долины Амук до ее истоков, так как наш основной памятник — Атчана — впервые был заселен только в бронзовом веке. Это было не так-то легко установить; для этого пришлось провести такие раскопки, каких я никогда прежде не предпринимал.

Желая добраться до самых нижних слоев, мы выбрали участок в жилом районе города, где раскопочные работы уже велись на значительной глубине. Шесть верхних слоев открыли нам более или менее хорошо сохранившиеся жилые кварталы, а под ними мы раскопали юго-восточную часть царского дворца в слое VII; здесь мы определили участок размером 65 на 50 футов¹, который назвали «стратиграфическим шурфом», и систематически копали в глубину, проходя через остатки дворцов и частных зданий, пока не достигли слоя XVI. К этому времени мы были гораздо ниже уровня окружающей нас местности, и почва становилась все более и более влажной. Стало трудно отличать сырцовый кирпич стен от завалов такого же кирпича, лежащих между ними, а когда мы попытались копать ниже полов строений слоя XVI, то оказались в воде. Обломки керамики, попадавшиеся в грязи, свидетельствовали о том, что мы еще не достигли самых нижних культурных слоев, но казалось весьма сомнительным, что от непрочных стен домов (глинобитных, без каменных фундаментов) сохранилось достаточно для того, чтобы определить хотя бы границы слоев; относительная же глубина, на которой найдена керамика или другие предметы,—

¹ 1 фут равен 30,48 см.— *Примеч. ред.*

сомнительный показатель для датировки, так как глубина залегания в значительной мере зависит от случайности — черепок, лежащий горизонтально, скорее всего изначально и пребывал в этом слое, тогда как лежащий вертикально, возможно, опустился сюда сквозь влажную почву из верхнего слоя. Поэтому, как ни жаль было отказываться от поставленной цели, я решил прекратить работу.

Но всего лишь в каких-нибудь 50 ярдах² от нашего «стратиграфического шурфа» в результате раскопок расположенных один над другим храмов образовалась другая большая яма такой же глубины; вымостка храма слоя XVI оказалась на одном уровне с полами частных домов этого же слоя, и, когда мы приподняли несколько терракотовых плиток мощеного пола храма, там тоже оказалась вода. Мы попытались пойти глубже, но вода просачивалась быстрее, чем мы ее вычерпывали, а края раскопной траншеи из мягкой глины оплывали внутрь и продвижение вглубь стало невозможно. Однако было ясно, что строения имеются и ниже, а так как стены храма гораздо прочнее, чем жилых домов, то у нас могла появиться лучшая возможность попытаться изучить их даже в таких трудных условиях. Во всяком случае, храм был слишком важным объектом, чтобы его можно было с легкостью забросить; работы мы решили прервать и начать снова тогда, когда мы будем снаряжены, чтобы решать наши проблемы.

Изначально строения, разумеется, стояли на сухой почве, затопленными они оказались, как я уже говорил выше, потому, что в результате землетрясения была перекрыта р. Оронт и уровень долины Амука поднялся. Грунтовые воды, однако, не всегда оставались на одной высоте; мы вели наши раскопки весной, когда воды поднимались выше, но летняя засуха должна была существенно понизить их уровень. Мы, естественно, изменили время наших раскопок и продолжили их осенью. Привезли работающие на бензине насосы и с помощью стальных балок и листов рифленого железа соорудили на полу храма большой кессон, внутри которого могли работать восемь-десять человек; по мере того как они копали и насосы откачивали воду, кессон под тяжестью собственного веса погружался во влажную землю — та-

² Ярд — единица длины, равная 3 футам (91,44 см). — *Примеч. ред.*

ким образом мы могли избежать обвалов краев траншей. Вода стояла на три фута ниже, чем весной, что давало определенные преимущества, конечно, весьма незначительные, если бы мы копали по-старому; но работа внутри кессона позволила нам без особого труда проникнуть более чем на 15 футов ниже храмового пола в слое XVI.

Я сказал «без особого труда», и это верно с инженерной точки зрения; на самом деле обстановка на дне раскопа с насосами и трубами, воротами для подъема тяжестей и блоками, лестницами и настилами скорее напоминала обстановку механической мастерской, чем археологических раскопок, и с точки зрения археолога положение было отнюдь не удовлетворительным. Обычные правила научного ведения археологических раскопок неприменимы, когда приходится в ведрах поднимать почти жидкую грязь. Невозможно было изучить что-либо *in situ* — из-за подступающей снизу воды люди в лучшем случае оказывались по щиколотку, а иногда и по пояс в некоем гороховом супе, в котором ничего нельзя было разглядеть. Лишь после внимательного осмотра твердых комьев, подаваемых в ведрах, можно было понять что это — сырцовый кирпич или просто ком грунта. Тем не менее полученные результаты стоили затраченного труда, и так как мы копали вглубь таким образом на двух различных участках, мы могли сравнить наши находки и утвердиться в своих выводах.

Прежде всего мы обнаружили, что материк лежит почти на 14 футов ниже вымощенного черепицей пола слоя XVI. Мощный блок кладки из сырцового кирпича, верхушка которого была видна в слое XVI, удалось надежно проследить на глубину 10,5 футов, а возможно быть полностью уверенными), он уходил и глубже, до самого материка. Мы не могли определить, был ли этот блок от начала до конца однородным, или он составлялся в различные периоды; не могли мы также обнаружить пола или покрытия перед блоком, хотя позади него находились в более или менее обычной последовательности слои чистой почвы и мусора, что свидетельствовало или о постепенном нанесении земли, или о повторяющихся выравниваниях и перенастилах полов. Стена поднималась более чем на 10 футов; скорее всего тут был не один строительный период, а несколько, однако нельзя утверждать, что это было именно так. Поэтому

все черепки и прочие находки, собранные во время работы, были помещены вместе и описаны как относящиеся к слою XVII; в действительности они могут принадлежать к двум и более следующим друг за другом слоям. Однако все они более ранние, чем слой XVI, и все они — что самое важное — относятся к эпохе начала Атчаны, когда пришельцы возвели в долине Амука свои первые строения на нетронутой почве.

Вся керамика, характерная для Телль-эш-Шейха и Табара-эль-Акрада, была лепной, вся керамика слоя XVII Атчаны сделана на гончарном кругу. В верхнем слое Табары встретилось несколько черепков от посуды, сделанной на Атчане, убедительное доказательство преемственности этих памятников; но можно безошибочно утверждать, что поселение Атчана означало появление культуры совершенно отличной от той, которая была прежде в этом районе. Взятая в целом керамика слоя XVII опять-таки отличается от керамики слоя XVI, но различие здесь скорее стадияльное, чем видовое. Мы не находим здесь прекрасно расписанной посуды, в орнаменте которой преобладают птичьи и звериные мотивы, характерной для последующих слоев, но обнаруживаем начало этого стиля — роспись пока еще грубую и простую. Поэтому то, что последовало в дальнейшем, это не революция, а естественное развитие примитивного искусства первых поселенцев.

Кто были эти поселенцы, мы еще не можем сказать. Они находились на весьма высоком уровне культурного развития; им был известен гончарный круг и секрет использования и плавки металла (в слое XVI мы обнаружили каменные формы для отливки медных тесел); они строили весьма прочные сооружения из сырцового кирпича. Этих пришельцев трудно связать с другими народами, о которых мы имеем хоть какое-нибудь представление. Они явно пришли не из Месопотамии или Южной Сирии, и непохоже, чтобы у них было что-то общее с Анатолией, странами, которые археологически довольно хорошо изучены.

Можно допустить, что подобная культура могла развиваться неподалеку от долины Амука, например на плато Алеппо, где не было раскопок, которые дали бы нам какой-нибудь материал по ранним периодам, и что ее появление в долине Амука было естественным наступлением более развитой цивилизации на менее развитую. Бряд ли этот процесс проходил мирно, ведь люди, при-

надлежавшие к культуре Табары, не уступили бы своей земли без борьбы. Стоит отметить, что предшествующий тип керамики с этого момента полностью исчезает (ни единого ее черепка не обнаружено на Атчане) и пришельцы не поселяются в старых деревнях, а, как бы для того чтобы поставить преграду между прошлым и настоящим, основывают свой город на новом месте. То, что не все население Табары приняло участие в исходе, который рассеял этих «протохеттов» в пределах Палестины и Анатолии, доказывается образцами «импортной» керамики Атчаны, встречающимися в самом верхнем слое этого холма наряду с посудой Хирбет-Керак, но уже не было вопроса о том, кто являлся господином в долине Амука.

Началась новая эра. Насколько мы можем судить, прежнее население жило в деревнях, пусть даже значительных по размерам, но все же остававшихся деревнями, и занималось простым сельским трудом. Люди бронзового века основали город, который со временем был назван Алалах (если только они не называли его так с самого начала), и среди первых своих строений возвели храм богу города. Город просуществовал около двух тысяч лет, и за эти тысячелетия храм перестраивался не один, а 15 раз по различным образцам и для разных богов, но ни при каких переменах ни разу не осмелились строители перенести культовый центр с места, освященного для первого храма.

То, что мы обнаружили от самого храма, пожалуй, все, что от него действительно осталось,— это цельный кирпичный куб площадью 16 квадратных футов и 13 футов в высоту, хотя сначала он мог быть пониже и затем достраивался по мере того, как повышался уровень пола. У его северо-западной стороны найден толстый слой пепла, костей животных и черепков, что могло быть остатками жертвоприношений. Был ли куб алтарем или нет, мы не можем сказать, но он, безусловно, был святыней, ибо, когда в эпоху слоя XVI настало время возводить новый храм на руинах прежнего, этот куб тщательно сохранили. Часть его возвышалась над полом нового здания — небольшой прямоугольник размерами чуть более шести футов на три фута и высотой полфута завершался островерхой деревянной крышей (это могло быть новое сооружение на месте старого, но мы не могли заметить изменений в кладке). Перед ним имелось квадратное отверстие в мощеном полу, яма, ниж-

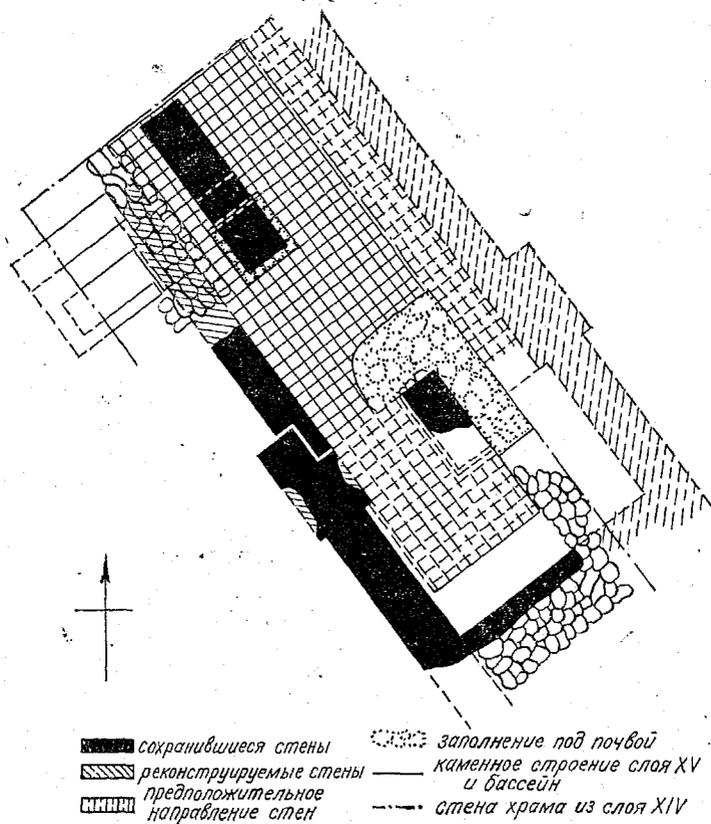

Рис. 2. План храма слоя XVI

няя часть которой была заполнена крупными камнями, а на них обнаружены пепел и кости животных — доказательство, что жертвоприношения продолжали совершать на том же месте.

Храм слоя XVI был очень большим (рис. 2). Значительная часть его основания лежала за пределами наших раскопов. То, что мы обнаружили, являлось центральным двором размерами по крайней мере 60×21 фут, вымощенным терракотовыми плитками и окруженным кирпичными стенами, гладко оштукатуренными и побеленными. То, что извне стены были также побеленными.

лены, свидетельствует о наличии помещений, окружающих двор, но об этих помещениях мы ничего не знаем. Во дворе находились два любопытных объекта: у юго-восточного края — кирпичное сооружение с островерхой крышей и яма для жертвоприношений, о которой я уже говорил; в северо-западной части двора оказалось нечто еще более загадочное. Перед тем как замостить двор, строители выкопали здесь квадратную яму, выложенную кирпичом в верхней части и доходящую до материка. Когда мы ее обнаружили, она, разумеется, была полна воды и казалось естественным считать ее колодезем, но в те времена, когда она была выкопана, это была сухая шахта. Как только яма была вырыта, ее заполнили опять, но не землей, а, так же как и жертвенную яму, огромными валунами с более мелкими камнями между ними. В Атчане нет камней, их должны были доставить с холмов, расположенных за несколько миль — трудоемкое и дорогостоящее дело, учитывая, что самые крупные камни весили свыше трех тонн. Для этого должны были быть какие-то важные соображения религиозного порядка.

Когда шахта была заполнена, пол выровнен и выложен плитками, поверх них возвели сооружение из сырцовых кирпичей восьми футов высотой — как бы отрезок стены около 18 футов в длину и пяти футов в ширину с низким дверным проемом, имеющим плоскую перемычку по центру. Дверной проход, однако, хоть и тщательно сделанный, был затем заложен кирпичами и штукатурен так, что он оказался полностью скрыт. Один конец «стены» доходил точно до границы заполненной камнями шахты. Кирпичное сооружение (мы называли его «мастаба», по аналогии с египетскими надгробными постройками, имеющими ложные двери, но сравнение не очень точное) с заложенным кирпичами дверным проемом, связанное с подземной шахтой, столь трудоемким образом заполненной сразу после того, как она была выкопана, представляет интересную загадку для археолога. Нет сомнения, что оно играло чрезвычайно важную роль в храмовом культе, но более ничего сказать нельзя.

Эти руины свидетельствуют о том, что люди раннего бронзового века придерживались религии своих предков, ведь они поместили свой жертвенный алтарь (если можно считать таковым кирпичное сооружение с островерхой крышей) точно над тем местом, где он был рас-

положен в храме слоя XVII. Эта религия была их собственной, не сходная ни с месопотамской, ни с египетской. В одном из домов слоя XVI мы обнаружили сланцевую палетку с красками для подведения глаз, очень похожую на те, которые находят в Египте середины додинастического периода. Если можно судить по единичному предмету, это должно подразумевать наличие контактов — необязательно непосредственных — с долиной Нила, что вовсе, однако, не означает, что в этот период долина Амука находилась под египетским влиянием; из этих двух областей Амука, безусловно, была более развита. Уже в слое XVI достигает совершенства расписная керамика, изготовлять которую начали первооселенцы Атчаны. Гончары в это время производят замечательные вещи, создают образцы, которым будут следовать тысячу лет. С тех времен и вплоть до XVIII в. до н. э. те же формы и те же декоративные мотивы характеризуют замечательную керамику Алалаха. Следование традиции было настолько неукоснительным, что, не зная в каком слое найден расписной сосуд и опираясь только на стилистический анализ, можно отнести его и к началу, и к концу тысячелетия; я не знаю другого примера столь упорного консерватизма³.

За процветанием и творческим подъемом эпохи слоя XVI последовал период упадка. Никаких следов катастрофы, насильственного разрушения, сожжения храма или домов нет, скорее имеются следы застоя. Вместо того чтобы полностью перестраивать обветшавшие дома, их подлатывали и ремонтировали. Те немногие развалины, которые можно отнести к этому периоду, имеют уж очень жалкий вид. Подобные периоды могут случиться в жизни любого города, но для этого всегда должны быть причины. В данном случае параллели и объяснения происходящему, возможно, следует искать в истории Месопотамии. Там период Урук был временем бурного развития и процветания. Следующий период, Джемдет Наср, если судить по искусству (о его политической истории ничего не известно), скуден и лишен творческого порыва. Население в этот период, безусловно, составляли пришельцы, теми или иными способами подчинившие страну и по крайней мере поначалу не усвоившие более высокую культуру коренных

³ Поразительно долго, свыше 150 лет, держится в Англии мода на тарелки с рисунком плакучей ивы, и непохоже, что они утрачивают свою популярность, но продлится ли это тысячу лет?

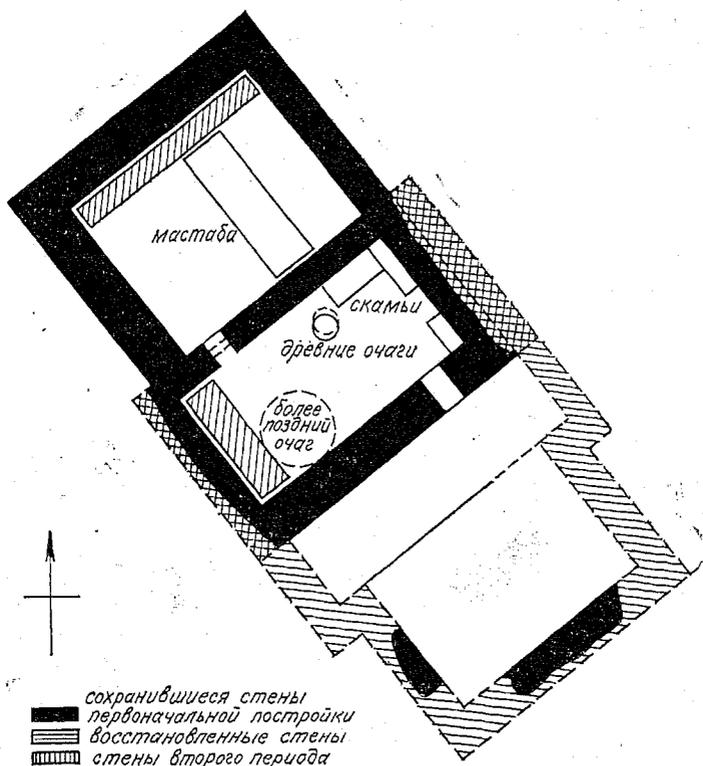

Рис. 3. План храма слоя XIV

жителей. Со временем они, правда, достигли определенного развития и, возможно, подготовили почву для замечательных достижений шумеров раннединастического периода. Так как слой XVI в Атчане соответствует по времени концу периода Урук, а слой XV — началу периода Джемдет Наср, я склонен соотнести процветание Алалаха с ростом спроса на древесину для множества построек, возводимых поздними урукскими правителями, а упадок города — с сокращением торговли, вероятно вызванным вторжением носителей культуры Джемдет Наср.

Но как только в Месопотамии стала складываться благоприятная обстановка, улучшения произошли и в Амуке. Слой XIV приходится на период Джемдет Наср,

о чем убедительно свидетельствуют находки в развалинах домов этого слоя значительного числа глиняных сосудов определенного типа; такие сосуды были найдены на многих городищах, причем всегда в слоях времени Джемдет Наср. Их присутствие здесь — прямое свидетельство контактов с Месопотамией, о возможности которых я упоминал ранее; теперь это стало историческим фактом. Тут не может быть и речи о завоевании, отношения были, очевидно, лишь торговыми.

По мере роста благосостояния обитателей поселений культуры Джемдет Наср, вероятно, расширялась и становилась все более выгодной для Алалаха торговля лесом. Соответственно в слое XIV мы обнаруживаем, что городской храм полностью перестроен, а наблюдения, сделанные нами в «стратиграфическом шурфе», показывают, что и в жилых кварталах также были построены новые дома, гораздо более прочные и имеющие лучшую планировку, чем в предыдущий период. Большое количество прекрасной расписной керамики тоже свидетельствует о процветании. Как и дома, новый храм не повторяет планировку своего предшественника. На поднятой террасе, образованной из засыпанных и выровненных развалин, возведено простое строение с открытым передним двором, обнесенным невысокой стеной. Ширина переднего помещения храма немного превышает глубину, а позади него располагалась большая, почти квадратная комната, собственно святилище.

Эти радикальные изменения не означали, однако, полного отхода от традиции, поскольку в середине святилища, почти заполняя его, сохранялась старая «мастаба», относящаяся к слою XVI (рис. 3). Нижняя ее часть была теперь погребена под полом, но она по-прежнему возвышалась на четыре или пять футов. Это было единственное сооружение в святилище, по существу построенное вокруг него, и нам остается только предположить, что своим священным характером помещение было обязано присутствию в нем этой древней реликвии. Но связь с прошлым заключалась не только в ней одной.

Другая важная особенность храма слоя XVI — любопытное сооружение, возле которого сжигали жертвоприношения; оно унаследовано от прошлого. Это сооружение помещалось на юго-восточном конце двора, и массивный фасад нового здания перекрывал его так, что и следов не было заметно, но тем не менее общий

принцип расположения жертвенника для сожжений был сохранен, и в первой комнате мы нашли большую печь или очаг против внутренней стороны фасадной стены, т. е. на юго-восток от «мастабы»; это позволяет предположить, что храмовой ритуал начинался с сожжения жертв, а затем производились какие-то действия во внутреннем святилище с кирпичной скамейкой.

Такова была первоначальная планировка здания, но с течением времени важные перестройки придали ему несколько иной характер. К внутренней стороне задней (северо-западной) стены святилища была добавлена новая кирпичная кладка, столь толстая, что она полностью заблокировала проход между этой стеной и «мастабой». Одновременно все пространство между «мастабой» и северо-восточной стеной было заложено кирпичом, что превратило его в большую платформу, которая поглотила половину комнаты. В переднем помещении такая же кирпичная кладка была добавлена к обоим боковым стенам, в результате их толщина была доведена до 17 футов; юго-западная кладка была ровная, но на северо-восточной имелась глубокая центральная ниша; широкая кирпичная скамья была пристроена к северо-западной стене. Утолщение стен потребовалось, очевидно, в связи с увеличением их высоты, и можно предположить, что храм приобрел вид величественной башни.

Перестройка внутренних помещений и замена в святилище расположенного в центре возвышения массивной платформой в конце комнаты связаны, по-видимому, с изменениями в ритуале. Ниша в боковой стене внешней комнаты и скамьи вдоль стен создают впечатление, что комната превратилась в помещение для отправления культа. В то же время пол в обеих комнатах был поднят и открытый передний двор был вымощен кирпичом до более высокого уровня. Первоначально двор имел два уровня; перед фасадом храма он был на одной высоте с порогом входной двери, но на расстоянии 10 футов от стен понижался на 18 дюймов. Этот нижний пол был глинобитным в отличие от выложенного сырцовым кирпичом верхнего пола, идущего вдоль стены. Мы обнаружили, что эта более низкая часть двора наполнена (под кирпичной кладкой более позднего пола) мусором — пеплом, костями животных, осколками глиняных сосудов, отходами жертвоприношений. Конечно, не исключено, что мусор использовался здесь как

основа для нового пола во время перестройки, но скорее всего он накапливался постепенно, так как обычно отходы от жертвоприношений сваливались тут же, на храмовом дворе.

Для нас подобное отношение к священному месту может показаться странным, но это вполне соответствует нечувствительности к такого рода вещам, характерной для Ближнего Востока; в конце концов мусор ведь тоже был священным. Интересно, что один из черепков был от стандартного светильника того типа, который получил название «бокал для шампанского», очень распространенного в гробницах раннего бронзового века в Каркемише, где более 60 подобных экземпляров найдено в одной только гробнице⁴. Присутствие такого светильника в храме Атчаны указывает на связь между Алалахом и Каркемишем, что очень важно, так как культуры этих двух городов имеют очень мало общего.

Как показала работа в нашем «стратиграфическом шурфе», храм, который я описал, современен двум отчетливо различимым строительным периодам в жизни жилых кварталов. Так, слой XIV, кажется, соответствует времени основания храма, но за ним следует слой XIII, на протяжении которого новые здания строятся лучше и по иному плану. В частности, в северо-западном секторе раскопанной территории была обнаружена часть строения гораздо более монументального и претенциозного стиля (рис. 4)⁵, единственная комната которого не уступала по размерам обыкновенным домам того времени.

Мы получили также очень ценное для датировки свидетельство. Ранее отмечалось, что слой XIV может быть соотнесен с периодом Джемдет Наср в Месопотамии; в одной из комнат дома слоя XIII была найдена

⁴ Это оставалось необъяснимым до тех пор, пока было непонятно назначение таких «бокалов для шампанского». Образцы, найденные в храме слоя VII Атчаны, оказались светильниками, что разрешило загадку. В скальных гробницах ранних христиан в Каркемише мы находим сотни римских светильников; очевидно, скорбящие оставляли в склепах и могилах зажженные светильники, как символ воскрешения.

⁵ На этом и последующем планах цифрами обозначены все помещения, которые описывались в подробных археологических отчетах. В данной книге упоминаются лишь некоторые из них.— *Примеч. ред.*

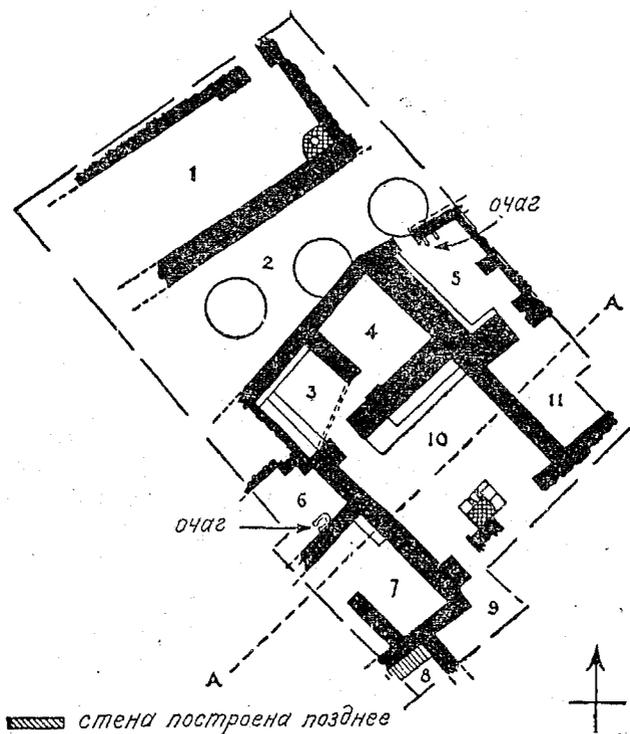

Рис. 4. План домов слоя XIII

цилиндрическая печатка с выгравированной на ней сценной пирамиды, которая по сюжету и по технике исполнения чрезвычайно характерна для первой половины раннединастического периода, следовавшего за периодом Джемдет Наср. Итак, в жилых районах слоев XIV и XIII резко различаются. Я думаю, можно смело связать перестройку города с перепланировкой храма, сохранившей старое здание, но столь существенно изменившей его характер; в своем новом виде храм, очевидно, относится к слою XIII. Нет ничего удивительного, что массивные стены храма пережили два поколения жилых домов; они могли бы просуществовать гораздо дольше, если бы не изменения в политической обстановке.

Глава IV

ОБРАЗОВАНИЕ ЦАРСТВА. СЛОИ XII—VIII

Со слоя XII начинается новая глава в истории Ала-лаха,

Когда глубина нашего «стратиграфического шурфа» достигла этого слоя, мы были чрезвычайно заинтригованы, обнаружив круглую массивную кладку из сырцовых кирпичей шести футов и шести дюймов (около двух метров) в диаметре; верхушка была разрушена, но стены гладко оштукатурены. Рядом оказалась еще кладка, а затем третья и четвертая, все более или менее на одной линии. Наконец мы поняли, что имеем дело с рядом огромных колонн, построенных из сырцовых кирпичей и стоящих перед очень мощной стеной. Позади стены находилась высокая, выложенная кирпичом платформа, возвышающаяся над небольшими домами, расположенными на некотором расстоянии от колоннады, в южной части нашего раскопа.

Это было удивительным открытием, так как до сих пор никто не знал о существовании подобных кирпичных колонн где-либо на территории Сирии; насколько нам известно, в сирийской архитектуре не было ничего подобного ни до, ни после. Аналогии, приходившие на память, следовало искать далеко отсюда, в Месопотамии — в Варке, библейском Эрехе, где фасад дворца украшен гигантскими колоннами из сырцовых кирпичей, покрытых мозаикой. Они относились к периоду Джемдет Наср. И еще Киш, дальше на юг, дворец раннединастического периода, там в центре зала был возведен ряд таких же кирпичных, но без мозаики, колонн. Вот, пожалуй, и все¹. Но в храме слоя XII были найдены две резные печати, по типу относящиеся к раннединастическому периоду, месопотамские или копии с месопотамских оригиналов, и этого достаточно для вывода, во-первых, о том, что слой XII приходится на раннединастический период и, во-вторых, что в этот период между двумя странами имелись связи: алалахские колонны, таким образом, были сделаны по месопотамским образцам.

¹ В Уре есть такая колонна, относящаяся ко времени III династии Ура (около 2000 г. до н. э.), и еще колонна потоньше, также из кирпича, более позднего периода, поставленная при Кудур-Мабуге, правителе Ларсы; но не они нас сейчас интересуют.

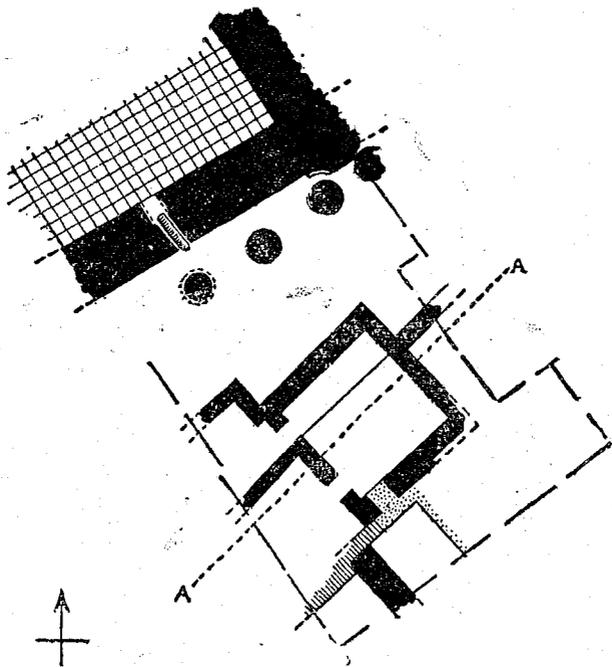

Рис. 5. План дворца слоя XII

Здание было слишком значительным, чтобы служить жилищем какого-нибудь частного лица. К тому же оно находилось на месте колоннады слоя XIII, и с этих пор и далее, вплоть до слоя VII, здесь находился царский дворец (рис. 5). Таким образом, не может быть сомнений в характере здания, которому принадлежала колоннада слоя XII. В течение долгого времени благосостояние города росло благодаря восточной торговле; когда рост сопротивления в Месопотамии положил конец чужеземной культуре Джемдет Наср и в результате борьбы возникли богатые, честолюбивые города-государства, рассадники искусства, благодаря которым раннединастический период сделался, пожалуй, наиболее замечательным в истории долины Евфрата, торговля стала прибыльной как никогда и соответственно правитель Алааха стал богаче. Была ли смена правления мирной или, что более вероятно, дворцовый переворот привел к переменам от слоя XIII к слою XII, мы не зна-

ем, но новый правитель решил зажить подобающим образом, не так, как его предшественники, и, естественно, позаимствовал архитектурные идеи у своих торговых партнеров с более цивилизованного Востока; экзотическая колоннада, столь изумившая нас при раскопках, воистину памятник международной торговле.

Как правило, новая династия закладывала новый храм. Либо у правителя был свой собственный бог-покровитель, которому следовало воздать должные почести, либо нужно было умиловить бога союзника или божество созерена, либо же на худой конец почитанием старых богов правитель пытался обеспечить себе длительное пребывание у власти. Правитель Алалаха слоя XII не был исключением из правила. Нет никаких оснований полагать, что массивные стены существовавшего храма были в столь плохом состоянии, что не могли простоять еще многие годы; нет, дело не в этом — само здание храма не соответствовало новым вкусам и понятиям. Единственное, что можно было сделать, — разрушить его и построить новое. Однако здесь могли возникнуть определенные религиозные сомнения, правомерно ли беспричинное разрушение освященного временем святилища, — по крайней мере только так я могу объяснить то, что мы обнаружили.

Храм слоя XIV, функционировавший и в слое XIII, не был разрушен огнем; на побеленных внутренних стенах и фасаде нет никаких признаков пламени. Но внешняя сторона юго-западной стены² обгорела; вся плоскость кирпичной кладки закопчена, и к ней прилипло огромное количество полностью обугленных сучьев. Любопытно, что подобное топливо, горящее на открытом воздухе, дает огромное пламя, но не слишком большой жар, и такой огонь не мог причинить вреда столь толстым стенам, кстати, под действием пламени кирпичи окрасились в ярко-красный цвет на глубину не более чем полдюйма. После пожара место было тщательно вычищено: на земле никаких следов обгоревшего дерева.

Задолго до того как нам стало понятно назначение здания, мы пришли к заключению, что это был ритуальный огонь, с помощью которого создали видимость разрушения пламенем, тогда как в действительности зда-

² Это единственная стена, кроме юго-восточного фасада, внешняя сторона которой была открыта нами, так что я могу говорить только о ней, но похоже, что то же можно сказать о задней и боковых стенах,

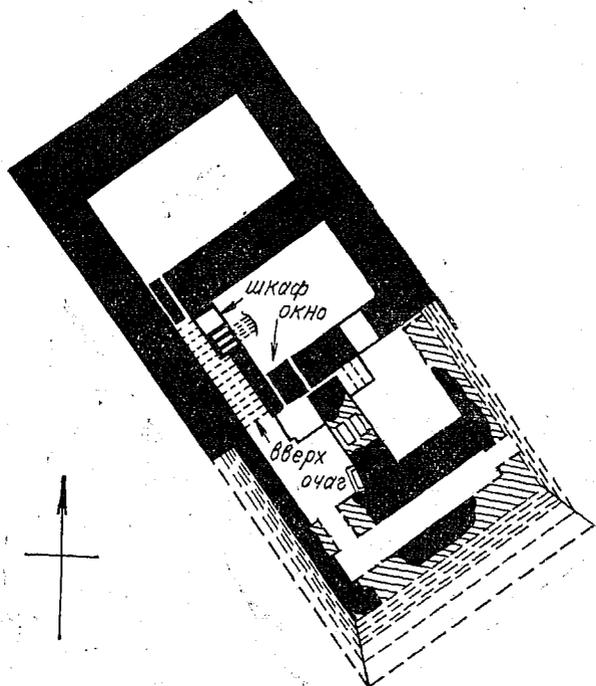

Рис. 6. План храма слоя XII

ние лишь на непродолжительное время скрылось за завесой огня. Я думаю, это верное объяснение. Сучья были навалены возле стен святилища, зажжены, и старое здание было символически «разрушено», после чего можно было без стеснения приниматься за работу. Пепел был выметен, стены срезаны и оставлены на высоту 10 футов над уровнем старого пола. Затем внутри комнат и вокруг внешних стен был положен кирпич, обычный сырцовый кирпич на обычном глиняном растворе, пока не выросла мощная платформа, включавшая все, что осталось от старого храма, и на ней было заложено основание нового храма. Размеры его были такими же, как прежнего, святилище также состояло из двух комнат, но общее впечатление было совершенно иным. Переднюю часть платформы скрывал крутонаклонный скат, облицованный белой штукатуркой, северное изобретение, которое несколько раз встречается в Алалах

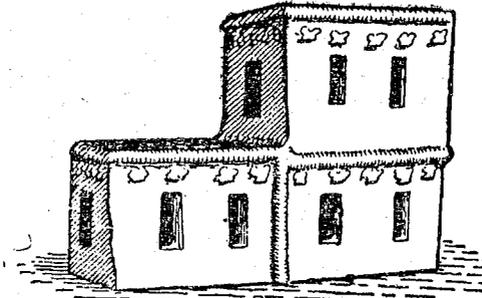

Рис. 7. Глиняная модель храма из Селемаи

(рис. 6). Затем переселявшиеся племена принесли его на юг, и, наконец, оно появилось в Египте, в твердыне гиксосов Телль-эль-Яхудие, столице семитов-завоевателей, которые в короткое время распространили его в пределах захваченной долины Нила.

По ступенькам возле южного угла через проход попадали в маленькую комнату, или передний дворик, где находился очаг для жертвоприношений и два дверных проема. Один из них, справа, вел в другую маленькую комнату, или двор, куда выходила главная комната святилища; второй — к деревянным ступеням, ведущим вверх, к собственно святилищу. Сооружение было расположено не на одном уровне. Поначалу все полы лежали в одной плоскости, и глиняный пол в заднем помещении, служившем, возможно, для каких-то посвятельных церемоний, был тщательно выровнен. Вскоре, однако, на этот пол была положена кладка из кирпича высотой 14,5 фута, так что в комнату можно было попасть только по лестнице — с передней комнатой не было никакой связи, но, видимо, отсюда дверь вела на крышу передней комнаты, так что часть храмового ритуала могла проходить на открытом воздухе и перед глазами толпы. Внешне здание имело ступенчатую форму: самую нижнюю ступень образовывал двор³, внешняя

³ Я называю эти части строения комнатами или дворами; вполне вероятно, что они имели крыши, но так как архитектурно они были спланированы независимо от храмового помещения и так как однажды внутренние стены были разобраны и все пространство оказалось представленным как единое открытое целое, логично предположить, что служебные и главное храмовое помещения различались.

комната поднималась над ним, а само святилище, точно колокольня, возвышалось над всем сооружением.

На Селемайе, в Центральной Сирии, была найдена глиняная модель (рис. 7) храма, которая подтверждает и уточняет нашу реконструкцию, основанную на изучении сохранившихся остатков слоя XII. Это модель только самого святилища без передних дворовых сооружений, но она дает прекрасное представление о высоком помещении сзади, откуда дверь ведет на крышу передней комнаты. Создатель модели не стал утруждать себя лепкой лестницы, но он показал (а руины — нет) определенные декоративные элементы на внешних стенах, а также на окнах обеих комнат. На Атчане же сохранился только подоконник одного из окон в передней комнате. Это не месопотамский⁴ и не египетский тип храма, и, так как он встречается на Селемайе и на Атчане, его можно определить как северосирийский. Зная об отношениях между Северной Сирией и хеттами, мы можем видеть здесь прототип хеттских «хилани», высоких зданий с окнами, которые в более поздние времена столь понравились ассирийским царям, что они начали строить подобные храмы в подвластных им землях.

Слой XII отражает очень длительный период обитания. В кварталах частных домов четко прослеживаются три различных строительных периода, которые можно было бы считать тремя различными слоями, если бы все они не приходились на время существования дворца с колоннадой. Этим свидетельством определенного единства названных «слоев» нельзя пренебречь. Что касается собственно дворца, то, судя по небольшой его части, которую нам удалось расчистить, он за это время перестраивался дважды, и огромные колонны тоже должны были ремонтироваться по меньшей мере дважды. Одна из них, должно быть, обрушилась вскоре после постройки из-за непрочного основания, покоившегося наполовину на стене слоя XIII и наполовину на простой мусорной куче. В этом же месте кончалась одна из дренажных труб дворца, и просачивавшаяся из нее вода еще больше ослабляла грунт, отчего колонна стала крениться наружу, и, когда угол наклона сделался

⁴ Можно обнаружить связь нашего сооружения с некоторыми ранними глиняными моделями из Ашшура, но это в основном модели домов, а не храмов; из всех месопотамских храмов, которые были раскопаны, ни один не имеет аналогий с храмом слоя XII в Атчане.

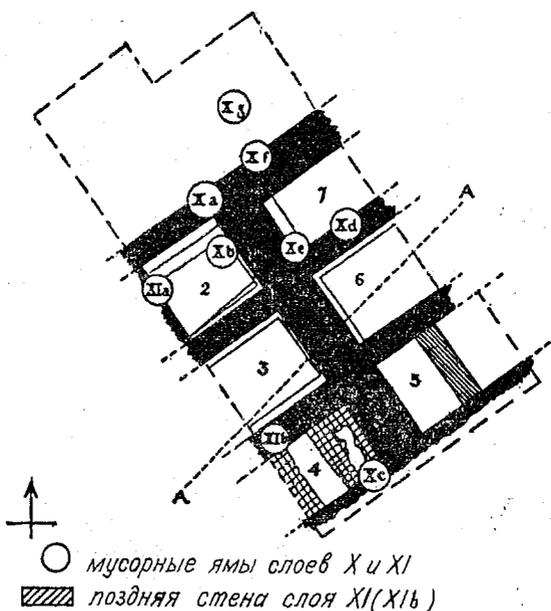

Рис. 8. План дворца слоя XI

угрожающим, ее подкрепили выполненной по окружности небрежной кирпичной кладкой.

Это могло случиться, когда очередная династия пережила упадок: дома второго строительного периода перешагнули старую границу городского района и их строили непосредственно возле самой колоннады, без всякого почтения к царскому дворцу, что нарушало его архитектурный облик. Однако на последнем этапе правитель вернул себе прежнее могущество. Вторгшиеся дома были сметены, открыв перед дворцом большое пространство, как это было изначально; там стоял только один новый однокомнатный дом, который мог быть сторожевым помещением. Колоннаду также перестроили, увеличив количество колонн (поначалу их было только четыре, а теперь мы видим и пятую, основание которой находится на более высоком уровне); старые столбы были срезаны почти до основания, и новые колонны возведены на обрубках⁵. Перемены счастья, по-

⁵ Строителей явно беспокоила неустойчивость колонны, и корень зла для них заключался в ее основании; поэтому, вместо того чтобы просто выровнять верхнюю плоскость, они вырезали в ней

вороты то к лучшему, то к худшему хорошо иллюстрируются перестройками дворца. Таким же образом был дважды переделан и храм слоя XII. Нет необходимости связывать эти изменения с фазами строительства в жилом квартале; важно то, что они подтверждают нашу догадку: слой в целом охватывает весьма значительный период времени. Слои XIII и XII вместе должны соответствовать всему раннединастическому периоду в Месопотамии от начала III тысячелетия до середины XXIV в. до н. э.

С такой датировкой полностью согласуется находка во дворце слоя XI оттиска печати на глине; по стилю такая печать может относиться или к концу раннединастического периода, или ко времени Саргона Аккадского, чье правление, согласно «короткой» хронологии, признанной сейчас повсеместно, началось около 2320 г. до н. э. Допуская, во-первых, что печатью могли пользоваться длительное время и, во-вторых, что опечатанные документы могли долго сохраняться, мы вряд ли ошибемся, если заключим, что 2300 г. до н. э. пришелся на время слоя XI (рис. 8).

В этот период и храм и дворец были перестроены. Об этом свидетельствует масса сырцового кирпича, заполняющего комнаты слоя XII и образующего платформу для нового храма; от самой постройки никаких следов не сохранилось.

Дворец, где мы расчистили всего шесть комнат, был значительно увеличен за счет территории, занимаемой прежде частными домами. Похоже, что в плане это был центральный двор, окруженный тройным рядом комнат. Некоторые комнаты вымощены обожженными плитками; чрезвычайно толстые стены и рассеянные по всему зданию замковые кирпичи, по-видимому, свидетельствуют о том, что комнаты имели цилиндрические своды (архитектурный прием, используемый в Месопотамии с раннединастического периода, но нигде прежде не обнаруженный в Сирии).

Это свидетельствует о смене династии и введении иноземных приемов строительства, что, как мне кажется, объясняется процветанием предшествующего периода. Своим богатством правитель Алалаха был обязан в

глубокую чашеобразную выемку и туда заложили основу новой колонны; это было странное решение, показывающее, что местные строители имели дело с архитектурной формой, которой они не очень-то владели.

значительной степени торговле лесом. Очень может быть, что, воодушевленный расширением сферы своей торговли в конце раннединастического периода, правитель Алалаха стал проявлять непомерный аппетит и заламывать немислимые цены на лес или облагать товары огромной пошлиной. Так можно было вести себя с обыкновенными правителями городов-государств по берегам отдаленного Евфрата, но в это время поднялась новая сила в Северной Месопотамии, и Саргон Аккадский был не из тех, кто стал бы безропотно терпеть вымогательства; как мы знаем из его собственных надписей, он понимал важность международной торговли. Выведенный из терпения непомерными поборами, он направился со своей армией на запад и захватил Амур и Аманус, взяв источники древесных ресурсов в свои руки. Завоеванием Саргона я объясняю разрушение зданий в слое XII, и очень возможно, что новый дворец со сводчатыми комнатами в месопотамском стиле был построен для губернатора или вассального царька, посаженного Саргоном.

Нелегко было для Аккада сохранять власть в столь отдаленном месте, как Алалах, и по крайней мере однажды здесь было восстание, подавленное внуком Саргона Нарам-Суэном, который гордился своим триумфальным походом на «Аманус, гору кедра, и к Верхнему морю»; все это могло произойти в период слоя XI, не оставив заметных следов на городских сооружениях. Но через 24 года после смерти Нарам-Суэна династия Аккада была положена конец варварами кутиями, и тогда, если только не раньше, Алалах мог восстановить независимость. Более того, он возобновил свою доходную торговлю. Слабость правления кутиев, их неспособность создать крепкую центральную власть («Кто был царем? Кто не был царем?») давали значительную свободу местным правителям, так что Гудеа⁶ из Лагаша, например, мог похвастаться тем, что вывез из Амануса огромное количество кедра для храма в Нингирсу.

В слое X мы находим развалины совершенно нового дворца, спроектированного со сводчатыми комнатами в месопотамской традиции; храм был также перестроен, хотя ничего, кроме платформы, до нас не дошло. Ту же

⁶ Похоже, что последние открытия заставят отнести правление Гудеа к более позднему времени, но так как эти свидетельства неокончательны, я сохраняю принятую дату.

картину мы наблюдаем и в слое IX, который синхронен III династии Ура; здесь, среди руин дворца, мы нашли печать с клинописной надписью так называемого кюльтепинского типа, напоминающую многие тексты, открытые в Кюльтепе в Каппадокии, где была колония месопотамских купцов, торговавших с местным правителем. Вполне вероятно, некоторые объединения месопотамских торговцев имели своих представителей и в Алалахе. Было бы слишком смело, исходя из одной печати, утверждать, что они владели здесь постоянной колонией, как в Кюльтепе, но, поскольку наши раскопки ограничивались только территорией дворца, нельзя было ожидать, что мы обнаружим тут следы квартала иностранцев, поэтому находка даже одной-единственной печати по меньшей мере показательна; правда, в текстах из Кюльтепе нет никаких упоминаний об Алалахе.

В период слоя VIII был воздвигнут новый и очень большой храм, от которого остались только обожженные огнем и осыпавшиеся стены; дворец же был только подновлен. В этом слое не было найдено ничего, что могло бы пролить свет на политическую историю того времени, но тем не менее мы с достаточной определенностью можем представить себе основные события. В различных сирийских городах, вплоть до Угарита на севере, который находился всего лишь в 40 милях от Атчаны, были найдены памятники египетских фараонов XII династии. Эти энергичные правители увлеклись политикой завоеваний, которая завела их армии далеко от дома. Первые удары нанес Сесострис I, а его внук Сесострис II около 1900 г. до н. э. был уже властелином почти всей Сирии⁷. Его империя граничила с городом-государством Алалах, а возможно, и включала его. Памятников, современных фараонам, на Атчане не обнаружено, но отсутствие доказательств еще ни о чем не говорит, и более широкие раскопки могут их предоставить.

От последующего периода мы располагаем в высшей степени замечательным свидетельством наличия египтизирующих традиций — царским портретом, выполненным по египетским образцам: член царской фа-

⁷ В Угарите найдены скарабей Сесостриса I, но самые ранние памятники из крупных камней (а только они являются бесспорным свидетельством) принадлежат Сесострису II, следовательно, скорее всего ему надо приписать покорение города.

мили представлен на своей печати с египетскими эмблемами и молящимся египетскому богу. Это свидетельство может означать, что какой-то весьма значительный период времени Алалах уже находился под прямым или косвенным египетским влиянием. Правитель Алалаха или был вассалом фараона, или ему удалось сохранить некоторую независимость, но только за счет рабского подражания египетским модам и задабривания богов своего могущественного соседа. В любом случае слой VIII несет следы влияния Египта, и это продолжается до тех пор, пока около 1790 г. до н. э. власть над империей не стала ускользать из рук ослабевшего фараона и сирийские царьки не получили возможности вести свою собственную игру.

Вплоть до этого момента наша история Атчань носила весьма отрывочный характер. Раскопки этих ранних слоев велись на глубине более 50 футов, стоимость работ возрастала с каждым футом, а раскапываемая площадь по необходимости сокращалась. Большой «стратиграфический шурф», как говорит само название, понадобился лишь для того, чтобы дать нам представление о количестве и характере нижних слоев.

Другой, более глубокий раскоп получился в результате ошибки: мы расчистили храм слоя VII, и, думая, что это может оказаться усыпальница, я дал указание копать дальше, надеясь обнаружить царскую гробницу. Находок не попадалось, мы шли через плотную и, по всей видимости, однородную кирпичную кладку, углубляясь все дальше и дальше. Не скоро я сообразил, что мы, собственно, проходим сквозь наслоившиеся друг на друга остатки многих храмов, относящихся к различным периодам; ничего похожего на ожидаемую гробницу мы не обнаружили, зато получили немало неожиданной исторической информации. Однако оба эти шурфа, которые по счастливой случайности замечательно дополняли друг друга и давали нам представление о последовательности перестроек как храмов, так и жилых кварталов, были не более чем зондажом, разведывательными раскопами, служившими ограниченной цели. Они дали именно то, чего и ждешь от такого раскопа: последовательные строительные слои, каждый со своим набором керамики и мелких предметов, материал, позволяющий отметить культурные изменения в ходе истории, этапы которой могут быть определены по сооружениям. Нам очень повезло, и во многих случаях

мы в состоянии были соотнести отдельные периоды с уже известными историческими фактами благодаря наличию привозных вещей или культурных заимствований, которые помогали связать историю Алалаха с историей внешнего мира; поэтому нам удалось установить то, что зондаж редко дает,— приблизительную абсолютную хронологию вместо оторванной от времени простой последовательности событий.

Связи, которые мы проследили вплоть до примерно 1900 г. до н. э., были направлены исключительно на Восток⁸; это вполне естественно, исходя из географического положения Атчаны и из того факта, что с начала бронзового века население здесь представляло собой результат смешения северных и восточных этнических групп с преимущественным преобладанием последних. К тому же у варварского Севера немногому можно было научиться, тогда как на Востоке рождалась одна из древнейших цивилизаций, распространившая свое влияние далеко за пределы естественных границ. Замечательна устойчивость керамических типов, особенно расписной керамики. Эта керамика, как мы видели, имела местное происхождение, полностью развилась уже в слое XVI и затем сохранялась тысячу лет без видимых следов воздействия иноземных образцов. Хотя в слое XIV встречаются ритуальные сосуды специфической формы, возникшей в период Джемдет Наср, мы не нашли ни одного осколка характерной расписной посуды Джемдет Наср или какого-нибудь изменения местных орнаментов, вызванного подражанием образцам Джемдет Наср. В Месопотамии в раннединастический период, при Саргонидях и при III династии Ура керамика была очень невыразительна, и роспись фактически отсутствовала; алалахского гончара не могли вдохновить те изделия, которые приходили с Востока, и, не встречая конкуренции, он спокойно продолжал воспроизводить действительно превосходные вещи, созданные его предками⁹.

⁸ Единственное исключение — палетка, найденная в слое XVI.

⁹ Если говорить только о форме сосудов безотносительно к росписи, 12 типов были общими для слоев XVI и VIII, 24 встречаются до слоя XII, но не после него, девять — между слоями XI и VIII, но не до XI. Следует помнить, однако, что эти данные весьма неполны и, если бы мы вели раскопки на большей площади, количество типов, общих для всех слоев, могло бы оказаться значительно большим.

Глава V

ЦАРЬ ЯМХАДА.

СЛОЙ VII

Когда мы достигли слоя VII, характер наших раскопок стал иным: во-первых, сейчас раскопки велись уже на небольшой глубине и мы могли охватить гораздо большую площадь и раскапывать здания целиком, и, во-вторых, мы впервые обнаружили клинописные таблички. Наш рассказ теперь основывается на более полных археологических свидетельствах, и мы имеем бесценную возможность подкреплять эти свидетельства письменными документами.

Из сооружений этого периода мы раскопали царский дворец, городской храм и городские ворота. Таким образом, было получено представление о гражданской, религиозной и военной архитектуре. Во дворце и храме найдено много табличек, случайно сохранившихся от официального архива, в прошлом состоявшего из несметного числа подобных табличек. Все таблички относятся ко времени правления царей Хаммурапи, Ярим-Лима и Никме-эпуха, что в общем составляет немногим более 50 лет; большая часть табличек датируется временем Ярим-Лима, современника Хаммурапи, великого царя Вавилона, который правил с 1792 до 1750 г. до н. э.¹; похоже, Ярим-Лим умер незадолго до 30-го года правления Хаммурапи из Вавилона, и мы можем приблизительно определить время его правления между 1780 и 1765 гг. до н. э.

Несомненно, крушение империи XII династии в Египте сделало возможным возвышение ее старых вассалов, и, когда они получили свободу, началась перетасовка тронов и границ. В результате какого-то «обмена» город Алалах попал в руки малоизвестного Аббана, явившегося, по-видимому, основателем новой династии. Он был отцом Хаммурапи, царя Ямхада, и дедом Ярим-Лима. Довольно большое царство Ямхад, лежавшее к востоку от долины Амука, со столицей Алеппо (царь его называл-

¹ По хронологии профессора Сидни Смита; профессор Олбрайт предлагает несколько другую хронологию, по которой правление Хаммурапи приходится на 1728—1686 гг. до н. э. Это не подтверждается свидетельствами из Атчаны, и я поэтому придерживаюсь ранее принятой даты и следующую хронологию Сидни Смита во всех случаях, вплоть до конца слоя IV.

ся или «царь Ямхада», или «царь Алеппо») захватило земли вплоть до берегов Средиземного моря, что существенно усилило его значение. Аббан подарил эти новые владения не сыну, а внуку Ярим-Лиму. Правители Ближнего Востока имели обычай передавать управление вассальными городами своим братьям или сыновьям. Это уменьшало вероятность заговоров против них со стороны вассалов. Возможно, Аббан хотел, чтобы Хаммурапи как «царь Алеппо» правил в традиционной столице, а Ярим-Лим в качестве наместника управлял долиной Амука из Алалаха. После смерти отца Ярим-Лим наследовал все царство.

Важное свидетельство его могущества дается в табличке из Ма'ер (Мари), где содержится донесение, посланное Зимри-Лиму, царю этого города; агент сообщает, что «за Хаммурапи Вавилонским идут 10—15 царей, и 10 или 15 идут за Рим-Сином, царем Ларсы (два великих правителя в Месопотамии в то время.— Л. В.), но за Ярим-Лимом из Ямхада идут 20 царей». Сюзерен 20 зависимых царей мог играть ведущую роль во внешнеполитической борьбе того времени. Похоже, Ярим-Лим искусно, если не сказать беспринципно, выступал то на стороне Вавилона, то на стороне Ларсы в зависимости от обстановки, при всех обстоятельствах избегая подчинения кому-либо из враждующих соперников.

Среди обнаруженных табличек сравнительно немного связано с именем Хаммурапи, подавляющее же большинство — с именем Ярим-Лима, но многие из них сообщают о деятельности некоего Аммитакку, который в качестве градоправителя ведал городскими финансами. Документы Хаммурапи должны относиться ко времени, когда Ярим-Лим правил от имени своего отца, остальные представляют собой архив периода его собственного правления, и, хотя власть, несомненно, иной раз доверялась Аммитакку, тот факт, что архив хранился в Алалахе, по-видимому, подразумевает присутствие здесь царя.

Характер строений слоя VII, раскопанных нами, приводит к тому же заключению. Все они возведены в одно или почти в одно и то же время и могут надежно датироваться периодом Ярим-Лима. Он мог, разумеется, начать строительство своего дворца, когда правил еще от имени отца, но позднейшие достройки дворца (он строился в несколько этапов), храма и прежде всего массивные фортификационные сооружения могли быть сле-

ланы только правящим монархом для своей резиденции. Перед лицом опасного соседства и непрочных союзов с правителями Месопотамии Ярим-Лим вполне мог опасаться, что Алеппо, расположенный в непосредственной близости от восточной границы царства, мог стать объектом неожиданного нападения. Поэтому, оставив за Алеппо роль главного города, Ярим-Лим перевел управление в столицу своей старой провинции, сделав ее своим домом и усовершенствовав ее оборонные сооружения в соответствии с требованиями момента.

В последние дни, когда не оставалось времени на раскопки большого масштаба, на северо-западном краю холма Атчана мы заложили разведывательную траншею и убедились, что эта часть древнего города во все последующие периоды была занята большой крепостью, цитаделью, где размещался военный гарнизон. Мы раскопали на достаточную глубину и обнаружили, что та же картина наблюдается и в слое VII. Поскольку при всех перестройках основной характер оборонительных сооружений оставался неизменным, мы сделали вывод (хотя был расчищен только маленький участок), что крепость Ярим-Лима представляла собой сооружение из сырцового кирпича, возведенное на платформе, заметно возвышавшейся над уровнем города, что позволяло контролировать подходы с севера и запада. Крепость составляла главную внутреннюю линию обороны с этих двух сторон. От основания стены крепости шла пологая берма шириной 50 футов, на краю которой стояла внешняя стена, вероятно не очень высокая, а ниже шел крутой гласис из кирпича с глиняной облицовкой под углом более чем 45 градусов, высотой 26 футов.

Наклонный гласис, впервые обнаруженный нами в храме слоя XIV, где он был совсем маленький, здесь превращается в настоящее эффективное военное сооружение. Недосягаемый, как и вертикальная стена, он имел то преимущество, что подошедший к его подножию враг оставался под прямым прицелом, не имея убежища, какое обычно у него было у подножия вертикальных стен, защитники которых могли стрелять, лишь перегнувшись с крепостных стен и тем самым подставляя себя лучникам нападающего противника. Если враги преодолевали внешнюю стену, они оказывались на наклонной берме, которая прекрасно простреливалась защитниками крепости. Этот тип фортификации был, похоже, северосирийского происхождения, так как подроб-

ное описание оборонительных сооружений одного из северосирийских городов, данное в тексте Нарам-Суэна², полностью соответствует характеру тех руин, которые были обнаружены на Атчане; такой тип оборонительных сооружений существовал еще задолго до Ярим-Лима, и трудно представить себе что-нибудь более отвечающее тогдашним условиям и способам ведения войны.

Северо-западные ворота города, вероятно, главные, ибо они выходили на важную дорогу между Алеппо и Антиохийским проходом, примыкали к крепости и находились под ее контролем. Со стороны долины дорога довольно круто поднималась к массивной башне с воротами, расположенной между внешней стеной крепости и городской стеной, на одной линии с последней, так что верхние помещения башни могли служить для перехода защитников из одного сектора обороны в другой. Дорога, идущая через башню, была перегорожена тройными воротами. И такое сооружение не было новшеством: подобные ворота, оправдавшие себя во время войны, очень близки главным городским воротам Каркемиша, с которыми они практически одновременны, и в общих чертах напоминают многие другие ворота, известные на Ближнем Востоке как в более ранний, так и в более поздний периоды.

Раскопанные нами руины ворот, естественно, составляли только нижнюю часть сооружения, но они достаточно хорошо сохранились, чтобы можно было отчетливо представить себе общий его вид (рис. 9). В целом башня построена из сырцового кирпича; в качестве скреп использовались тяжелые деревянные балки. Это была кирпично-деревянная конструкция, характерная для сооружений хеттов. Фасад, как извне, так и изнутри, боковые стены дверного прохода и массивные контрфорсы трех ворот были облицованы белыми известняковыми плитами высотой четыре фута. Камни контрфорсов стояли не прямо, а с небольшим наклоном внутрь, как в воротах хеттской столицы Богазкёй в Каппадокии. Там сводчатая арка над наклонными косяками имела выступ, что естественно, если строительный материал — камень, но здесь подобный эффект легко достигался кирпично-деревянными конструкциями, хотя можно смело предположить, что под фальшивой аркой была плоская гладкая перемычка. Одна сторона была цель-

² *Gadd C. J. Ur Texts. Vol. 1. Royal Inscriptions, c. 81.*

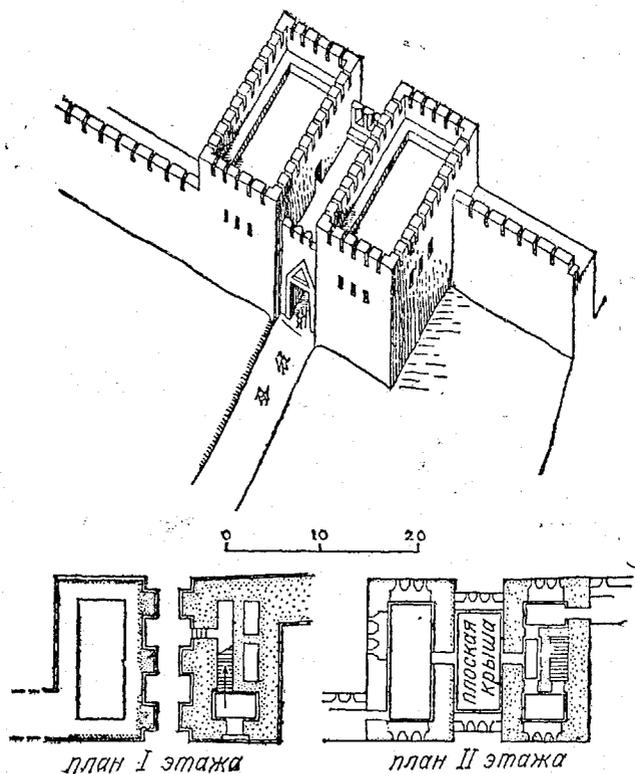
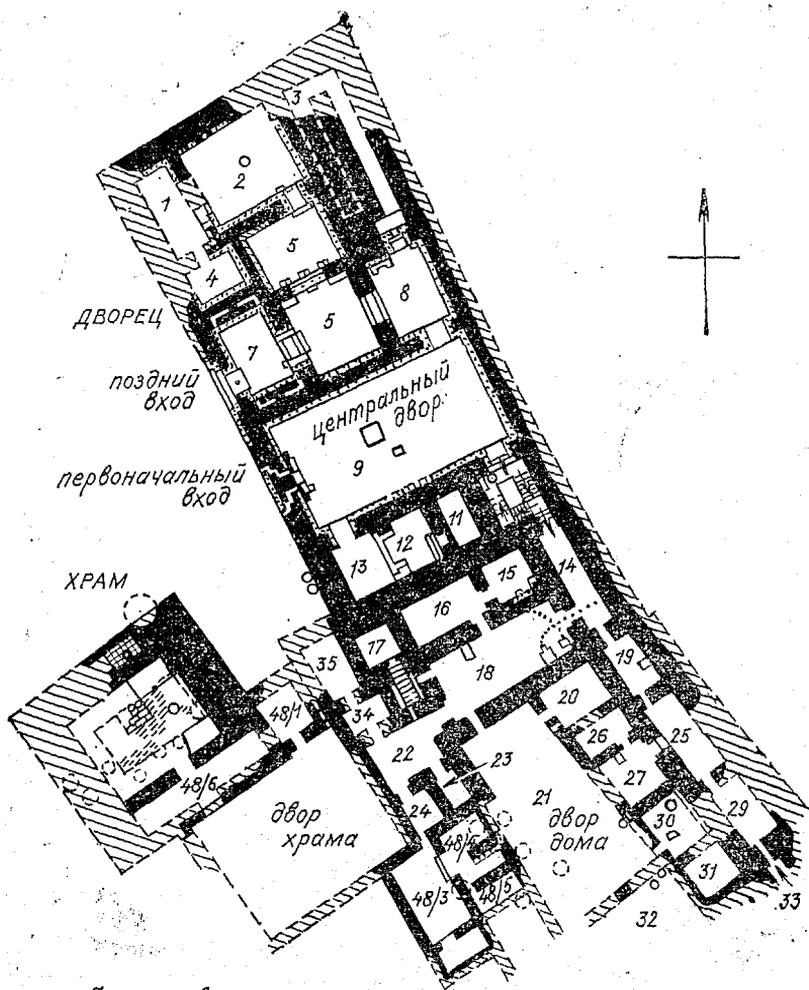

Рис. 9. Городские ворота слоя VII

ная, представляя собой в действительности угол гигантского вала цитадели; во внутренней стене другой, северо-восточной, стороны имелся широкий проход с каменными косяками и ступенями, ведущими в караульное помещение. В задней части комнаты лестничный марш (нижние ступеньки выложены из кирпича, верхние — из дерева) вел в комнату над воротами и на верх городской стены. Под лестницей находилась маленькая комната с дверью, ведущей в промежуток между внешними и средним контрфорсами ворот, явно караульное помещение для стражи на посту. Это караульное помещение — любопытный просчет в тщательно продуманной планировке, так как врагу достаточно было захватить первую из трех больших дверей воротной башни, чтобы попасть в комнату стражи и, подпалив ее деревянное

- базальтовые ортостаты
- стоящие стены из сырца
- восстановленные стены
- цементная вымостка в храме
- поздние мусорные ямы

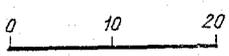

Рис. 10. Дворец слоя VII

перекрытие, разрушить лестницу и, возможно, все сооружение. Похоже, что нечто в этом роде и случилось, ибо башня была явно уничтожена пожаром, караульное помещение выгорело, а кирпичные стены лестницы обрели под воздействием огня глубокий красный цвет; глиняный пол ворот был покрыт толстым слоем горелого дерева, служившего, вероятно, полом верхней комнаты: надвратная башня не оказалась неприступной.

Мы не могли раскопать какую-либо городскую стену, но достаточно хорошо представляем ее характер. Царский дворец занимал угол города, и две его внешние стены фактически были и городскими стенами. Построенные из сырцового кирпича толщиной восемь футов, они возвышались над краем крутого земляного вала почти на 30 футов — высота определялась по разнице уровней пола дворца и плоскости равнины за стенами. Вал был явно земляным, а не кирпичным, как в цитадели, ибо все позднейшие валы были земляными, иногда с глиняной облицовкой. Здесь не было и бермы, а стены поднимались прямо от края откоса. Это подтверждается тем фактом, что внешняя часть северо-восточной стены дворца исчезла, съехав вниз по склону.

Очевидно, в XVIII в. до н. э. Алалах мог считаться первоклассной крепостью, и там, где традиционно находился царский дворец, Ярим-Лим построил для себя новый дворец. Это было время (не единственное в истории Ближнего Востока), когда местные князья похвалялись друг перед другом роскошью своих дворцов. Так, правитель Угарита просит Ярим-Лима помочь ему увидеть дворец царя Ма'ер (Мари), о великолепии которого он был много слышан. А царь Ямхада, как и Нерон, желал иметь подобающий его положению дворец. В настоящее время юго-восточная, жилая, часть строения слишком разрушена, чтобы можно было восстановить ее план, но даже то, что площадь эта составляет 320×50 футов говорит о многом (рис. 10). Единственный вход в середине длинной юго-западной части строения вел в большой открытый двор, тянувшийся через все здание до городской стены. Плиты полированного базальта образовывали цоколь вокруг стен; в центре возвышался большой квадратный очаг; в стене, справа от входившего, были две двери, а слева, в углу, единственная дверь, ведущая в официальные помещения.

Дворец состоял из двух частей, разделенных двором, и характер комнат свидетельствует о четком деле-

нии на служебные и жилые помещения. В центре официальных помещений находился зал приемов — длинная комната, поделенная на две части выступами, идущими от боковых стен, и четырьмя деревянными колоннами, стоявшими на бетонном пороге; отчетливо видны черные круги, оставшиеся на бетоне от сгоревших столбов. Внешняя, предназначавшаяся для посетителей часть зала приемов была окружена комнатами для ожидающих, одна из которых имела дверь, выходящую непосредственно на главный двор, и служила прихожей. Внутренняя часть зала приемов, по-видимому, предназначалась для царя и придворных. За ней находилась большая служебная комната (возможно, тут помещалась канцелярия), а рядом — маленькая комната, где мог располагаться архив, хотя табличек мы здесь не нашли. Затем следовала комната еще меньше (она находилась под углом более позднего дворца Никмепа), которая, по аналогии с другими зданиями, может считаться туалетом, хотя нам не удалось закончить здесь раскопки. В северном углу этой части дворца имелась большая лестница, ведущая в верхние комнаты. Сооружение, безусловно, было двух- или, возможно, трехэтажное.

Посетитель, входивший на главный двор, видел справа две двери, на одном и на другом конце юго-восточной стены. Первая из них вела в три соединившиеся комнаты, которые находились на том же уровне, что и двор; это были не жилые помещения, а склады. Если свет и проникал в них, то лишь через маленькие оконца, расположенные на большой высоте, ибо при раскопках мы обнаружили стены высотой 8,5 фута, без всяких признаков окон. Естественно, в складских помещениях из соображений предосторожности окон или вообще не делали, или их делали на очень большой высоте. Гладко оштукатуренные полы были покрыты толстым слоем пепла и усеяны множеством глиняных табличек (деловой архив дворца) и слоновых бивней.

Это открывает любопытную черту в экономике того времени. Слоновая кость была одним из наиболее ценных товаров в торговле древних, и для стран Ближнего Востока существовали лишь два источника ее приобретения. Египет, разумеется, мог получать слоновую кость с юга — либо торговым путем, идущим вниз по течению Нила, либо посылая правительственные экспедиции через Красное море в Пунт, на побережье Эфиопии. В Сирии водился сирийский слон, теперь вымерший, но во II

тысячелетии до н. э. он не был редкостью; однако этот источник был доступен не для всех. Сирийцы никогда не делали попыток приручить слона, и по всей стране было всего несколько мест, где дикие животные могли прокормиться. Единственный достаточно большой район, где была вода и густые заросли кустарников, дающие пищу и укрытие, расположен на правом берегу Евфрата, в большой излучине реки к юго-востоку от Алеппо. Установлено, что здесь водились слоны, и, вероятно, находились они в своего рода «заповедниках» и использовались для нужд торговли слоновой костью. Эта была земля Ния, и она являлась частью владений царя Ямхада. Таким образом, Ярим-Лим не только владел северными путями торговли кедровым лесом, но и имел монополию на северную слоновую кость. Этим прекрасно объясняется великолепие его дворца, и нам понятно, почему он устроил в стенах дворца складские помещения для драгоценных слоновых бивней.

Жилая часть дворца была построена на террасе, возвышавшейся на четыре фута над уровнем главного двора. Вход сюда (второй в правой стене главного двора) вел на кирпичную винтовую лестницу; сразу же за дверью находился маленький коридор, где справа под лестницей был шкаф, а слева — первый марш ступеней, с верхней площадки которого другая дверь вела в длинный проход, опоясывавший внешнюю стену дворца. Комнаты первого этажа, в которые можно было попасть из прохода, были в основном служебного характера: кухня, комнаты прислуги, мастерские, а винтовая лестница вела в жилые комнаты царской семьи. Эта часть дворца, возможно, была трехэтажная, но от верхних комнат, разумеется, ничего не сохранилось. По обломкам, провалившимся через этажи в складские помещения, можно представить некоторые детали главной комнаты pianoobile³. Это был зал длиной 45 футов (перекрывал все три склада), который делился, подобно залу приемов в парадной части дворца, на две неравные части контрфорсами с деревянными колоннами между ними; в его юго-западной стороне было большое тройное окно, разделенное каменными колонками и обрамленное камнями квадратной формы.

Зал, как и большинство лучших комнат дворца, был украшен фресками. Они в основном исчезли, остались

³ Бельэтаж (итальянск.). — *Примеч. ред.*

только углубления от пальцев в стенной штукатурке, которые помогали держать внешний, расписной слой штукатурки. В зале приемов в парадной части дворца мы обнаружили следы краски, показывающие, что в росписи имелись архитектурные мотивы, сходные с росписями помещений царского дворца Миноса на Крите. Но в зале царской семьи большие куски стен обрушились в нижние складские помещения, после того как пол пришел в ветхость; на некоторых из них все же сохранилась расписная штукатурка — просто фрагменты, но бесценные благодаря информации, которую они дают. Роспись была настоящая фресковая, стена штукатурилась по частям, и краска наносилась на еще влажную поверхность — техника, с которой мы встречаемся на Крите, но которая никогда не применялась в Египте, где рисунок всегда наносился темперой по сухой штукатурке. Центральная часть комнаты была расписана по белому фону широкими полосами голубого и желтого цвета, а черной краской были нарисованы головы (а возможно, и целые фигуры) быков; в юго-западной части, между разделяющими комнату колоннами и окном, фон стены был красный, как в Помпее, с натуралистическими изображениями, из которых сохранился довольно реалистический фрагмент, представляющий колеблемую ветром длинную траву в желтовато-белых тонах.

Именно здесь, в нашем слое VII, мы впервые обнаружили бесспорные связи с Критом. Принцип строительства дворца Ярим-Лима тот же, что и в Кноссе: вдоль основания стен устанавливались шлифованные каменные плиты, использовались кирпично-деревянные конструкции (хотя на каменистом Крите вместо сырцового кирпича служили камни), широко применялся цемент. И здесь, и там были деревянные колонны на простых круглых каменных базах, даже детали планировки зала приемов были похожи, а фрески идентичны по цвету, технике и стилю. На Крите все эти черты появляются внезапно во дворце Миноса и одновременных с ним строениях вне связи с предшествующими местными традициями, и с концом минойской эпохи они исчезают. Но дворец Ярим-Лима выдержан в местных традициях, которые сохраняются и в последующих сооружениях вплоть до VII в. до н. э. Более того, дворец Ярим-Лима превосходит более чем на столетие критский образец того же стиля.

Не может быть сомнения в том, что Крит лучшими

образцами своей архитектуры и фресками обязан Азии. Более того, международный торговый обмен чрезвычайно важен, но он имеет свои границы; невозможно экспортировать дворец, погрузив его на корабль, или сделать объектом торговли «искусство и тайну» создания фресок. Распространение профессиональных навыков требует прямых контактов, и мы считаем, что опытные мастера, строители и живописцы, были приглашены на Крит из Азии (возможно, из самого Алалаха, учитывая, что он имел свою средиземноморскую гавань), чтобы построить и украсить дворцы критских правителей. Несколько позже, при XVIII династии, критские мастера были приглашены в Египет расписать особо прочными фресками дворцовые полы — вот почему мы находим микенскую керамику в беднейших домах Телль-эль-Амарны. Начиная раскопки на Атчане, мы стремились прежде всего обнаружить истоки развития критского искусства и были удовлетворены, найдя столь бесспорные доказательства зависимости его от Азии.

Я сказал, что комнаты на первом этаже жилой части дворца в основном были хозяйственного назначения; так, в комнатах № 15 и 18 (см. рис. 10) имелись встроенные каменные резервуары для воды; под полами шли стоки для отвода грязной воды за городскую стену, дальше к юго-востоку, где здание имело только один этаж (о чем свидетельствует утончение стен), помещались комнаты дворцовых ремесленников: комната № 30 была мастерской каменотеса, № 29 — гончара; но назначение не всех комнат было столь же легко разгадать. Одна комната (№ 17 на плане) задала нам неразрешимую загадку. При строительстве дворца на этом месте в земле была выкопана квадратная шахта, и в ней построена комната, прочный бетонный пол которой был на 7,5 фута ниже, чем полы примыкающих к ней комнат, а стены выложены тремя рядами тяжелых базальтовых блоков, скрепленных цементом.

В юго-восточной стене имелся вход с базальтовыми косяками и перемычкой, а сама дверь была сделана из большой базальтовой плиты, поворачивавшейся на выступающих шарнирах и запиравшейся на засов, который вставлялся в отверстие в каменном пороге. К двери вела узкая лестница со ступеньками из дерева, булыжников и глины, аккуратно покрытыми белой штукатуркой; боковые стены лестницы сделаны из грубого известня-

ка, покрытого цементом. Мы нашли каменную дверь полуотворенной, но заваленной изнутри комнаты большими валунами; в одном углу была куча древесного пепла, и в ней три алебастровые и три терракотовые вазы. Возле юго-западной стены стоял деревянный сундук, а в нем четыре человеческих скелета, расположенных так, что в каждом углу находилось по черепу. Когда мы раскопали эту врытую в землю комнату, она была наполнена чистой землей, лестничная клетка имела деревянную крышу, а поверх нее, вровень с полами соседних комнат, был выложен цементный пол. Вход наверху лестницы был заложен кирпичом, и новая дверь прорублена в северо-восточной стене комнаты, под которой теперь находилась лестница, а проход в наземном помещении был устроен над скрытой под землей базальтовой дверью; вероятно, и новый пол был выложен поверх засыпанной землей шахты, но если это и так, то он впоследствии не сохранился. Итак, две ничем не примечательные комнаты появились над подземным помещением и подходами к нему.

Мы были совершенно уверены, что это помещение строили одновременно с дворцом, потому что состоящее из валунов основание дворцовой стены покоится на каменных стенах шахты, и к тому же заложенный кирпичом проход наверху лестницы должен означать, что юго-восточная стена наземной комнаты уже была, когда шахтой пользовались. Но что значит пользовались? Когда мы обнаружили заделанную лестницу и базальтовую дверь, то были уверены, что они приведут нас в царскую гробницу, но гробницы здесь не оказалось. Непочтительно засунутые в сундук скелеты и три каменные вазы едва ли могут быть царским захоронением; а поскольку дверь была завалена изнутри, не было здесь и крыши, соответствующей царской гробнице. Я могу только предположить, что это было помещение, в котором были принесены жертвы при закладке дворца, т. е. происходил какой-то ритуал освящения нового здания («на крови перворожденного возвел стены»), но если это так, то, значит, религиозные представления того времени отличались какими-то неожиданными особенностями.

За неудачу, постигшую нас, когда мы поняли, что это не царская гробница, нас полностью вознаградила храм Ярим-Лима. Он построил его на традиционном месте, непосредственно на развалинах храма слоя VIII. В нижнюю часть его стен заложили массу бетона, чтобы

сделать основание для новой конструкции. План храма был достаточно прост: большой двор, окруженный служебными помещениями, а позади него — комната-святылище, почти квадратная, со скамьями по стенам и со ступенчатым алтарем из базальтовых блоков, находящимся напротив скамьи у противоположной входу стены. Но здание было очень высоким: и массивный характер стен из сырцового кирпича (13 футов толщиной) и лестницы в толще передней и задней стены, и вертикальный сток из обожженного кирпича, выведенный из верхнего помещения, очевидно предназначенный для каких-то ритуальных возлияний, — все это свидетельствует о том, что в здании было по крайней мере два этажа, а может быть, и больше; во всяком случае, оно, вероятно, имело вид высокой башни, возвышающейся над городом.

Подобно дворцу, храм тоже был сожжен, а перед сожжением полностью ограблен. Под бетонным покрытием скамей были встроены длинные деревянные ящики. Они были взломаны и опустошены; пол завален табличками из храмового архива, обломками мозаики из слоновой кости и фрагментами битой скульптуры. Среди находок любопытна, например, разбитая на добрую сотню осколков терракотовая жаровня или подставка для вазы в форме барабана, декорированная терракотовыми барельефами разных богинь и одной фигуркой сраженного воина (?). Возможно, это была иллюстрация к какой-нибудь легенде. Попадались части скульптур: прически, куски бород, тщательно вырезанные из мыльного камня; лица, возможно, были из слоновой кости, а тела из позолоченного дерева.

Здесь были найдены также две чрезвычайно интересные человеческие головы, вырезанные из диорита, которые могли принадлежать скульптурам, стоявшим на храмовых скамьях. Одна из них, очень пострадавшая, в египетском стиле — работа не египетского, а местного мастера, который пытался не слишком искусно подражать египтянам. Эта скульптура, очевидно, относилась ко времени, когда Ярим-Лим стал обретать независимость, когда влияние фараонов XII династии было в Алалахе еще сильно и член царского дома считал своим долгом иметь свое изображение, выполненное по художественным канонам, принятым при дворе сюзерена. Но в манере исполнения головы другой скульптуры — хочется думать, что это портрет самого Ярим-Лима, —

нет ничего египетского. Это работа иной школы (и соответственно выполнена в иных политических условиях) и представляет собой оригинальное произведение искусства.

По технике исполнения эта скульптура напоминает шумерское искусство раннего периода. Ближе всего к ней по времени и стилю найденная в Ниневии замечательная бронзовая голова, возможно, скульптурный портрет Саргона, царя Аккада, но она старше нашей скульптуры на несколько столетий. Похоже, должна была существовать (возможно, в Северной Месопотамии) какая-то школа, о которой нам ничего неизвестно; истоки ее восходят к искусству шумеров, но впоследствии она развивалась своим собственным путем и достигла такого уровня, до которого редко поднимались на Ближнем Востоке. Эта голова Ярим-Лима (?) — единственный образец, но из какого бы центра художественной культуры он ни исходил, это замечательный скульптурный портрет и превосходная художественная работа.

Город, подобный Алалаху, местопребывание царя, чьи владения были разбросаны столь широко и чье богатство накапливалось в основном за счет международной торговли, всегда был открыт различным влияниям извне, но чужеземный характер найденных здесь предметов необязательно свидетельствует об их местном происхождении. Каменные вазы из загадочного подземелья во дворце могут сойти за египетские, но столь же вероятно, что они местного производства, а мастер выбрал египетский образец только потому, что к нему привыкли его заказчики.

Сырье ввозилось так же, как и готовые изделия. Так, возле внешней стены большого здания периода Ярим-Лима (мы не могли раскапывать его, так как оно находилось непосредственно под более поздним дворцом Никмепа) мы обнаружили мастерскую, в которой изготовлялись обсидиановые вазы. Обсидиан, или вулканическое стекло, доставлялся из Восточной Анатолии; он поступал в форме гладко отесанных прямоугольных блоков размерами 12×8×8 дюймов. Мастер придавал форму вазе, используя старую технику обработки камня — оббивку и отжим, затем сверлил с помощью твердого сверла с круглым окончанием близко друг к другу дыры, а перемычки между ними выламывал; после этого вся поверхность гладко очищалась, отчего изделие

становилось матовым и непрозрачным; наконец, сосуд полировался и в законченном виде выглядел как бы сделанным из черного или бутылочно-зеленого полупрозрачного стекла. Изготовление изделий из такого неподатливого хрупкого материала было делом столь же деликатным, сколь и трудным, и можно себе представить, что все производство было сосредоточено в руках нескольких умельцев, чьи изделия продавались на рынке по высоким ценам.

Чем дальше мы вели раскопки строений слоя VII, тем более поражались характеру обнаруженной здесь керамики. Прежде всего, традиционная расписная посуда, характерная для слоев XIV—VIII теперь полностью исчезает; мы не нашли ни одного раскрашенного сосуда такого типа. Справедливо утверждение, что во времена процветания страны искусство керамики обычно отходит в тень: богачи предпочитают ставить на стол посуду из бронзы, серебра и золота, а не старые глиняные сосуды, и посуда, которая долгое время считалась в Алалахе предметом роскоши, могла выйти из моды, когда Ярим-Лим стал царем. Но в данном случае дело обстояло не совсем так. Во дворце, в храме и в некоторых захоронениях победнее мы нашли массу сосудов, нерасписных, но самых разнообразных форм,— было обнаружено более 40 типов и только 11 из них встречались в более глубоких слоях, все остальные появились в период правления Ярим-Лима; налицо явное нарушение керамической традиции. Причем десять из этих новых типов керамики не выходят за пределы слоя VII, и когда мы начали раскопки в слоях VI и V, то увидели, что старая расписная посуда до некоторой степени возродилась и не менее 20 старых типов, пропавших в слое VII, теперь появились снова. Следовательно, перерыв в традиции был временный, совпавший с правлением Ярим-Лима.

Правители Ямхада были первоначально царями Алеппо; они захватили Алалах и превратили его в царскую резиденцию, но тем не менее они были здесь чужаками и, как таковые, принесли с собой новые веяния и новое искусство. Возможно, некоторым новшествам противились; очень может быть, что старая расписная керамика, характерная для Алалаха в течение многих веков, расценивалась как «национальный» символ, противостоящий чужеродным влияниям, и потому сознательно искоренялась. Весьма вероятно, что «гонения»

такого рода со стороны нового порядка распространялись не только на керамику. Династия Ярим-Лима, хотя город богател и процветал, вызвала такую ненависть горожан, которую нельзя объяснить лишь насильственными переменами в домашней посуде. Очевидно, для нее были более веские основания. Некоторые поздние переделки во дворце свидетельствуют о растущей непопулярности царской семьи и недоверии к подданным. Входная дверь центрального двора, ведущая в парадные и жилые помещения, была заложена кирпичом. Новая дверь прорублена во внешней стене (юго-западной) комнаты для посетителей в парадной части дворца. Остальные стены были укреплены, а само помещение превращено в караульное: только минуя его, можно было попасть в зал приемов, и только таким путем, пройдя потом через другую прихожую (где опять-таки легко было поставить охрану), посетитель мог выйти в центральный двор и оттуда в жилые помещения дворца.

Раскапывая здание, мы обнаружили, что оно горело. Пожар был столь сильным, что даже в толще стен сырцовые кирпичи были ярко-красного цвета и потрескались; стенная штукатурка, смесь песка и извести, превратилась в стекловидное вещество, а базальтовые стеновые плиты не только потрескались, но в некоторых местах практически расплавились; к тому же дворец был полностью разграблен. В новом помещении для стражи мы нашли скелеты пяти вооруженных мужчин, и еще два были найдены в других помещениях. По моему впечатлению, семь скелетов — слишком мало. Если дворец подвергся нападению врагов извне, что могло случиться только после успешного штурма городских стен, то он был последним укрытием для осажденных, которые держались бы здесь до последнего; в таком случае он был бы забит скелетами. То, что мы увидели, говорило скорее в пользу неожиданного нападения — обычная дворцовая стража была внезапно уничтожена, после чего уже некому было оказывать сопротивление, и все здание оказалось в руках нападающих. Это указывает на мятеж жителей Алалаха. Позднее мы обнаружили, что все другие правительственные здания были сожжены таким же образом — храм, крепость, городские ворота, большое здание под дворцом Никмепа, и мое первоначальное объяснение стало выглядеть не таким убедительным, хотя, возможно, все-таки оно остается верным. Если гарнизон в городе составляли воины из Алеппо и

других восточных провинций царства, нападение на них неизбежно должно было последовать за захватом царского дворца, а царь Никме-эпух едва ли полагался на местных солдат. В то же время гипотеза о разрушении города врагами извне между 1750 и 1730 г. до н. э. тоже имеет слабые стороны, ибо Алеппо, главный город царства, частью которого являлся Алалах, похвалялся своей «великой царственностью» еще долго после 1700 г. до н. э. Правда, это была эпоха больших перемен и таких перемещений народов, которые время от времени меняли ход истории Ближнего Востока: приблизительно тогда же касситы вторглись в Вавилонию и захватили часть ее территории; около 1730 г. до н. э. семиты-кочевники хлынули в долину Нила и под именем гиксосов, «пастушьих царей», узурпировали трон фараонов, но мы не можем с такой же определенностью объяснить падение Никме-эпуха вторжением иноплеменников. В целом местное восстание кажется более вероятным, и, хотя жителей Алалаха в борьбе за независимость могли вдохновлять события, происходящие во внешнем мире, и, возможно, они даже получали какую-то помощь извне, я думаю, что только этому восстанию следует приписать падение династии Ярим-Лима.

Эта точка зрения подтверждается в свете дальнейших событий. Кроме возвращения к жизни старых типов керамики, что можно рассматривать как «национальное возрождение», обнаружилось и другие любопытные вещи. Ярим-Лим построил свой дворец на месте, где всегда в Алалахе строились царские дворцы; это было наиболее подходящее место в городе. Однако после смерти Никме-эпуха здесь уже никто не строил. 150 лет остатки покрасневших от огня стен возвышались в зловещем одиночестве в центре многолюдного города; единственным назначением руин было служить свалкой городского мусора и отходов. Слово проклятие было наложено на царский дом, «предали его запустению» и превратили в свалку. Когда для очередного царя потребовался дворец, было выбрано новое место.

Но и это не все. Храм Ярим-Лима также стоял на традиционном месте: со времени основания города каждый новый храм возводился точно на месте прежнего. Но с 1730 г. до н. э. мы видим перемены и здесь. Храм Ярим-Лима тем или иным образом возмущал религиозные чувства; невозможно было предать забвению священное место, но также невозможно было строить новое

жилище бога на омерзительном пепелище храма, выстроенного Ярим-Лимом. Отныне святилище «богини, владычицы Алалаха», возводится там, где прежде был передний двор старых храмов, а место позади него, оскверненное святилищем Ярим-Лима, сначала не используется, а позднее, когда через несколько поколений предубеждение несколько ослабело, отводится под служебные помещения. В этом разрыве со всем, что идет от царства Ямхада, самое лучшее объяснение тому пожару, который поглотил дворец и крепость царя Никме-эпуха.

Глава VI

ТЕМНЫЕ ВЕКА. СЛОИ VI и V

Год за годом мы прокапывали в том или ином месте строения слоя IV, подвигаясь к слою VII, и все это время я был заинтригован характером промежуточных слоев. Мы знали, что слой VII кончился не позднее чем в 1730 г. до н. э. и что слой IV начался не ранее чем в 1500 г. до н. э.; таким образом, между этими слоями было более чем два века. Но, хотя мы и обнаружили два строительных горизонта, что позволяло говорить о слоях V и VI, этого было маловато для срока продолжительностью в 200 лет. Это особенно разочаровывало, так как время, о котором мы говорим, было, безусловно, чрезвычайно важным: согласно утверждению профессора Сидни Смита, это было время замечательных событий на Ближнем Востоке, которые мы восстанавливаем лишь в самых общих чертах, и мы очень надеялись, что Атчана поможет нам заполнить этот пробел в наших знаниях. Было бы идеально, конечно, если бы мы напали на городской архив политических документов, но не было найдено ни единой таблички, и история этого периода должна была быть воссоздана на основе чисто археологического материала, который был обнаружен.

К счастью, в последний сезон работа в цитадели могла разрешить наши главные трудности. На краю городского холма, на северо-запад от ворот, была вырыта чуть пошире, чем обычно, разведывательная траншея, благодаря которой мы смогли исправить ошибочные заключения, полученные от раскопок в других местах. Мы

обнаружили тут следующее: на месте сгоревшей крепости слоя VII в период слоя VI были выстроены новые оборонные сооружения, позже замененные другими; такая же картина наблюдается в слое V, где отмечены две полные перестройки цитадели. В каждом случае перед нами та же общая схема — замок с массивными стенами, поставленный на искусственном валу с широкими покатыми бермами, идущими от подножия стен и заканчивающимися крутым гласисом, по краю которого, возможно, хотя доказательств этого и не сохранилось, имелся низкий бруствер. Такие сооружения прочны, долго выдерживают натиск времени, и, хотя нельзя исключить возможность их разрушения при успешном падении врагов вскоре после возведения укреплений, следует признать, что 200 лет для периода, представленного четырьмя перестройками, достаточно скромная цифра.

Свидетельства, которые дают нам крепостные сооружения, подтверждаются керамикой из этого и других раскопов. В обоих слоях мы нашли привозную посуду, которая по аналогичным образцам, найденным при раскопках в других местах Сирии, Палестины и Кипра, получила независимую датировку. В слое VI мы нашли кипрский керамический тип, существовавший до 1650 г. до н. э.; палестинский, датируемый 1650—1550 гг. до н. э., и еще один, датируемый 1600—1500 гг. до н. э. Наряду с двумя последними типами, сохраняющимися и в слое V, к концу этого слоя появляются первые образцы раскрашенной керамики «нузи», производившейся на Востоке в XV в. до н. э. Такие данные мы имеем о периоде между слоем VII и слоем IV, и, если других строений, кроме крепости, на первый взгляд слишком мало для столь продолжительного периода времени, этому не должно придавать такое уж большое значение (как это сначала делал я сам): в конце концов если дом из сырцового кирпича хорошо содержится, то он вполне может простоять сто лет.

Нужно принимать в расчет и другую возможность. Если я прав, утверждая, что общественные сооружения слоя VII были разрушены в результате успешного гражданского восстания, не следует предполагать, что разрушению подверглись и частные дома. Большая часть города могла не пострадать вообще, и люди могли продолжать жить в своих домах, пока они не обветшали или не вышли из моды и не были в соответствующее

время перестроены. Так случилось после разрушения дворца Никмепа, и то же вполне могло случиться и в слое VII. Мы раскопали только те частные дома, которые располагались над руинами жилищ слуг при дворце Ярим-Лима. От них мало что осталось, во всяком случае, недостаточно, чтобы даже представить себе план построек; можно только утверждать, что построены они в относительно поздний период слоя VI. Этот факт, однако, не имеет особого значения. Когда дворец Ярим-Лима был разрушен, руины двух- или трехэтажной жилой части здания превратились в огромный холм, который на юго-востоке переходил в цельную массу городской стены. Соответственно жилища слуг, одноэтажные и с тонкими стенами, образовали низенький холмик, окруженный более высокими руинами, откуда в сезон дождей на него стекала вода, так что зимой это место превращалось в настоящее застойное болото — мы обнаружили много слоев пересохшей грязи, что подтверждает наше заключение.

Независимо от какого-либо проклятия, которому могло подвергнуться место, где был расположен дворец, этот район не подходил для заселения и использовался как свалка, превратившись со временем в настоящие сооты мусорных ям. Это, однако, постепенно подняло уровень поверхности, и в конце концов, правда через значительный промежуток времени, здесь снова началась застройка. Но история застройки этого района, конечно, не может быть отнесена к городу в целом. Мы могли бы получить другие результаты, если бы провели широкие раскопки в жилых кварталах слоя VI, но это было невозможно. Строения лежали глубоко в толще земли, и интенсивная работа на такой глубине потребовала бы значительной траты денег и времени, которые мы предпочли израсходовать на более интересные объекты, поэтому здесь пришлось удовлетвориться гипотетическими выводами.

Наши пробные раскопки на территории крепости показали, что здесь тоже имелся временной разрыв между разрушением здания слоя VII и возведением последующего сооружения в слое VI. Руины первого достаточно долгое время зависели от капризов погоды; ветер срывал с земли груды раскрошенного кирпича и золы, а дожди наполнили водой впадины у подножий остатков стен. Такое могло случиться за одну зиму, а могло и за несколько лет: трудно сказать, как именно было в дей-

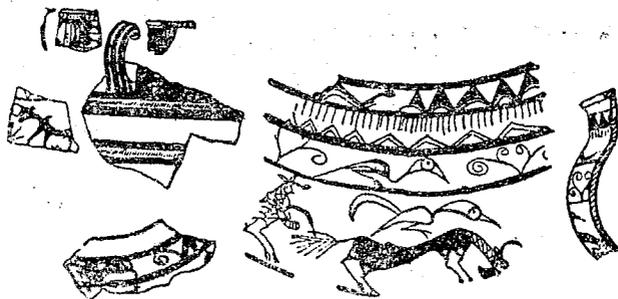

Рис. 11. Роспись на керамике слоя VI

ствительности, и это мешает нам использовать отмеченные факты для дальнейших заключений. Если разрушение — дело рук врагов, должно было пройти некоторое время, прежде чем жители получили возможность восстановить свой город. Если же это сделали сами горожане, следует предположить, что они постарались как можно скорее восстановить и привести в порядок оборонительные сооружения, хотя, возможно, у них могли найтись и другие, еще более неотложные задачи. Любая из этих двух гипотез могла быть подтверждена обнаруженными нами свидетельствами, в зависимости от тех толкований, которые целесообразнее предпочесть.

Действительно, нам чрезвычайно мало известно о сооружениях слоя VI. Я уже говорил о крепости и домах — о них можно сказать немного. Дворец мы не обнаружили, так как не копали в том месте, где он мог находиться, если только он вообще существовал. Имелся храм, но он был полностью разрушен, остался только кусок одной стены.

За информацией о слое VI мы могли обратиться лишь к керамике, и она сказала нам чрезвычайно много. С одной стороны, мы обнаружили то, что я назвал «национальным возрождением» традиционной крашеной посуды, которая подвергалась гонениям при прежних правителях; некоторые изделия представляли собой замечательные и по форме, и по рисунку повторения старых образцов. Но со временем появляются изменения в устоявшихся типах: прежде изолированные и статичные фигуры птиц или животных даются теперь в движении, следуя друг за другом и образуя сцены, которые опоясывают весь сосуд; членение на когда-то обязательные

триглифы отсутствует. В то же время художник, используя крупные кисти для красок, добивается более яркого и впечатляющего эффекта; сделанные в этой манере вазы никогда не спутаешь с изделиями из более ранних слоев. Перемены, вполне вероятно, вызваны влиянием иноземных образцов, так как в этот период керамика ввозилась более широко, чем когда-либо прежде. Впервые встречается полихромная роспись красным и черным по темно-желтой поверхности. В росписи мы встречаем теперь не только птиц, но даже мотив «Юнион Джек»¹, который особенно характерен для тогдашней Палестины. Некоторые образцы керамики могли быть привозными, но большинство, определенно, копии местного производства.

Безусловно привезенными были лепные сосуды, получившие у исследователей название кипрской керамики бронзового века; по форме они повторяют кожаные бурдючки с ручками в виде куриной дужки. В одних случаях на глиняную поверхность наносили белую краску, по которой черным, местами дополняемым красным, рисовали швы, словно на кожаной поверхности, тогда получались называемые в кипрской археологии «белые молочные чаши»; в других случаях — это посуда с кольцеобразным поддоном — светло-коричневая керамика с тонкими твердыми стенками и равномерным коричнево-серым оттенком. Эти два типа сосудов, впервые обнаруженные на Кипре, были там настолько распространены в слоях позднего бронзового века, что их, естественно, признавали типичными изделиями местных мастеров.

Когда же подобные образцы стали находить в других странах (весьма часто в Палестине, Сирии и Анатолии), это считалось доказательством торговых связей с Кипром, и поскольку хронология Кипра установлена достаточно точно, без больших расхождений и ошибок, то с ее помощью стали датировать слои, в которых встречалась эта керамика. Но для Атчаны мы имели свою хронологию, установленную не менее точно, чем кипрская, и для наших экземпляров «белой» керамики и керамики с кольцевым поддоном кипрская хронология просто не подходит. Двухдужковые ручки попались в слое VII, а в слое VI оба типа керамики уже достаточно распространены; в дальнейшем, в слоях V и IV, их

¹ Так называемый георгиевский крест — прямой крест, наложенный на косой. — *Примеч. ред.*

становится все больше. Для слоев V и IV никаких проблем нет, но самые ранние наши образцы «белой» керамики и посуды с кольцевым поддоном появляются на 150 лет раньше, чем на Кипре.

Это вынуждает нас пересмотреть свои представления. Значит, происхождение подобной керамики не кипрское. Несомненно также, что зародилась она и не в Алалахе, потому что гончары Алалаха уже на протяжении веков использовали гончарный круг, тогда как здесь мы имеем дело с примитивными лепными изделиями, которые по форме и декору чужды всем традициям Алалаха. Судя по глине и красителям, сосуды происходят откуда-то из северной или восточной части Анатолии, но это может быть доказано только раскопками. Очевидно, что в Алалахе они появились в результате торгового обмена и своей необычностью привлекли внимание (они действительно привлекательны). Они настолько вошли в моду (это можно сравнить с модой на негритянскую скульптуру в современном Лондоне или на одеяла индейского племени навахо в Нью-Йорке), что со временем ни один дом не мог обойтись без такой посуды. И только после того как эта керамика получила широкое признание в Северной Сирии, возможно, какой-нибудь кипрский капитан корабля доставил партию такой посуды за море, где она стала пользоваться столь же большим успехом. Открытия в Атчане несколько не меняют датировку, принятую для этой посуды на Кипре, но лишь означают, что керамика киприотами заимствована; она производилась и получила широкое распространение на материке задолго до того, как о ней узнали на Кипре².

В это же время в Палестине и в большей части Сирии был распространен очень характерный тип керамики — маленькие серые или черные сосуды с забеленной

² Много лет назад, выступая против мнения, что «кипрская» керамика, найденная в таком большом количестве в слое IV, изготавливалась на Кипре, я настаивал на том, что торговля таким хрупким и сложным для упаковки товаром не могла быть экономически выгодна, если его приходилось перевозить на большие расстояния; это также относится и к торговле с Анатолией. Профессору Моллоуэну я обязан предположением о том, что, когда импорт ограниченного количества изделий выявил их популярность в Алалахе, некоторые умельцы из Анатолии основали в Северной Сирии свою трудовую колонию, импортируя необходимое сырье (что достаточно легко), но производили изделия на месте и следовали своей старой технике лепки без применения круга, используемого местными гончарами. То же позднее могло произойти и на Кипре.

насечкой или белым пунктиром, обычно называемые керамикой гиксосов; ее связывают с народом семитского происхождения, который завоевал дельту Нила и некоторое время правил ею. В Атчане мы нашли всего один весьма сомнительный фрагмент. От предшествующего периода в слое VI сохраняются образцы черной, слегка залощенной керамики, обычно маленькие миски, но типичный гиксосский орнамент отсутствует. Алалах, таким образом, не был непосредственно вовлечен в события, связанные с передвижениями гиксосов; контакты с Палестиной, по-видимому, начались уже после того, как гиксосы сошли со сцены — их изгнали из Египта около 1700 г. до н. э., в поздний период слоя VI. Изучая это время, мы не могли обнаружить следов каких-нибудь катастроф или политических изменений; явны широкие торговые связи в основном с Севером и Востоком, а позднее и с южными странами. Несколько образцов микенской керамики, появляющейся к концу этого периода, свидетельствуют о том, что и морские пути тоже были открыты. Это были спокойные и благополучные времена. Именно в слое VI мы находим очень хорошие образцы финикийского полихромного стекла, несомненно дорогостоящий предмет роскоши, и вазы синей ляпислазури с рельефными фигурами, которые могли бы сделать честь ремеслу любого периода. С одним из привозных предметов роскоши связан любопытнейший эпизод в моей археологической практике. Об этом стоит рассказать подробнее.

Во время раскопок двора храма слоя II мы внезапно обнаружили осколки керамического горшка с синей глазурью. Искусство глазуровки изделий из фритты, кремнезёмной стеклянной смеси, было известно очень давно, в Египте со времен I династии, но техника глазуровки глиняной посуды была освоена гораздо позже, так как глазурь не столь легко ложится на терракоту. В Египте этого не умели делать до римского времени, в Месопотамию эта техника пришла раньше — я сам нашел несколько ящичков такой керамики, относящейся к VI в. до н. э.

Наиболее ранние из известных образцов глазурованной терракотовой плитки дошли из дворца ассирийского царя IX в. до н. э., и археологи сошлись на том, что эта техника появилась только в начале I тысячелетия до н. э. Предмет из слоя II в Атчане не мог быть датирован позднее чем 1300 г. до н. э., что, по нашим

представлениям, было совершенно нереальной датой для глазурованного горшка, который более походил на арабский горшок XIII в. н. э. Я решил, что тут нарушена стратиграфия и прочитал членам экспедиции лекцию о том, как важно не быть обманутыми случайным внешним сходством — здесь могла быть мусорная яма, или звериная нора, или что-нибудь в том же роде, чего мы не заметили, и фрагменты поэтому оказались не в своем слое.

Вскоре после этого мы докопались до вымощенного кирпичом пола двора; мы обнаружили, что ниже того места, где были найдены осколки керамики, пол был поврежден, но рядом находился большой кусок хорошо сохранившейся вымостки. Когда вымостка была тщательно изучена, ее подняли, работа пошла дальше, и под нетронутой кирпичной кладкой мы обнаружили другие фрагменты того же горшка! На этот раз случайности были исключены, и я вынужден был прочитать сотрудникам другую лекцию — о том, как не следует думать, что можно знать все, но следует подходить к работе беспристрастно, с готовностью принять любые новые факты. Это было достаточно унижительно. Некоторое время спустя мы обнаружили целую глазурованную вазу в захоронении, которое находилось в слое V, затем куски таких же ваз появились в слое VI; датировать глазурованный глиняный горшок XVII в. до н. э. было в нашем деле маленькой революцией; но это было неизбежно. Я приготовился к археологическому шторму.

Однако, когда я обсуждал этот вопрос с К. Дж. Гэдом из Британского музея, он указал мне на свою совместную с покойным доктором Р. Кэмпбэллом Томпсон публикацию клинописной таблички из музея, датированной XVII в. до н. э.; она была написана тайнописью, понятной только посвященным. Часть текста была действительно неясна и, по-видимому, относилась к похоронным обрядам, но то, что удалось перевести ученым, оказалось руководством по нанесению глазури на керамику. Эту публикацию показали мистеру Г. Муру³, который с полным успехом испытал руководство на практике: «Когда работаешь и видишь те самые результаты, которые были предсказаны, — пишет он, — испытываешь глубокое восхищение перед этим древним мастером,

³ Генри Мур — известный английский скульптор. — *Примеч. пер.*

чьим аккуратным и точным инструкциям и наблюдениям, касающимся как количества материала, так и метода, следуешь через 3600 лет и получаешь прекрасные результаты»⁴.

Искусство глазурирования керамики, следовательно, было освоено каким-то ассирийцем в XVII в. до н. э., и секрет, тщательно сохраненный зашифрованным описанием, должно быть, передавался изобретателем в его семье или в его «цеху», как не подлежащий разглашению среди широкого круга мастеров; редкость таких изделий объясняется тем, что их производили в малом количестве. О почтении к «искусству и тайне» этой технологии достаточно ярко свидетельствует то, что секрет сохранялся 1000 лет! Только в VII в. до н. э. руководство появилось на удобочитаемом языке, и с того времени эта керамика сделалась довольно распространенной. Наши образцы из слоев VI и V Атчаны должны быть отнесены к наиболее ранним; может быть, это даже работа изобретателя этого способа; они, безусловно, являются свидетельством процветания Алалаха в тот период, когда такие новшества продавались по очень высокой цене.

Не имеется никаких признаков насильственных разрушений, положивших конец слою VI; насколько можно судить, переход к слою V сопровождается только возведением новых строений там, где старые становились непригодными; незаметно и разрыва в культурной традиции. Долгое время нам трудно было отличить один слой от другого. Профессор Сидни Смит связывает перемены с приходом анатолийских хеттов. «Движение на юг продолжалось. Хаттусилис I начал набеги на территории Алеппо, Мурсилис I разграбил этот город в 1595 г. до н. э. или чуть раньше; и в этот период, возможно, Алалах пал, и кончился слой VI... Последовали большие перемены, но это не были перемены, связанные с господством хеттов, ибо, как только главная их цель — разрушение мощи Алеппо и Вавилона была достигнута, армия Мурсилиса ушла». Эту версию, мне кажется, мы можем полностью принять как объяснение происшедших перемен. За разрушением Алеппо почти наверняка должно было последовать и падение Алалаха, но совсем необязательно предполагать его разрушение. Хетты

⁴ Мы можем столь же глубоко восхищаться современной наукой, позволившей К. Дж. Гэдду и Р. К. Томпсону прочитать ассирийскую криптограмму, чего столь долго не удавалось ассирийским умельцам.

достигли, как указывает С. Смит, своей цели и вполне могли удовлетвориться тем, что город сдался, возможно потребовав от горожан скрыть их оборонные сооружения; в этом случае цитадель в раннем периоде слоя V могла быть построена после того, как хетты ушли. Других доказательств вторжения Мурсилиса на Атчане мы не находим.

Но период, охватывающий слой V, не был столь спокоен, как казалось, обещало его начало. Когда я приво-дил доводы, позволившие определить этот период как достаточно длительный, я уже упомянул, что первоначальная крепость слоя V в этот период перестраивалась; и так как это было очень мощное сооружение, разрушение его следует объяснять вторжением, а не ветхостью. В одном из углов цитадели слоя Va, который мы расчистили,— всего лишь две комнаты — мы нашли большую силосную яму, или зернохранилище, а под полами много захоронений, включая женские и детские. Обычай хоронить людей под полом их домов достаточно распространен на Ближнем Востоке, хотя и не универсален. На Атчане мы не находим таких захоронений в ранние периоды; впервые они появляются в слое VIII и затем встречаются все чаще. Но даже там, где таких захоронений довольно много, например в слое I, их все-таки недостаточно, чтобы считать, будто все население хоронило подобным образом; более того, замечено, что большинство таких захоронений встречается в бедных домах, в богатых их почти нет, кроме захоронений младенцев, а во дворцах подобные захоронения вообще отсутствуют.

Можно утверждать, что большинство жителей Ала-лаха похоронено на обычных кладбищах (хотя мы та-ковых и не обнаружили) и только небольшая часть придерживалась, по религиозным соображениям или из-за недостатка средств, обычая домашнего погребения, который в Месопотамии того времени был повсеместно распространен. Поэтому мы чрезвычайно удивились, обнаружив захоронения в крепости; в общественных зда-ниях мы с этим столкнулись впервые, и должна была быть особая причина такого отступления от правил. Объяснить это можно было, по-видимому, тем, что у людей не было выбора; они похоронили своих близких в крепости, потому что больше было негде, т. е. имела место осада, «Алалах был в кольце; никто не выходил и не входил». Тогда и существование зернохранилища,

столь же необычное, судя по нашим ограниченным исследованиям, получает объяснение: продовольствие для осажденного гарнизона, естественно, хранилось в крепости.

Перед храмом слоя V мы обнаружили множество мусорных ям, расположенных очень близко друг к другу; все они сделаны одновременно с храмом слоя V (в этом мы можем быть уверены, так как фрагменты одних и тех же сосудов были найдены в двух, а иногда даже и в трех ямах), хотя в какой именно момент существования этого храма они были вырыты, сказать трудно. Судя по содержимому ям (керамика с оттиснутым орнаментом, которая чрезвычайно редко встречается в жилых домах), это была свалка посвященных приношений из храма, предметов, которые устарели и более не использовались или, возможно, были сознательно разбиты (хотя мы и не обнаружили доказательств того, что храм подвергался нападению). Поскольку эти приношения были посвящены божествам, к ним нельзя было относиться просто как к мусору и выбрасывать за пределы священного места; поэтому их и поместили в специально вырытые ямы. Среди них был большой кусок чаши из синей фритты египетского производства, на котором коричневой краской были нарисованы лотосы и обычная египетская сценка: чиновник, сидящий перед столом с приношениями, а сверху иероглифическая надпись, обычная посвятельная формула. К сожалению, текст сохранился не полностью и имя человека отсутствует, но он называет себя «писец», вполне подходящий титул для важного чиновника, представлявшего в городе египетскую администрацию. Если он действительно являлся таковым, то перед нами памятник, весьма важный для египетской истории.

В 1527 г. до н. э. (или около этого времени) египетский фараон Тутмос I совершил успешный военный поход в Сирию и дошел до берегов Евфрата; он воздвиг трофеи на берегах этой реки и охотился на слонов в земле Нии, части старого царства Ямхад. Ранее считалось, что это был просто военный поход без каких-либо политических целей и последствий; ничего не было известно о захвате и покорении городов, тем более о попытках сделать их частью империи. Нашим источником информации об этом походе являются надписи в гробницах двух военачальников фараона, которые играли видную роль в походе. Все, что их занимает,— это их

собственная доблесть; ко всему, что не касается их воинских подвигов, они безразличны. Если фаянсовая чаша из Атчаны может служить свидетельством присутствия в Алалахе египетского представителя, то тогда мы должны признать, что Тутмос I не просто совершил успешный набег на Нахарину (область между реками Евфрат и Оронт) и поохотился на слонов; он действительно расширил пределы Египетской империи. Осада Алалаха, о которой, по-видимому, свидетельствуют захоронения в крепости, могла произойти во время похода фараона, после чего город оказался под властью египетского губернатора. Возможно, об этом же говорит и тот факт, что, когда через 35 лет Тутмос III вторгся в Северную Сирию, он оправдывал свое вторжение тем, что эта страна восстала против Египта. Если я правильно истолковываю свидетельство из Атчаны, тогда замысел захвата и подчинения Сирии, приписываемый Тутмосу III, должен быть в первую очередь отнесен к его отцу Тутмосу I.

Египетское господство продолжалось, однако, недолго; государства хурритов на севере Сирии, среди которых царство Митанни, возможно, уже играло ведущую роль, вскоре добились независимости. На Атчане это отразилось любопытным образом. На протяжении всей истории Алалаха городской храм всегда строился на руинах предыдущего, и часто эти руины сознательно использовались для возведения высокой платформой, или подиума, чтобы поднять повыше новое строение. Храм слоя V — необычайное исключение из этого правила, так как строители, вместо того чтобы выровнять остатки храма слоя VI, выкопали прямо в центре его прямоугольную яму, внутри которой возвели новое святилище; от храма слоя VI сохранился только небольшой кусок внешней северо-восточной стены. Новый храм имел двор, со всех сторон, по-видимому, окруженный служебными помещениями, — мы нашли их остатки как на северо-восточной, так и на северо-западной стороне, — сам храм стоял посередине. Похоже, что входное помещение, следы которого полностью исчезли, было расположено на поверхности, но само святилище помещалось на шесть футов ниже. Это была комната 12 футов в длину и вдвое больше в ширину; вдоль задней и боковых стен шла широкая скамья, в передней (юго-восточной) стене был проход из входного помещения, откуда выходили по деревянным ступеням вниз, в святилище; пря-

мо между ступенями и задней скамьей помещался очаг-алтарь прямоугольной формы из оштукатуренных кирпичей высотой 18 дюймов; наверху углубление со следами длительного воздействия пламени; алтарь со всех сторон окружали прямые деревянные столбы. Так как стены были разрушены до уровня верха скамей, трудно сказать, были ли они гладкими или имели ниши.

На всем Ближнем Востоке нет храма, святилище которого располагалось бы ниже уровня земли. Есть, однако, одно божество, святилище которого, как правило, устроено именно таким образом. Это — Митра, восточный бог, очень популярный среди солдат римской империи. Но древнейший из известных нам храмов Митры относится не ранее чем ко II в. н. э.; с этого времени легионеры стали возводить храмы Митре («также солдату») повсеместно, куда бы ни ступала их нога, от Нортумберленда до Австрии. Развалины этих храмов со скамьями, ступенями и очагом-алтарем порой весьма напоминают наш храм на Атчане. Поскольку столь огромный временной разрыв ничем нельзя оправдать, было бы слишком опрометчиво соотносить римские сооружения II и III вв. до н. э. с сирийским, относящимся к XVI или раннему XV в. до н. э. Но Митра — индоевропейский бог, и мы должны помнить, что как раз в это время царство Митанни было главной силой на севере Сирии, а правители этого царства, познакомившие Азию со своими богами, были индоевропейского происхождения. В своих договорах они призывают Митру в качестве свидетеля их добрых намерений.

Если Алалах присоединился к Митанни, то, по древневосточным обычаям, его жители должны были почтить более сильную сторону, приняв ее религию или по крайней мере включив одного из ее богов в свой пантеон⁵. Предположение о том, что этот странный храм Атчане посвящен Митре (храм гораздо более ранний, чем самые древние из известных нам), хорошо согласуется с тогдашней политической обстановкой, и на этом основании может быть принято. Жители Алалаха, присоединившись к всеобщему восстанию против Египта, естественно, отдались под покровительство своего сильнейшего соседа.

⁵ Этим объясняется сооружение царем Соломоном храмов Астарты в Иерусалиме (как знак уважения своему союзнику Хираму Тирскому) и храма египетскому божеству как символ подчинения фараону.

Дальнейшие открытия помогли глубже понять религиозные представления этого периода. Когда мы раскапывали частные дома слоя IV, то обнаружили развалины небольшого здания, которое я сначала отнес к этому слою; позднее, обнаружив, что часть его была разрушена, чтобы освободить место для пристройки к дому слоя IV, я мог более точно установить дату и отнести его ко второй половине периода слоя V и к слою IV. Здание представляло собой маленькое однокомнатное святилище, возведенное на низкой кирпичной платформе с покатым оштукатуренным гласисом по сторонам, над которым возвышалась кирпичная стена-парапет. Само святилище имело очень мощные стены толщиной четыре фута, в нижней части выложенные из блоков известняка, в верхней — из сырцового кирпича; вход был широкий, с каменными косяками и порогом; внутренняя часть шириной шесть с половиной футов (длина не установлена, так как юго-западная стена не обнаружена) была вымощена каменными плитами, а стены аккуратно оштукатурены белой известкой. Возле двери найден маленький золотой полумесяц-подвеска и рядом какой-то культовый предмет, треугольная плитка из необработанного камня, достаточно грубая, но на одной стороне ее обнаружено очень примитивное изображение человеческого лица. В шести футах на северо-запад сохранилась часть точно такой же платформы; от нее осталось только 30 футов одной стены, и ничего не сохранилось от сооружения, которое было на ней, но похоже, что рядом помещались два святилища, возможно, для поклонения богам-близнецам.

Считая время слоя V достаточно развитым периодом в истории города, мы были удивлены, обнаружив здесь столь грубо исполненные изображения божества. Две или три столь же примитивные каменные фигурки были найдены на месте домов того же времени, а две более крупные фигуры, случайно обнаруженные, помогли найти объяснение. В 1939 г. мы вели раскопки городских ворот слоя VII. Начали с внутренней пары контрфорсов и смогли открыть весь вход, расчищая вдоль каменных внешних плит стен и оставляя нетронутыми кирпичную кладку над ними настолько, насколько она сохранилась, а выше ее отложения последующих веков. Подрезанные нами по линии стен массы земли создавали впечатление стоящих стен. Во время зимних дождей почву подмывало, и большой кусок нашей поддельной

стены обрушился, открыв две базальтовые фигуры, мужскую и женскую, находившиеся в помещении, примыкавшем к городским воротам слоя V. Гротескные, чудовищно плохие как произведения искусства, они были в высшей степени любопытны. Мистер Ахмет Демнес, который помогал мне при раскопках, обратил мое внимание на пару базальтовых фигур, найденных в одних из ворот Диярбакыра; мужская фигура была сделана в том же стиле и отличалась от здешней только тем, что имела бороду, а женская была просто близнецом алалахской богини. Город Диярбакыр находился в центре страны Митанни, и связь, таким образом, очевидна: Алалах, войдя в союз с Митанни, естественно, принял и культы народа в тот момент более могущественного, однако в художественном отношении находящегося на весьма низком уровне.

В то же время общественная жизнь города в связи с политическими переменами изменилась незначительно. Предметы, обнаруженные нами в домах и захоронениях, свидетельствуют в большинстве своем о тесной связи с культурой слоя VI. Так называемая кипрская керамика встречается теперь чаще, расписная палестинская, характерная для последней фазы предыдущего периода, продолжает широко применяться; по существу, в этом слое есть лишь одна новинка. Это необычная керамика, черная, лощеная, с белым геометрическим орнаментом; в мягкой глине отрискивали линии и круги резцеобразными инструментами различных размеров и трубками, возможно из тростника, а затем заполняли углубления белой пастой. Эта техника явно заимствована у мастеров по металлу, да и по форме сосуда (обнаружено только два типа) напоминают металлические кубки. Эта керамика не местного происхождения; на Атчане нет каких-либо предшествовавших ей форм, и она весьма скоро вышла из употребления.

Мы пока не знаем ее происхождения, но подобные сосуды (несколько иной формы) были найдены в Тарсе, в Киликии, и в какой-то степени похожая, но не идентичная посуда примерно того же времени обнаружена в Месопотамии. Поскольку наши лучшие образцы были найдены в мусорной яме возле храма слоя V, где также была найдена и египетская чаша, можно заключить, что такая керамика появилась в самом начале периода, но она встречается и в домах более позднего времени. Ввоз этого типа керамики, возможно, означает,

что связи Алалаха с государствами Сирии, находящимися к востоку (следы этих связей обнаружены при раскопках слоя VI), продолжались в период слоя V и не были серьезно нарушены кратким господством египтян. Последнее могло повлечь за собой разрушение городских укреплений (если только они не были разрушены при осаде), но не очень повлияло на жизнь простого населения и на торговлю.

Что касается крупных сооружений, то большой разницы между слоями V и IV нет. Наш археологический слой IV начинается со строительства царского дворца, выдающегося сооружения этого периода, резко отличающегося от всех предшествующих; его можно считать знаменем новой эры. Но дворец включает в себя некоторые части прежних сооружений. Имеются и другие общественные строения, использовавшиеся одновременно с дворцом, но построенные намного раньше него, в поздний период слоя V, и еще хорошо сохранившиеся в период слоя IV. Это характерно и для политической и экономической обстановки. Появление нового дворца свидетельствует об установлении нового режима, который мы вправе связать со временем слоя IV, но основы этого режима восходят к периоду слоя V, являясь результатом главного события, тогда случившегося.

Египетский фараон Тутмос III в начальный период своего царствования вел борьбу за власть со своей сестрой царицей Хатшепсут; именно это создало благоприятные условия для восстания против Египта, которое подняла Сирия. Когда через 20 лет смерть сестры развязала фараону руки, он начал последовательно завоевывать непокорные царства; сначала он подчинил юг, в 1488 г. до н. э. перешел Евфрат и успешно напал на Митанни, «этого презренного врага», а в 1483 г. до н. э. Тутмос III получает дань от Алалаха, видимо, формально он сдался египтянам приблизительно за год до этого.

Тутмос III стремился к созданию империи, и поэтому созидал, а не разрушал. Мы не ожидали увидеть и не увидели следов разрушения в Алалахе, где мысль о сопротивлении была отвергнута, как только покорение Нии показало бесполезность борьбы. Напротив, мне кажется, что общественные сооружения, которые относятся к поздней фазе этого периода и еще долго сохраняются в последующее время, были возведены режимом, установленным или поддерживаемым фараоном.

Это подтверждается и письменными документами⁶. Согласно источникам, Тутмос III изменил ситуацию на севере Сирии, объединив несколько мелких государств под именем Нухашши и посадив над ними Таку, основателя династии, которая правила Алалахом следующие сто лет. Похоже, что Таку уже был царем Алалаха, но как египетский вассал управлял гораздо большей территорией, простиравшейся от Евфрата до Средиземного моря и от северной границы долины Амук до окрестностей Апамеи. Это был весьма непрочный конгломерат, едва ли способный на длительное существование (сам Тутмос, казалось, предвидел беспорядки, судя по тексту указа, которым назначал Таку на трон), но на какой-то период оно гарантировалось властью Египта, и правитель Нухашши был лицом значительным. Можно не сомневаться, что свое возвышение он ознаменовал строительством новых общественных зданий в столице и естественно, что его наследники по прямой линии продолжали ими пользоваться. Время Таку и его ближайших преемников приходится на наш археологический слой V, а слой IV начинается с восшествия на престол Никмепа.

Глава VII

ДИНАСТИЯ НИКМЕПА. СЛОЙ IV

Наш археологический слой IV начинается несколько ранее 1450 г. до н. э., заканчивается около 1370 г. до н. э. и гораздо более полно, чем любой другой период, отражен в документах. Мы располагаем массой табличек, обнаруженных в царском дворце, и «автобиографией» царя Идри-ми, высеченной на его статуе. Археологические источники — это дворец, очень хорошо сохранившийся (рис. 12), остатки храма, большой участок внутри крепости, городские ворота с прилегающими строениями, много частных домов и более 40 могил¹, содержащих керамику и другие предметы. Во дворце

⁶ Я здесь разделяю точку зрения Сидни Смита на амарнское письмо № 51, написанное Адад-нирари, которого он отождествляет с Адад-нирари, сыном Идри-ми (см. с. 115 данной книги).

¹ 17 из них датируются на основе связи с домами, 25 — по инвентарю, главным образом по типу керамики, в них найденной.

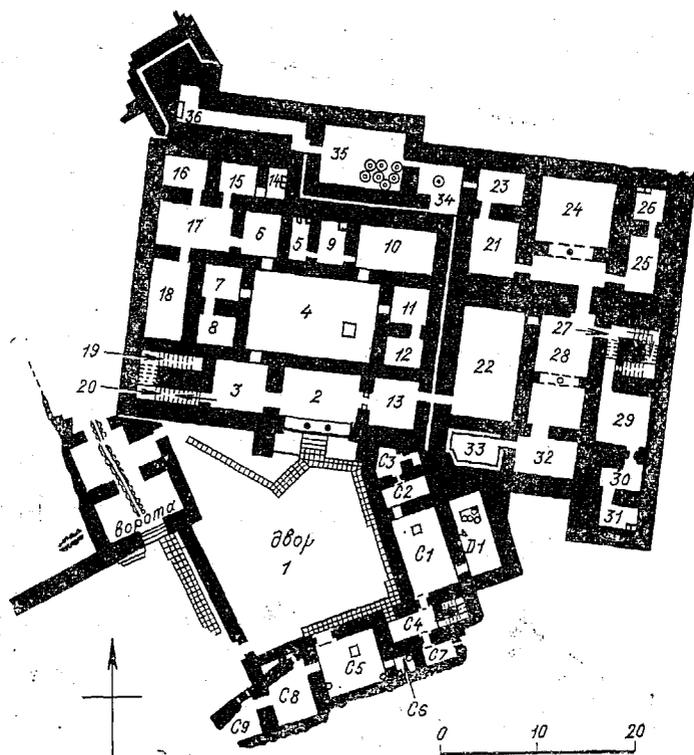

Рис. 12. План дворца слоя IV

помимо табличек обнаружено множество керамических изделий и предметов из слоновой кости и металла.

Поскольку большая часть табличек принадлежит времени правления царя Никмепа, а более ранних табличек нет, строительство дворца, где они хранились, можно с уверенностью приписать этому царю. Место, выбранное им для дворца, то же, где и прежде располагался дворец, возведенный, вероятно, в период слоя V и служивший первым царям дома Никмепа, которые были обязаны своим тронном египетскому фараону Тутмосу III. Никмепа сохранил большую часть этого старого сооружения, просто добавив новый жилой корпус, где помещалась царская семья. Для этого он разрушил несколько комнат прежнего дворца и пожертвовал во-

сточной частью «площади для парадов», которая располагалась с внутренней стороны городских ворот, перед фасадом цитадели. По непонятным соображениям новая часть здания была распланирована без учета старой планировки. Пристройка пересекает линию старых стен под каким-то нелепым углом, а передний двор, с двух сторон ограниченный жилыми помещениями старого дворца, а с третьей — задней стеной входных ворот цитадели, возведенных в период слоя V, столь асимметричен, что внушительный фасад дворца много теряет и не производит особого впечатления.

Позднее, возможно в правление Илим-илимма, сына Никмепа, размеры нового дворца увеличиваются почти вдвое в результате пристройки ряда комнат с внешней стороны его северной стены и целого комплекса помещений к восточной стене. Чтобы возвести последнее сооружение, все, что оставалось от главного корпуса дворца слоя V, было разрушено; сохранили только старое кухонное крыло, выходящее на двор. Восточный корпус проектировался так, чтобы соответствовать жилой части дворца, построенной Никмепа. Исходя из характера здания, мы можем судить, что Илим-илимма завершил работу своего отца, добавив к жилым помещениям «официальное» крыло. План на рис. 12 дает представление о царском дворце, каким он был при Илим-илимме, т. е. в его законченном виде. На плане комнаты, относящиеся к доникмеповскому времени, обозначаются буквами С и Д и имеют порядковые номера; под внутренним двором Илим-илимма (№ 22) мы обнаружили остатки стен и бетонного пола дворца слоя V, использованного затем Никмепа, но они были слишком фрагментарны, чтобы давать их на плане. Судя по плану первого этажа, здание Никмепа представляло собой, по существу, расширенный вариант обычного богатого жилого дома того периода, состоящего из ряда комнат, сгруппированных вокруг центрального двора (№ 4); крыло Илим-илимма, напротив, отведено под «залы приемов» (как и во дворце Ярим-Лима) и официальные помещения; «залы приемов» занимают центральное место, а световой колодец, или двор (№ 22), расположен сбоку здания.

Вошедший в передний двор дворца через главные ворота в его западной стене видел справа и прямо перед собой асимметричные здания — все, что осталось от дворца слоя V. То, что находится в комнатах, хорошо

объясняет их назначение. В больших комнатах (С₁, С₅, Д₁) располагались очаги, печи, треножники, на которых висели над огнем кухонные котлы, стояли жернова для зерна, пестики, каменные ступы и все принадлежности кухни; огнеупорные горшки для приготовления пищи были разбросаны повсюду на полу, а в комнатах поменьше хранилось большое количество домашней керамики; огромный хум для хранения припасов, вделанный в пол, занимал почти всю крошечную комнатку-кладовочку (С₆). Маленькая лестница (в комнате С₄) свидетельствовала о том, что имелся и верхний этаж, и можно предположить, что кухонная прислуга спала наверху. Поскольку всю пищу готовили в этом крыле и затем относили во дворец, дорожка, мощенная терракотовой плиткой, была проложена вдоль дворцовой стены от кухни до входа во дворец — мудрая предосторожность против скользкой зимней грязи. Такая же узкая, вымощенная плиткой дорожка вела к входу от маленькой двери в северо-западном углу дворца; это была одна из боковых дверей-ниш в больших воротах цитадели, возможно предназначавшаяся для солдат, назначенных в караул во дворец.

Вход во дворец очень интересен в архитектурном отношении. Между двумя контрфорсами, которые, возможно, поддерживали балкон, три базальтовые ступени, фланкировавшиеся платформами с плоским верхом, были облицованы шлифованными плитами базальта, скрепленными цементом; наверху лестницы, на одном уровне с площадкой, образуемой верхними плоскостями платформ, находился известняковый порог входа шириной 26 футов, разделенный двумя деревянными колоннами с основаниями из отшлифованного базальта в форме барабанов. Боковые стены у входа и стены следующей комнаты были облицованы трехфутовыми базальтовыми плитами, покоящимися на грубых известняковых блоках, замаскированных прекрасным белым цементом. Выше стены были кирпично-деревянные. Используемые строительные приемы, безусловно, традиционны, и даже детали плана имеют много общего с дворцом Ярим-Лима, выстроенным за три века до того. Это местная архитектура, получившая развитие в Азии, и когда мы встречаем подобные приемы в других областях, то это означает, что эти идеи заимствованы из Азии, а не наоборот.

И такие параллели действительно существуют. Ког-

да в 1937 г. мы раскопали эту часть дворца — ступени с фланкирующими их платформами и входное помещение, — мы обнаружили сплошную массу сырцового кирпича от одного дверного косяка до другого и нелегко было определить настоящую стену. Кирпичи лежали не порознь, а были скреплены глиняным раствором, и только поэтому мы и могли заключить, что это и есть стена, хотя поверхность ее очень пострадала, и казалось странным, что она заблокировала верх ступеней. Внезапно меня осенило, что все это очень походит на критскую архитектуру, но на Крите на верху ступеней были бы две колонны с дверным проходом между ними. Соответственно я отметил два круга и приказал рабочим прокопать тут кирпичную кладку; просьба разрушить стоящую стену смущала их, и я сказал, что на отмеченных мною местах они обнаружат каменные основания колонн. Они взялись за работу, и вскоре появились основания колонн, стоящие на известняковом пороге, который тоже был скрыт до тех пор; наша «стена» действительно была стеной, но только стеной верхнего этажа, которая после того, как сгорел деревянный архитрав над колоннами, обрушилась целиком на порог. Я думаю, что этот пример, более, чем всякий другой, подтверждает близкое сходство между Алаахом и Кносом.

Единственный вход во дворец вел по ступеням со двора, и тогда входное помещение должно было служить одновременно и караульной. Дверь направо вела в коридор, по которому проходили в «официальное» крыло, а дверь налево — в другую проходную комнату (№ 3), откуда начиналась дворцовая лестница (№ 19—20), и особая дверь вела на центральный двор. Двор с цементным покрытием и очагом для огня на открытом воздухе (обычная вещь) был устроен симметрично: четыре двери вели в различные комнаты, расположенные на первом этаже (всего здесь было 13 комнат).

Как и во дворце Ярим-Лима, лучшие комнаты, покои царя, находились на верхнем этаже, но, исходя из того, что много помещений для прислуги имелось в кухонном корпусе, возможно, не весь первый этаж был здесь отведен для служб. Во всяком случае, если четыре комнаты (№ 7 и 8, 11 и 12) вполне могли быть отведены для слуг, то остальные были организованы в самостоятельные апартаменты разного размера (их было два), и их планировка показывает, что это могли быть покои

для важных придворных или младших членов царской фамилии. Такова группа комнат № 10, 9 и 5, причем последняя, с цементным полом и стенами, является туалетом, точно таким, какие строят на Ближнем Востоке сейчас: сток из терракотовых труб ведет вниз и под стену и должен был проходить через городскую стену (хотя мы и не могли проследить так далеко) и выводить отходы на гласис. Комната № 9, также покрытая цементом, являлась ванной комнатой с большой терракотовой ванной, вделанной в пол в одном из углов; комната № 10, без каких-либо опознавательных признаков, могла быть спальней, но в ней, однако, нашли некоторое количество табличек.

В покоях размерами побольше также имелся туалет в маленькой комнате № 14; комната № 15 с цементными стенами была ванной комнатой, хотя самой ванны мы не обнаружили. В комнате № 18 ничего не было, но комнаты № 6, 16 и 17 были забиты керамикой, явно помещенной сюда на хранение: здесь были сотни больших тарелок, часто все еще в стопках по десятку или дюжине, некоторые стопки покосились, соскользнув, очевидно, с деревянных полок вдоль стен; мы нашли множество сосудов из прекрасной глины, которые на Кипре называют посудой с кольцевидным поддоном, и «белые молочные чаши» с черным и красным лестничным орнаментом; здесь были забавные сосуды в форме коровы из серой глины с деталями, прорисованными белым, и сосуды местного производства, некоторые из них были, как и тарелки, лощены или декорированы concentрическими кругами красного цвета; перед нами был полный набор глиняной посуды царского дворца. Вперемешку с керамическими изделиями обнаружены бесчисленные предметы самого различного назначения, попавшие сюда, безусловно, из комнат верхнего этажа, когда здание разрушилось и полы провалились. Среди них туалетные корбочки из слоновой кости египетского стиля (но почти несомненно местного производства): три — в форме сидящих уток, и одна — с женской головкой в египетском уборе; обнаружена большая сферическая золотая бусина перегородчатой эмали с lapis-лазурью и белым перламутром в древнешумерском стиле.

Во дворе мы нашли два фрагмента золотой обшивки жезла, украшенной узором из треугольников, выполненным в замечательной филигранной технике, напоминаю-

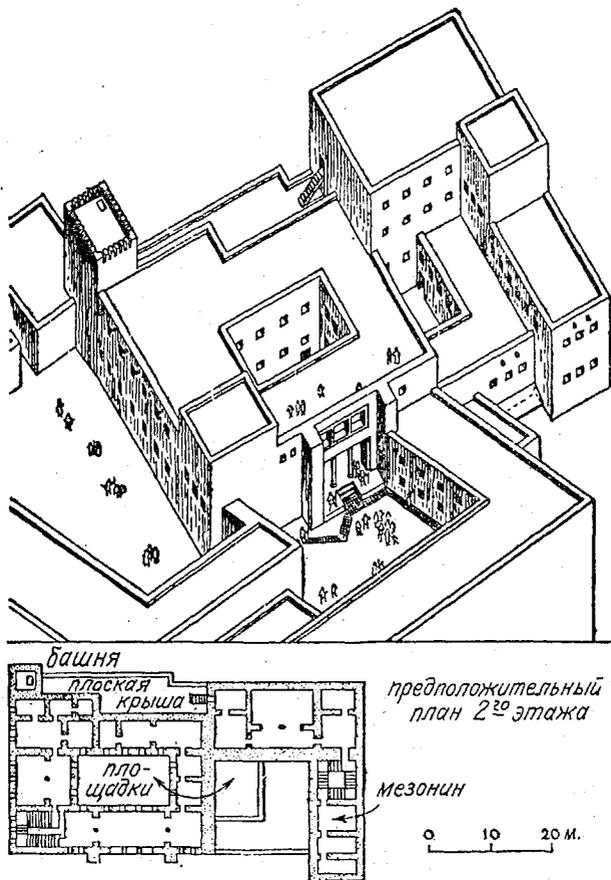

Рис. 13. Реконструкция дворца слоя IV

щей эгейскую. Так что предметы роскоши во дворце носили интернациональный характер.

В комнате № 18 на пепле от сгоревших балок потолка (следовательно, они попали из верхней комнаты) лежали сотни кусочков узких золотых полосок и квадратиков, звезд и треугольников из слоновой кости; это были фрагменты инкрустации мебели, очень похожей на ту, что производят в Дамаске и в наше время, где на базарах полно стульев и столиков, инкрустированных

перламутровыми вставками такой же формы и лентами из бронзовой проволоки.

В одном из частных домов слоя IV мы нашли полоску слоновой кости, полукруглой в сечении и обрезанной наискось на обоих концах; это была часть инкрустации мебели, где рельефный бордюр сделан из чередующихся кусочков слоновой кости и темного дерева так, чтобы создавалось впечатление скрученного шнура; точно такой же узор сделан таким же образом на ящиках моего комода турецкой работы конца XVIII века. Мы, естественно, не ожидали найти в почве Северной Сирии сохранившиеся деревянные предметы, и можно считать большой удачей, что эти кусочки слоновой кости, бесценные сами по себе, дали нам возможность благодаря консерватизму Ближнего Востока как-то представить внутреннее убранство царского дворца XV в. до н. э. Две маленькие базальтовые базы колонн, попавшие сюда из верхних комнат, свидетельствовали о том, что в царских покоях по крайней мере одна комната была «залом приемов», как это было и во дворце Ярим-Лима; такая комната предполагается на плане дворца (рис. 13), реконструированном мистером Лаверсом.

В новом крыле, которое, как мы полагаем, было добавлено при Илим-илимма, использованы те же строительные приемы, что и в старой части дворца: панели из отшлифованных базальтовых плит, полудеревянные конструкции стен, белый цемент пола; судя по необычайной толщине некоторых стен, по крайней мере часть здания была в три этажа. Главный комплекс разделялся на две более или менее равные половины (см. рис. 12): в северной части комната № 24 — «зал приемов», разделенный обычными контрфорсами и одной колонной, имеет с одной стороны комнату для отдыха и туалет (№ 26), а с другой — две комнаты, предназначенные, очевидно, для секретарей. В южной части комплекса комната № 28 — тоже «зал приемов»: с одной его стороны, за лестницей, две комнаты и туалет (№ 31), а позади зала (так как с другой стороны открытый двор № 22) — помещения для секретарей и затем архив (комната № 33), маленькое помещение с низкой кирпичной полкой, идущей вдоль стен. Как только мы увидели эту полку, мы поняли, что это за комната, потому что точно такую же комнату раскопали в Уре, найдя там множество табличек, лежащих на полках. Здесь полки, к нашему огорчению, были чисто вымете-

ны, но, как только начали расчищать середину комнаты, по всему пространству пола немедленно обнаружили то, что искали,— таблички.

Лестница в комнате № 27 была традиционного типа, с центральной опорой полудеревянной конструкции, два нижних марша имели деревянные ступени поверх плотной кладки, а третий марш поддерживался деревянной балкой с полками под ней. Другие постройки Илим-илимма на северной стороне дворца носили чисто хозяйственный характер: главная комната (№ 35) служила погребом и была заполнена большими хумами для хранения провизии, частично врытыми в пол,— некоторые из них были найдены совершенно целыми. В соседней комнате (№ 34) цементный пол имел наклон к центральной канавке, что позволяет предположить, что в этом помещении кувшины заполнялись маслом или вином, предназначенным для хранения. Длинный переход, ведущий к маленькой комнатке (№ 36), в которой нашли несколько табличек, был настолько разрушен, что его вообще едва удалось выявить, но, возможно, этот переход вел к лестнице, расположенной в прочной башне, образующей угол всего сооружения.

Официальный характер этого комплекса подчеркивался тем фактом, что здесь практически ничего не было обнаружено: во всем здании нашли разве что один глиняный кувшин — знаменательный контраст с тем, что имело место в жилой части здания. Единственный предмет, кроме многочисленных табличек, который был найден в комнате № 29,— голова барана из белого известняка, она явно упала туда, провалившись сверху. Голова размером чуть более фута, просверлена вертикально, словно через нее должна была протекать жидкость (хотя назначение предмета остается загадкой); верхняя часть головы не обработана, как будто ее либо вставляли куда-то, либо покрывали сверху чем-то из другого материала. В любом случае это какая-то деталь архитектурного украшения, но как произведение искусства — это вещь поистине замечательная. Морда передана двумя почти плоскими плитками, сходящимися под небольшим углом, глаза, как и неестественно маленькие уши, обозначены мелким рельефом, только крупные рога, обрамляющие морду, подчеркнуты и рельефом, и кольцевой резьбой. Перед нами пример крайнего упрощения формы и подчинения натуры схеме; это не примитив, а проявление в высшей степени

изошренного искусства, которого мы не ожидали найти в Северной Сирии этого периода.

Маленький, но очень важный предмет, был найден в кухонном крыле прямо под полом комнаты С₃; он относится к доникмеповскому периоду и был погребен под кладкой, положенной при соединении дворца Никмепа со старым зданием. Это круглая печать из мыльного камня с любопытными знаками на обеих сторонах, которые выглядят как прототипы хеттских иероглифических знаков. Печать нужно датировать временем до 1450 г. до н. э., т. е. она старше любой из известных хеттских иероглифических надписей и, возможно, представляет определенный этап формирования этой письменности. В таком случае получает некоторую поддержку теория, согласно которой хеттская письменность зародилась не в Анатолии, а на севере Сирии. Все таблички, найденные на Атчане, клинописные, но имеется по крайней мере один образец иероглифической надписи на осколке сосуда; его обнаружили во дворце Никмепа. Сосуд был обыкновенным кухонным дуршлагом, так что в период разрушения дворца эта письменность, должно быть, была достаточно известна и понятна даже менее образованным слоям общества.

Из частных домов, раскопанных нами, большинство были просторными строениями, очевидно, принадлежавшими состоятельным жителям города; этого и следовало ожидать, так как они занимали участок в лучшей части жилых кварталов города, располагаясь вдоль северо-восточной стены с видом на долину Амук. Узкая кривая улочка отделяла их от городской стены, и в промежутках между домами улочки, идущие под прямым углом к первой, вели в глубь города. Все дома были двухэтажные; комнаты располагались с трех или со всех сторон центрального двора, или светового колодца, на который они выходили непосредственно или же через соседнюю комнату. Стены, обычно очень толстые, были сложены из кирпича без применения дерева, и, хотя фундаменты делали из необработанного камня, выше уровня земли камень не использовали. В одном доме входной проход — необычно широкий, в центре его, возможно, была колонна — имеет косяки из шлифованного базальта, но ни разу нам не встретился каменный цоколь, столь характерный для храмов и царских дворцов. Свообразной компенсацией за это явилась единственная комната с сохранившейся настенной росписью,

фреской с архитектурным мотивом: на ней в красках изображен дворец — базальтовый цоколь, полудеревянная конструкция над ним, балки выкрашены красным с синим разводами, а кирпичная поверхность чисто белая.

Конечно, на первых этажах такого рода комнат было немного, большинство помещений служили утилитарным целям. В каждом доме был один или два туалета (то, что дома были расположены близко к городской стене, упрощало решение санитарной проблемы; трубы проходили под улочкой и через основание валов), и всегда имелась одна комната с печью и очагом для кухни, тогда как толстый цементный пол являлся, по-видимому, принадлежностью ванной комнаты. В тех нескольких случаях, когда назначение комнаты трудно установить, простая побелка оштукатуренных стен показывает, что помещение не предназначалось для показа посторонним и на него не имело смысла тратиться; возможно, в жилых домах, как и во дворце, лучшие комнаты помещались наверху, а нижний этаж был отведен под хозяйственные нужды. В одном доме каменная основа колонны обрушилась со второго этажа. Это указывает на то, что и здесь мог иметься своего рода «зал приемов». Можно только повторить: жилая часть дворца Никмепа, в сущности, была не чем иным, как увеличенным вариантом частного дома состоятельного горожанина того периода.

Что же касается домов поменьше, то они сохранились настолько плохо, что даже трудно восстановить их план, но маленькие, похожие на коробочки, комнаты и тонкие стены говорят о том, что эти дома были одноэтажными, возможно, с плоской крышей, на которой спали в жаркое время года. Такие дома стояли скученно, а внутри почти не имели удобств.

Важно отметить многочисленные захоронения под полами, почти отсутствующие в больших домах; богатых жителей Алалаха, по-видимому, хоронили на кладбищах за городской стеной, тогда как бедняки, не имеющие средств на покупку земли на кладбищах, укладывали мертвых под пол собственного дома или в маленьких двориках при доме. Могилы были самые простые: гробов не было², одетые тела лежали на земле на боку, руки перед лицом, колени слегка подогнуты в

² Единственный найденный деревянный гроб относился к слою V.

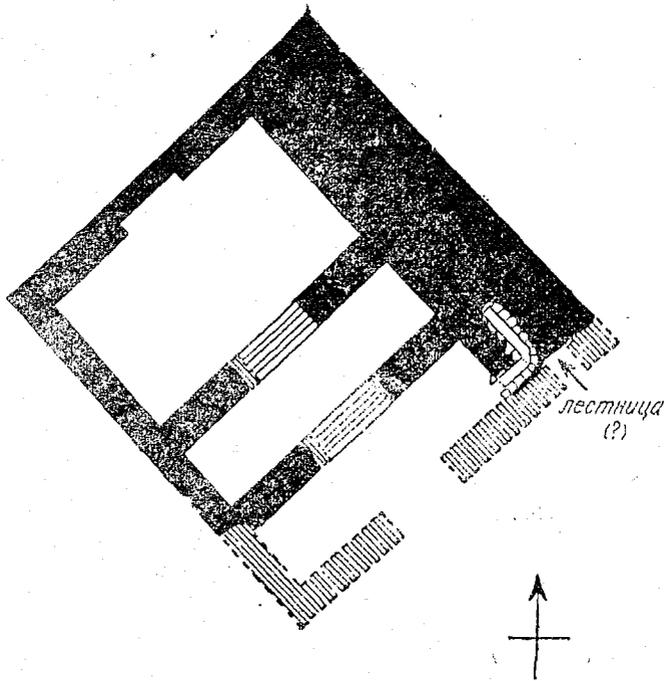

Рис. 14. План храма слоя IV

позе спящего. У плеча можно было обнаружить одну или две булавки, которыми застегивалась одежда; встречаются кольца и цилиндрические печати; у женщин — бусы и амулеты на шее, а у детей — бабки или, редко, глиняная кукла. Помимо этих личных вещей были также приношения от близких, несколько глиняных горшков для еды и питья и, пожалуй, все. Любопытно отметить, что ни в одной могиле не было оружия: воинов или хоронили в другом месте, или в том мире, куда они отправлялись, в оружии не было необходимости. В ориентации костяков строгого порядка нет — скелеты лежат головами в направлении любой части света. Это свидетельствует о том, что религиозные верования еще не окончательно выкристаллизовались и обычай захоронения под полами жилища не имел того религиозного значения, какое ему придавалось в Месопотамии после III династии Ура, — сохранить единство семьи; видимо, здесь этого обычая придерживались из чистой эконо-

мии. Младенцев хоронили просто-напросто в глиняных сосудах, для чего выкапывалась яма там, где это удобно было сделать. На костях нет никаких следов огня: кремация в эту пору в Алалахе еще была неизвестна.

Храм при династии Никмепа должен был быть перестроен, но обнаруженное нами здание оказалось слишком разрушено, чтобы можно было о нем судить (рис. 14). Имелась входная комната, широкая и просторная, по-видимому, с открытым портиком; в центре — необычайно широкий дверной проем и напротив него, в дальней стене, — вход в само святилище, в задней стене которого была глубокая ниша, очевидно, для статуи. Сравнительно тонкие стены говорят о том, что здание было одноэтажным, но похоже, что святилище было выше входной комнаты. Лестница с одной стороны вела на плоскую крышу над обоими помещениями. В этом случае можно было усмотреть некоторое сходство с моделью, обнаруженной в Байсане в Палестине, но этого недостаточно, чтобы определить характер культа, которому была привержена эта династия. Единственно мы можем отметить, что культ Митры, следы которого, по нашему мнению, можно обнаружить в предшествовавший период, в слое IV уступил место совершенно другому, вероятно, такому, который своим митанийским характером не оскорблял фараона: ему правящий дом был обязан своим положением и выражал свою преданность, когда обстоятельства того требовали. Насколько позволяют нам судить скудные остатки, храм основан в ранний период слоя IV и в дальнейшем не перестраивался; он избежал пожара, который разрушил дворец Никмепа, и просуществовал до тех пор, пока строители эпохи слоя III не снесли его стены, заложив их в основание своей собственной постройки.

К западу от царского дворца тянулся большой комплекс зданий, включавший в себя северо-восточные городские ворота и цитадель. Все они старше, чем дворец, который поставлен так, что нарушил планировку восточной стороны городских ворот. Эти сооружения перешли к Никмепа от его предков, и он оставил их без изменений; но после него, все еще в период слоя IV, значительные переделки были осуществлены внутри цитадели. О них я скажу позже.

Городские ворота свидетельствуют об ином характере оборонных сооружений по сравнению с укреплениями слоя VII. Маленькая башня (23×23×23 фута), вы-

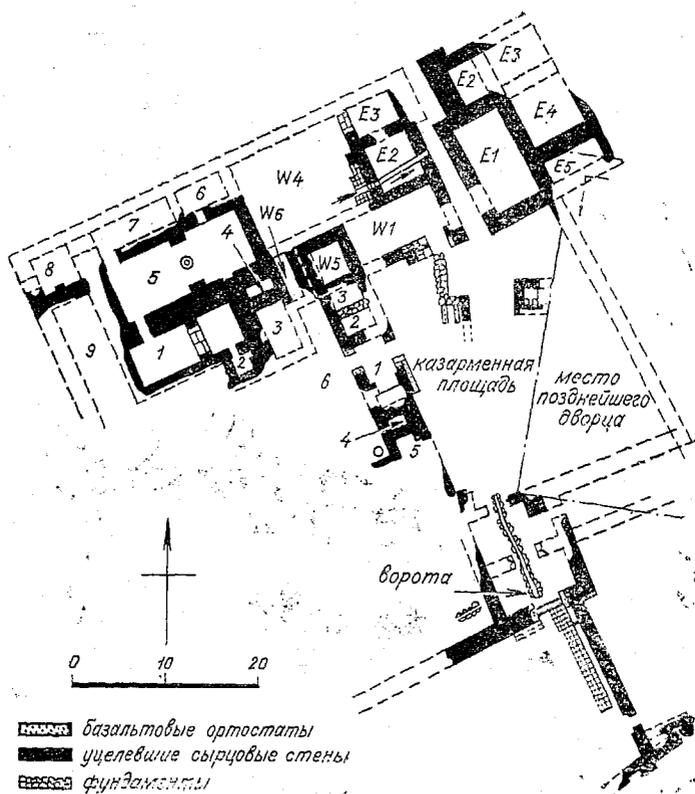

Рис. 15. План цитадели и северо-восточных городских ворот слоя IV.

ступавшая на три фута от линии стены, прорезана шестифутовым проемом с единственной дверью, крепившейся не к пилонам, а непосредственно к стенам; внутри башни проход поворачивает два раза направо и затем тянется еще на 15 ярдов между одноэтажными строениями до открытого плаца, лежащего перед цитаделью. Ярим-лимовская большая трехворотная башня не выдержала натиска врагов (возможно, из-за упущений в планировке, о которых мы уже говорили), и строители слоя V, как здесь, так и в юго-западных воротах города, использовали новую систему, при которой люди значили больше, чем дерево и камень (рис. 15). Если

атакующие прорывались сквозь единственные ворота — путь им преграждала глухая стена; сдерживаемое долгим поворотом, движение их замедлялось, они должны были двигаться в узком пространстве под обстрелом защитников, располагавшихся на крышах с обеих сторон.

Если они (не более чем по трое в ряд) все же прорывались и выходили из прохода шириной лишь восемь футов, то их встречали все главные силы гарнизона, находящиеся на парадном плацу. Внешне не столь внушительные, новые ворота были спроектированы более разумно, чем те, которые они заменили.

Согласно первоначальному плану, плац представлял собой прямоугольник 30×20 ярдов, но дворец Никмепа, занявший часть его территории, превратил его в неправильный треугольник. На южной его стороне находился тройной проход, ведущий в город; западная сторона треугольника — глухая стена дворца, восточная — фасад цитадели. При такой планировке территория, на которой располагался гарнизон, была полностью отделена от остального города; получался анклав, который можно было удерживать от восставших горожан так же, как и от нападений извне, а в мирное время, когда городские ворота были открыты, каждый входивший и выходивший из города находился под надзором часовых цитадели.

Большая часть цитадели исчезла в результате оголения верхнего слоя холма, но в северо-восточной части цитадели условия были более благоприятны, и, хотя стены поднимались лишь на фут над уровнем пола, детали планировки комнат были ясны.

Фасад, смотрящий на плац, представлял собой двойную стену с небольшими междустенными помещениями; в центре — вход с двойными дверями, поставленными не совсем по одной линии, с прекрасными базальтовыми косяками; отсюда был проход во внутренний двор размером около 14 ярдов с северо-запада на юго-восток (его юго-западный конец невозможно было обнаружить), окруженный крепостными строениями. Когда мы вели раскопки на северо-западной стороне двора, то пришли в некоторое изумление: в крепости странно было обнаружить две большие комнаты типа «зала приемов», расположенные рядом, сообщающиеся друг с другом и снабженные дополнительными помещениями как в «залах приемов» в царском дворце.

Различные строительные приметы (стены, перекрывающие друг друга, нарушения в перевязке кирпичной кладки и прочее) свидетельствовали о том, что комнаты — не одного времени; одна, по-видимому, была построена одновременно со всем зданием, т. е. в начале слоя V; другую пристроили значительно позднее; добавление этой комнаты потребовало полной перестройки этой части цитадели. Это не было вызвано разрушением старого здания (по крайней мере нет никаких свидетельств этого), но, видимо, потребовалось для того, чтобы приспособить строение для новой цели. Мы не можем точно определить, когда это было сделано (но, очевидно, в период слоя IV), и есть соблазн связать эту перестройку с другой, при которой был поднят уровень плаца и (насколько мы могли установить, хотя и не очень-то надежно) на его покрытие пошли сгоревшие руины дворца Никмепа. В конце концов цитадель также была сожжена, но бесспорно, что это не имело ничего общего с большим пожаром, который разрушил дворец, а произошло гораздо позже, в то время, когда слой IV закончился и на смену пришел слой III; стены форты слоя III возвышаются непосредственно на руинах цитадели слоя IV, но там, где эти стены возведены над дворцом Никмепа, они отделены от него промежуточным полом-площадкой, положенным на сожженные руины, полом, который я считаю современным перестройке цитадели.

Этот факт имеет важное значение для истории того периода. От этого времени сохранилось необычайно много документов, так как кроме сотен табличек, обнаруженных и во дворце, и в комнатах по северо-западной стороне плаца (одна из которых, казалось, служила административным помещением для дворцовых чиновников), мы располагаем уникальными сведениями, содержащимися в «автобиографии» царя Идри-ми. Но прежде чем обратиться к истории, я должен рассказать о выдающемся скульптурном памятнике, связанном со слоем IV.

Когда мы раскапывали храм слоя I, который был разрушен в 1194 г. до н. э. при вторжении «народов моря», мы обнаружили, что передний двор храма заполнен предметами, принадлежавшими заключительной фазе существования здания; среди них найден очень поврежденный базальтовый трон, на котором явно должна была помещаться статуя. В комнате, прилегающей к

храму, на северо-восток от двора, мы обнаружили яму, выкопанную в полу и заполненную землей и большими камнями (самый большой весил около полутора тонн), а затем заделанную. Под камнями была найдена поврежденная статуя. Отбитая голова лежала рядом с телом вместе с обломками бороды и ноги; только часть одной ноги исчезла. Статуя подходила к трону, найденному на храмовом полу, так как точно совпадала с вырезанным углублением и, кроме того, части фигуры, которые соприкасались с ручками трона, не были обработаны.

Можно быть уверенным, что статуя находилась на троне до разрушения храма; в результате сильного удара по основанию трона, куда были врезаны ноги статуи, она отвалилась, так же как и голова. После разграбления храма кто-то прокрался назад, в порыве набожности собрал все части фигуры и спрятал в спешно вырытую яму в надежде достать позднее. Но город погиб и никогда больше не оправился; человек, который так беспокоился о статуе Идри-ми, никогда не вернулся. Обвалившиеся храмовые стены скрыли от глаз предметы, разбросанные по храмовому полу, и никто не знал о них и не искал их, пока мы не приступили к раскопкам в 1939 г.

Интересный факт: статуя датируется приблизительно 1400 г. до н. э., хранилась в храме 200 лет и даже спустя столь продолжительный срок вызвала такое благоговение, что человек рисковал своей жизнью, чтобы спасти ее. Царь, которого изображала статуя, не был ни столь велик, ни столь удачлив как правитель, чтобы вызвать такое почитание, и я склонен думать, что статую так высоко ценили ради нее самой. Правда, как произведение искусства она немногого стоит — честно говоря, комически ужасна — но, во всяком случае это статуя местная, не имеет ничего общего ни с Египтом, ни с Месопотамией, ни с каким-либо другим нам известным центром; если не считать голову барана, найденную во дворце Никмела, которая не более, чем на 30 лет старше, это самый древний образец скульптуры из Алалаха. Мы имеем основания полагать, что вся северосирийская школа искусства, которая позднее вызвала к жизни скульптурные украшения сирийско-хеттских дворцов, начала зарождаться как раз в это время — в XV или раннем XIV в. до н. э., и, может быть, Алалах ценил нашу статую не как «портрет», но как «прими-

тив», старейший образец местной художественной школы.

Фигура вырезана из прекрасного белого магнезита. Камень был обработан цилиндрическим сверлом, затем отшлифован на точильном камне и отполирован. Царь представлен сидящим, он завернут в какое-то одеяние без складок, которое скрывает формы тела, и, хотя предполагается наличие нижней туники и плаща с каймой, все передано столь схематично, что трудно установить сходство с какой-либо известной одеждой. На царе высокий головной убор, простой и гладкий, скрепленный лентой; бакенбарды и длинная борода также гладкие; брови и глаза выложены черным камнем, что резко контрастирует с белизной магнезита; несомненно, первоначально голова была раскрашена: например, краской должны были быть переданы локоны на бороде царя, так как в камне они не проработаны. Вся передняя часть фигуры от щек до края одежды покрыта клинописным текстом, составляющим 104 строки.

Трон имеет форму кресла с высокой спинкой и ручками, которые поддерживают фигуры львов; тела их даны рельефно, а головы выступают; похоже, что перед тронном имелся ряд ступеней, но они были вырезаны из другого блока, а затем обломались и, видимо, затерялись.

Надпись представляет собой «автобиографию» царя. Она была написана писцом по имени Шаррува, возможно, одним из старейших чиновников в государстве, так как его имя появляется в документах, относящихся к предшествующему правлению, а в том, как Шаррува говорит о себе и призывает благословение на свою голову, проскальзывает высокомерие, которое может быть свидетельством очень высокого положения при дворе. Шаррува писал на своем собственном диалекте, возможно, сознательно употребляя архаизмы; к сожалению, ни писец, который делал копию для камнереза, ни камнерез, который высек надпись, не отличались профессионализмом, и текст поэтому чрезвычайно трудно читается.

Мистер Сидни Смит, который опубликовал документ, признал, что текст, вероятно, потребует в будущем большого количества исправлений. По многим пунктам имеются значительные разногласия, главнейшее из которых связано с определением точной даты правления Идри-ми: вопрос в том, предшествовало ли оно правле-

нию Никмепа или следовало после него? Частично это зависит от чтения одного имени в тексте³, частично связано с идентификацией упомянутых в тексте лиц. В Алалахе, как и в других сирийских государствах, в царской семье одни и те же имена появлялись в разных поколениях: так, Никмепа — это сын Идри-ми и отец Илим-илимма, в то же время царь Идри-ми — сын Илим-илимма, и в зависимости от того, кого из этих двух Идри-ми или двух Илим-илимма мы выберем, автор надписи становится отцом или внуком строителя нашего дворца. Филологические тонкости доступны только лингвисту, но для решения этой исторической проблемы весьма существенны и археологические свидетельства, а таковые, я думаю, определенно подтверждают, что Идри-ми правил позднее, чем Никмепа. Как археолог, следовательно, я без колебаний следую за Сидни Смитом и восстанавливаю историческую обстановку периода слоя IV, игнорируя лингвистические аргументы его оппонентов.

Когда Тутмос III сделал правителем Таку, основателем династии, к которой принадлежал Никмепа, он, видимо, отдал под его власть территорию большую, чем владения его предшественников. Алалах был столицей царства Мукиш, куда входила по меньшей мере северная часть долины Амука и которое простиралось на запад по нижнему течению Оронта до берегов Средиземного моря. Сюда же входила и Ама'у, холмистая область к югу от равнины. Царство Алеппо и земля Ния, место заповедника слонов, были не в первый раз присоединены к Мукишу, и к этому фараон добавил Нухаши, огромное степное пространство на юг от Алеппо и на восток от Оронта. Образовалось поистине огромное и важное царство, которое, однако, нелегко было сохранять в целостности. Пока Египет готов был поддерживать своего вассала, последний мог сохранять власть над правителями различных провинций, но без этой поддержки трудно было ее удерживать.

Смерть Тутмоса III около 1447 г. до н. э. почти наверняка послужила сигналом для восстания в Сирии, инспирированного Митанни. Но кто бы ни был царем

³ С. Смит читает это имя как Шутарна, царь Митанни; другие предлагают имя «Ба-ра-ат-тар-на», которое с некоторой долей манипуляции со знаками, может стать «Пар-са-ша-тар», отец Шаушшатара, более раннего царя Митанни.

Алалаха в это время, он должен был прекрасно понимать пользу от поддержки Египта и не рискнул бы связываться с таким сомнительным союзником, как Митанни. Поэтому, когда Аменхотеп II, преследуя врагов южнее Оронта, подошел к Нии, город открыл ему ворота и горожане приветствовали его со стен города. Именно во время правления Аменхотепа II Никмепа вступил на престол. Он, без сомнения, был членом царской семьи, но своего отца Идри-ми он не наделяет царским титулом, поэтому, возможно, Никмепа был племянником правителя, который оставался верен фараону. В свою очередь и Никмепа продолжает признавать формальную зависимость от Египта настолько, что египетские символы появляются на царской печати. Но это едва ли могло быть больше чем формальное признание зависимости. Храм, который он построил в честь бога города, конечно, не был по типу митаннийским, но он не был и египетским, а настоящий вассал фараона должен был бы почитать богов Нила.

Дело в том, что египетское владычество в Северной Сирии стало весьма призрачным, тогда как мощь Митанни постоянно возрастала, причем настолько, что около 1420 г. до н. э. Тутмос IV просил в жены дочь Артадамы, царя Митанни, и заключил формальный союз с ним. Разумеется, Никмепа должен был действовать весьма осторожно. Так как в его титулатуре нет упоминания Алеппо, мы можем считать, что это подчиненное царство обрело независимость. Возможно, он наследовал не более как старое царство Мукиш и в качестве «царя города Алалах» подписался на договоре с Ир-Мермером, «царем города Тунип», записанном на табличке, которую мы нашли среди дворцовых руин. Тунип находился непосредственно к югу от Мукиша, и Никмепа, по-видимому, пытался укрепить свои позиции. В одной табличке, описывающей возведение жителя Алалаха в некий должностной ранг, обозначенный хурритским термином, упоминаются боги Митанни в такой форме, которая может указывать на прямое подчинение Алалаха Митанни. В то же время имеется табличка, заключение по судебному иску, где некий Ириб-хази, подданный Никмепа, выступил против него перед Шаушшатаром, царем Митанни, объявив себя гражданином Ханигальбата и поэтому подданным Шаушшатара, но Никмепа выиграл дело, и Ириб-хази должен был вернуться к своим обязанностям. В этом случае пра-

витель Алалаха заявил о своей независимости и получил ее подтверждение.

Сидни Смит утверждает, что Никмепа был вассалом Шаушшатара. Я скорее склонен думать, что он ухитрялся балансировать между фараоном и царем Митанни, и каждый из них, возможно, считал себя его сюзереном. Он был настолько удачлив в своей политике, что мог даже построить себе новый дворец, который, хотя и не обладал истинно царским великолепием, был все же свидетельством его независимости.

Никмепа наследовал его сын Илим-илимма, более тщеславный, но менее дипломатичный правитель. Его большим достижением было расширение границ царства до пределов, включающих Алеппо и Нию, которыми его отец никогда не управлял. Как ему удалось это сделать, мы не знаем, но это не могло случиться путем завоевания, так как он никогда не стал бы выступать против союза Хурри, главой которого был Артадама, царь Митанни, а Алеппо входил в этот союз. Одна табличка из Атчаны содержит указание, что он был вассалом Хурри; можно предположить, что Илим-илимма использовал договор между Артадамой и Тутмосом IV для собственного возвышения — Египет отказывался от притязаний на Северную Сирию и Митанни становилось великой державой; но «преданный» слуга фараона не мог предложить свою верность новому господину иначе как за приличную цену, по принципу «Париж стоит мессы».

Во всяком случае, Илим-илимма стал называть себя «царем Алеппо» и к дому своего отца в Алалахе пристроил такое же большое сооружение, откуда управлял своим увеличившимся в размерах царством.

Когда в 1938 и 1939 гг. мы вели раскопки дворца слоя IV, у нас не было никаких сомнений в том, что он был разрушен в результате восстания горожан. Дворец полностью сожгли; новое сооружение Илим-илимма, отделенное от старых построек двойной стеной, и кухонный корпус, не имевший внутренней связи с дворцовой постройкой, пострадали в одно и то же время. Скелетов не было найдено, похоже, что обороны не было. Сокровища из верхних комнат, безусловно, были похищены; архив, насколько было возможно, перенесли в безопасное место, что вполне могли сделать горожане, знавшие, какого рода документы, представляющие всеобщий интерес, имеются во дворце, хотя похоже, что

мысль о спасении архива появилась потом⁴. В жилых кварталах нет никаких следов разрушений или грабежа; судя по всему, пламя занялось в нескольких местах, и слуги по крайней мере не были застигнуты врасплох. Насколько мы можем судить, другие здания не сгорели, разрушению подвергся только царский дворец.

Наше заключение было полностью подтверждено текстом Идри-ми. Восстание действительно имело место. Оно привело к смерти Илим-илимма, и когда Идри-ми получил свое царство, он должен был построить для себя новый дворец, ибо дворец его отца больше не существовал. Сидни Смит указывает, что смерть Артадамы могла побудить Илим-илимма попытаться избавиться от власти Митанни. Так как Алеппо, где начался мятеж, традиционно был центром Хурри, любое действие против Митанни, естественно, было здесь непопулярно; но даже в Мукише северосирийские элементы преобладали, и его горожане не испытывали особых симпатий к Египту, поэтому и здесь политика царя должна была натолкнуться на оппозицию. Наследнику Артадамы Шутарне не составило большого труда поднять восстание против своего недовольного вассала.

Можно предположить, что Идри-ми находился в Алалахе, когда весть о возмущении в Алеппо и, возможно, убийстве его отца достигла его ушей, и, предвидя, что беспорядки могут распространиться, он со всей семьей бежал на юг вдоль Оронта до города, называемого Эмар⁵, который являлся приданным его матери. Таковы, по-видимому, обстоятельства сожжения алалахского дворца. Но в Эмаре он обнаружил, что его братья, каждый из которых, согласно обычаю, управлял городом-государством, были теперь на стороне Митанни, и хотя открыто не выступили против него, но доверия явно не заслуживали.

Тогда «я взял мою лошадь, и мою колесницу, и моего оруженосца и уехал отсюда. Я пересек пустынную землю и пришел к воинам Суту (сутиям). С ними я провел ночь в моей крытой колеснице: на следующий день я уехал и прибыл в страну Ханаан. В стране Ха-

⁴ Большое число табличек оставалось в архивной комнате, возможно, из-за спешки; некоторые были обронены по пути из здания, и целая россыпь была найдена в переднем дворе (явно содержимое корзины), видимо, дворец уже был в огне и спасатели не могли вернуться и подобрать их.

⁵ Эмар теперь локализируют на западном берегу Евфрата, выше впадения Белиха.— *Примеч. ред.*

наан я пришел в город Аммия. В Аммии жили сыновья города Алеппо, сыновья страны Мукиш и Нии и воины страны Ама'у; они увидели меня, и вот я был сын их господина, и воистину они соединились против меня. Поэтому я увел тех, кто следовал со мной, прочь и оставался среди воинов-хапиру семь лет». Царевич, конечно, надеялся отдаться под покровительство фараона, чем и объясняется его побег на юг; он не осмеливался останавливаться там, где имелись жители его собственной страны, для них он был «сын своего отца», против которого они подняли бунт. Хотя Аммия все еще непосредственно подчинялась Египту, контроль со стороны последнего был недостаточно силен, чтобы гарантировать безопасность Идри-ми. Интересно, что он нашел убежище в одном из еврейских племен, обретавшихся на крайнем севере Ханаана (к северу от земли Ашер и Зебулон) за несколько поколений до того, как Иисус Навин вторгся в страну с юга.

Семь лет Идри-ми оставался в изгнании, постоянно совещаясь с оракулами⁶, и наконец знамения оказались благоприятными. Он не объясняет, каковы именно они были. Мы должны помнить, что «автобиография» составлялась спустя много лет в совершенно иных условиях, и он должен был быть осторожен в выборе выржений. Идри-ми предусмотрительно ничего не говорит о Египте, но, очевидно, находясь в изгнании, он понял, что Египет — расщепившаяся трость⁷ и что единственный выход — искать покровительства Митанни. Поэтому он написал Шутарне, «могущественному царю, повелителю воинов земли Хурри», испрашивая возвра-

⁶ Он говорит: «Мне стали ясны знамения птиц, я изучал внутренности ягнят». С. Смит объясняет, что гадания по полету птиц были в обычае у хеттов (письмо, найденное на Атчане, возможно, имеет отношение именно к птицам, которые содержались для этой цели), и вполне вероятно, что такие гадания являлись постоянными в практике государственного управления как в Сирии, так и в Риме. Глиняная модель внутренностей животного обнаружена на Атчане; она поделена на квадраты, где отмечены выпуклости и выемки, ключ к толкованию предзнаменований по отклонениям на поверхности печени животного. Царь Идри-ми, возможно, пользовался моделью такого типа.

⁷ Намек на образ, встречающийся у пророка Иезекиила (29: 6—7): «И узнают все обитатели Египта, что Я — Господь; потому что они дому Израилеву были подпоркою тростниковую. Когда они ухватились за тебя рукою, ты расщепился, и все плечо исколол им; и когда они оперлись о тебя, ты сломался и изранил все чресла им». — *Примеч. ред.*

тить благоволение⁸: «Наше слово милостиво приняли цари, повелители воинов земли Хурри»; в переписке были оговорены условия соглашения, были принесены необходимые жертвы, и «затем я стал царем». Он построил суда, погрузил на них своих воинов и морем достиг земли Мукиш, т. е. причалил к своей собственной гавани в устье Оронта (современная Эль-Мина у подножия горы Касиос) «перед горой». Как он пишет, и «бык и овца предстали передо мной как знак расположения, они были и дальше на моем пути. Как один человек, земли Ния, Ама'у, Мукиш и город Алалах, моя столица, вернулись ко мне». Его братья тоже были примирены и получили от него подтверждение на право управлять.

Это широкое признание царя, который столь долго был изгнанником, являлось, конечно, результатом того, что Шутарна одобрил его возвращение; но в документе ничего не сказано об Алеппо, который являлся частью царства Илим-илимма; значит, отныне он был утрачен, и потеря города, видимо, была одним из условий, поставленных Шутарной. Другим условием должно было быть вступление в войну между Хурри и хеттами из Анатолии, которые в этот момент, накануне восшествия на престол Суппилулиумаса, были ослаблены и в известной мере зависели от милости противника. Но, расположенные в глубине материка, государства союза Хурри были отделены от хеттов грядой Тавра и могли вторгнуться к ним лишь через несколько горных проходов, которые хетты удерживали бы до последней возможности. Один только царь Алалаха мог совершить нападение с фланга, потому что имел выходы к морю, располагал морской гаванью и судами; более того, контролируя Бейланский проход, он мог воспользоваться прибрежной дорогой, идущей от Александретты на Киликийскую равнину. На берегах залива имелось семь хеттских гаваней, маленькие крепости-города. «Их,— говорит Идри-ми,— я разграбил. Страна хеттов не собралась и не выступила против меня; что я хотел, я сделал. Я унес их имущество... их товары, их сокрови-

⁸ В надписи он сначала говорит о своем возвращении на родину, а затем о договоре с Шутарной; но на деле либо сначала был заключен договор, либо и тому и другому предшествовала длительная подготовка, и только формальности были отложены до возвращения в Алалах. Обязательства договора и «высокая клятва» были в действительности односторонними.

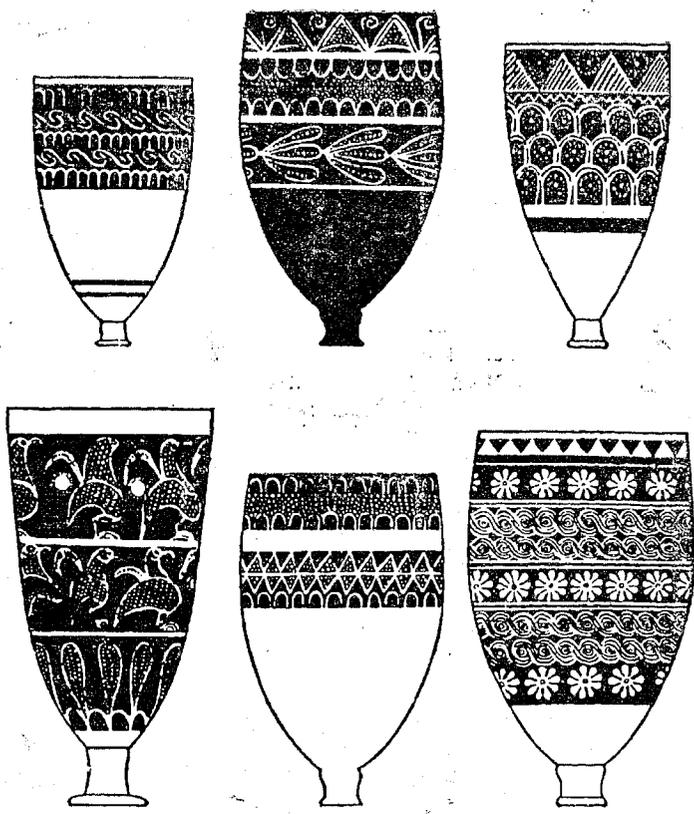

Рис. 16. Образцы керамики Нузи

ща и разделил между воинами, и взял свою долю. Затем я вернулся в землю Мукиш и вошел в город Алалах, мою столицу. Захваченное имущество и товары я приказал отправить на юг из страны Хатти, и я построил дом. Я сделал мой трон точным подобием трона царей, мои приближенные начальники стали подобны слугителям царя, мои сыновья стали подобны сыновьям царя, мой двор стал подобен двору царя».

Выше я описал, как была перестроена цитадель Алалаха в последний период слоя IV, после разрушения дворца Никмепа; в результате перестройки дворец стал более величественным; место прежнего дворца не заст-

райвалось, а было использовано как часть плаца перед цитаделью. Это согласуется с «автобиографией» Идри-ми; дворец его отца прекратил существование, и он строит новый. Но Идри-ми ясно дает понять, что его сооружение отлично от старого, это полная имитация дворцов его союзников — царей Митаннийского союза. Жилище Никмепа — не более чем увеличенный в размерах частный дом в лучшем жилом квартале города; Никмепа скорее был первый среди равных, чем царь. Илим-илимма расширил дом отца, но продолжал жить среди горожан, и, когда народ взбунтовался, дом царя оказался незащищен. Похоже, что Идри-ми усвоил этот урок и использовал добычу, захваченную у хеттов, не для восстановления дома своих предков, а для обеспечения собственной безопасности. Он хотел жить, как поддобен царю, под защитой своего войска, в твердыне, огражденной со всех сторон от любых посягательств; он строит дворец внутри цитадели.

Изменения в политической обстановке того времени хорошо иллюстрирует обнаруженная керамика.

На Йорган-тепе, месте древнего города Нузи, возле Киркука, к востоку от р. Тигр, был обнаружен необычный тип расписной керамики, датированной благодаря табличкам, относящимся к тому же периоду, временем около 1450—1350 гг. до н. э.; самые ранние образцы связаны с правлением Шаушшатара, царя Митанни (рис. 16). В верховье р. Хабур на Телль-Брак отмечено внезапное появление этой керамики, возможно, в то время, когда Шаушшатар все еще находился у власти. Эта керамика, отличительная особенность которой — роспись непрозрачной белой краской по черному или коричневному фону, может считаться характерным признаком влияния Митанни. На Атчане один-два фрагмента этой керамики появляются в позднем периоде слоя V, т. е. накануне правления Никмепа. Два-три черепка могут быть отнесены ко времени Илим-илимма, так как они обнаружены в траншее, прорытой для фундамента его пристройки ко дворцу. В завершающей фазе слоя IV, после разрушения дворца, эта керамика встречается уже часто; она весьма распространена в слое III, наибольшее ее количество — в слое II (уже изделия местных мастеров), и полностью она исчезает в слое I.

Значение этих процессов совершенно ясно. Керамика появилась на Востоке как раз перед правлением Никмепа, и всего несколько образцов этой новинки про-

никли в Алалах в результате торгового обмена. Никмепа был современником Шаушшатары, и, будь он вассалом царя Митанни, эта характерная керамика должна была быть столь же распространена в Алалахе, как в Браке и в Нузи. Тот факт, что в Алалахе не было обнаружено почти никаких ее черепков, свидетельствует о том, насколько успешно ему удавалось сохранять свою независимость. Подчинение Илим-илимма власти Митанни отразилось в появлении черепков этих изделий, относящихся к началу его правления, но знаменательно, что ко времени его смерти среди тысяч глиняных сосудов, найденных в царском дворце, только 13 были нузийского типа, в то же время коробочки слоновой кости для притираний были в египетском стиле. Распространение нузийской посуды в заключительной фазе слоя IV свидетельствует о подчинении Идри-ми власти Митанни.

Идри-ми правил уже 30 лет, когда он распорядился вырезать надпись на своей статуе, а поводом для этого явилась передача власти сыну Адад-нирари. Правление, начавшееся столь плачевно, в общем, по крайней мере внешне, оказалось достаточно успешным; войн, кроме удачного набега на хеттские гавани, больше не было, так как благодаря миру между Египтом и Митанни у вассалов Шутарны не стало врагов. Главное дело, которое царь Алалаха мог поставить себе в заслугу,— это заселение ряда районов сутиями — кочевыми племенами, которые были неустойчивым элементом в его царстве. Может быть, это был знак благодарности, так как какое-то из этих племен приютило его в период изгнания, а может быть, политическая дальновидность, так как от осевшего на землю народа в государстве больше пользы, чем от раскинувших шатры кочевников, хватающих свои пожитки и исчезающих при первых признаках опасности. «Так,— говорит он,— я основал мою страну». Он строил крепости традиционного типа и добросовестно исполнял все религиозные обряды. Наконец, Идри-ми или отказался от власти в пользу своего сына Адад-нирари, или сделал юношу соправителем (смысл его слов неясный): «в свою очередь оказал доверие управлению моего сына».

Старый царь был очень благоразумен. Приблизительно в 1385 г. до н. э. грозные тучи появились на горизонте, 30 лет оставшемся ясным. Хетты в Анатолии, старые враги Хурри, целое поколение пребывали в упадке. Им нанесло поражение Митанни, и даже Алалах

безнаказанно грабил их города. Дела их обстояли настолько плохо, что на царя Тутхалияса III было совершено покушение, в котором участвовал его собственный сын, и трон занял способный и энергичный монарх. К моменту, когда Идри-ми отошел от дел, Суппилулиумас находился у власти лишь года два или около того, но уже укрепил свое положение и готовился выступить против Северной Сирии как с помощью дипломатии, так и с помощью силы, и там, где потребовалась бы сила, он был готов употребить ее в полной мере.

Возможность для выступления появилась в момент разногласий между государствами Хурри и Митанни, которое длительное время возглавляло союз; хетты считали своим союзником царя Хурри Артадаму и тем самым получили повод выступить войной против царя Митанни Арташумара. Хеттская армия двинулась на юг через перевалы Тавра. Войско Митанни было разбито, но это было только начало. Цари сирийских городов-государств понимали, что Суппилулиумас намерен покорить всю страну и очень быстро наступит их черед; насколько сколоченный союз не способен был противостоять вторжению, а поодиночке они были легкой добычей; в отчаянии они вспомнили о своем старом сюзерене и обратились к фараону.

Из дипломатической переписки, обнаруженной в Телль-эль-Амарне, в Египте, в архиве департамента по иностранным делам фараона, ситуация становится ясной. Царь Катны (Центральная Сирия) пишет Аменхотепу III: «О мой господин, тогда, как я шлю мою любовь к царю, моему господину, так делают и царь Нухаши, царь Ни-и (Нии), царь Зинзара и царь Туаната⁹. Истинно все эти цари принадлежат моему господину, твои вассалы». Катна, расположенная неподалеку от Кадеша, действительно находилась в зоне египетского влияния, но Нухаши и Ния уже длительное время как расторгли союз с фараоном. Царь Катны здесь тактично выступает как посредник северных государств, подвергавшихся опасности в первую очередь. Но Аменхотеп III был стар и, приближаясь к завершению своего мирного правления, полностью погрузился в заботы по демонстрации своего фараонского величия — занимался строительством храмов и устройством дворцовых празд-

⁹ Местоположение Зинзара и Туаната не установлено, но, безусловно, это были северные государства.

неств; об организации военного похода в отдаленные страны не могло быть и речи. Он мог отправить немного войск в Сирию, когда призывы его вассалов стали все более и более тревожными, но их едва хватило на поддержание внутреннего порядка, но никак не на то, чтобы приостановить наступление хеттов. В 1375 г. до н. э. Аменхотеп умер, его наследник, непрактичный мечтатель Эхнатон, был мало обеспокоен судьбой Египта, а тем более Сирии. Суппилулиумас с циничной вежливостью направил ему поздравления по случаю вступления на престол и приготовился лишить его империи.

Приблизительно в это же время Адад-нирари, которого мы считаем сыном Идри-ми, тоже направляет письмо фараону (правда, неясно, Аменхотепу III или уже Эхнатону), изъявляя свою преданность и умоляя о помощи. Он напоминает фараону, что Тутмос III содействовал увеличению царства его предка Таку и обещал покровительство, а теперь хетты угрожают всем, кто принадлежит партии Египта. Сюзерен, который ожидает верности от подвластных ему правителей, тоже должен быть верным в трудную минуту: «Воистину, если мой господин сам не придет на помощь, пусть мой господин пошлет от себя сановника с солдатами и колесницами». Это был глас вопиющего в пустыне. Войска не были посланы, и тем самым хеттам были развязаны руки. По-видимому, Адад-нирари умер, и Такува наследовал ему как царь Мукиша в самый острый момент. Около 1370 г. до н. э. Суппилулиумас одолел Тушратту и захватил царство Митанни, после чего организованное сопротивление сирийских государств было уже невозможно. «Я осилил страну Алеппо,— хвалится хеттский царь,— и страну Мукиш. Такува, царь города Ния, вернулся в страну Мукиш, предстал предо мной, говоря: „мир“». Возможно, Такува послал свои силы в самую восточную провинцию своего царства, чтобы присоединиться к вассальным государствам, собранным Тушраттой Митаннийским для сопротивления хеттам на восточном берегу Евфрата, однако в сражении не участвовал. Узнав, что Суппилулиумас, разбив Тушратту, повернул опять на запад, захватил Алеппо, а затем расположился лагерем в Мукише, Такува оставил армию и поспешил домой, чтобы договориться с завоевателем; его крик «мир» означал безусловную сдачу. Но его страна не собиралась столь же быстро смириться. «За спиной Такува,— говорит Суппилулиумас,— его брат

Акит-Тешуп снова склонил страну Ния и город Ния к враждебным действиям и соединился с шестью князьями. Они соединились с Акией, царем Арахту (город на Евфрате), колесницы и воины. Они укрепили город Арахту и приготовились бунтовать. Они сказали: „Сразимся с великим царем, царем страны Хатти“. Великий царь, царь страны Хатти осилил их в Арахту. Акию, царя страны Арахту, Акит-Тешупа, брата Такувы, и всех этих князей он полонил и повелел отправить их в страну Хатти».

Этим закончился наш слой IV.

Глава VIII

АЛАЛАХ ПРИ ХЕТТАХ. СЛОИ III и II

Когда в 1938 г. мы вели раскопки дворца Никмепа, мы обнаружили, что нашу работу чрезвычайно затрудняет нагромождение руин, перекрывающих дворец. Расположенные впритык стены, скорее даже основания стен, пересекали всю западную часть дворца; они были от 8 до 16 футов толщиной, в нижней части сложены из камня — валунов, тяжелых известняковых блоков и базальтовых плит из руин более старых построек, а выше представляли собой сплошную массу сырцового кирпича черного цвета, кое-где с вкраплениями известняка, потрескавшуюся и трудноотличимую от простой земли, и все это вместе, кирпич и камни, достигало высоты около 12 футов.

Строителям пришлось рыть канавы под фундамент стен вглубь до уровня полов дворца слоя IV, а иногда и ниже уровня старого плаца Идри-ми, который местами поднимался всего на 4—5 футов над этими полами. По мере того как возводились новые стены, пространство между ними — комнаты — заполнялось сплошь кирпичом на высоту еще по крайней мере пять футов. Настоящие полы комнат не сохранились, и во время расчистки помещений перед нами была просто однородная масса кирпича, гигантская платформа. Только после того как кирпич высох на открытом воздухе, мы смогли не без труда отличить стены от кирпича, заполнявшего пространство между ними. Когда мы расчистили это пространство, оказалось, что между «комнатами»

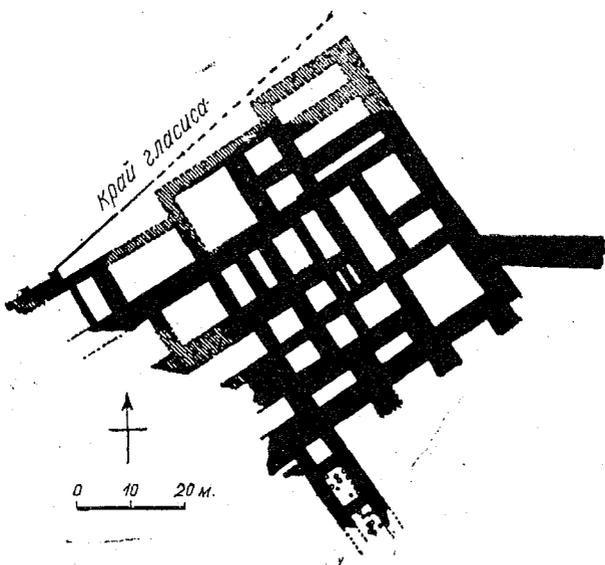

Рис. 17. План крепости слоя III

нет дверных проходов, поэтому более точно эти стены можно определить как стены-фундамент, хотя они и поднимались над уровнем почвы. Здание, таким образом, было приподнято путем забутовки его нижней части, пока не образовалось прочное основание.

Юго-восточная стена, обращенная к городу, имела большие квадратные контрфорсы, поставленные через определенные промежутки, что вместе с необыкновенной мощностью стен всего здания свидетельствует о его оборонительном характере. Хотя имеющиеся данные не слишком красноречивы, мне кажется, можно утверждать, что здание было возведено во времена слоя III и служило оборонительным целям в течение всего периода слоя II.

Когда в последующие сезоны мы вели раскопки к западу от дворца Никмепа, стены, которые мы откапывали, оказывались построенными по тому же принципу; крепость занимала всю северо-западную часть города. Мы так и не обнаружили ее границы, кроме короткого отрезка стены на северо-востоке, а ведь часть сооружения, которую мы раскопали, занимала не менее 260×260 футов (рис. 17); это было самое большое здание, обнаруженное нами на Атчане. Цокольный план без

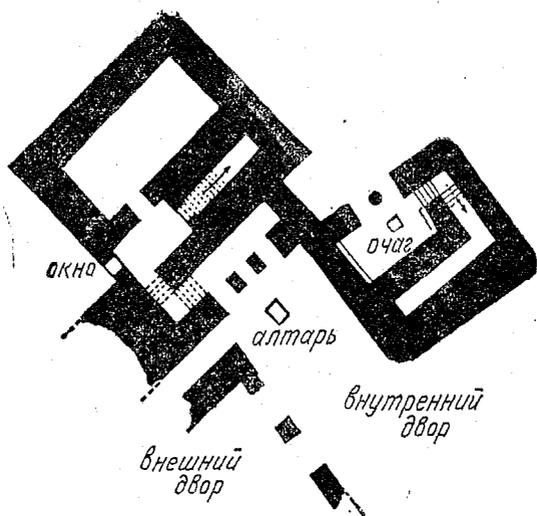

Рис. 18. План храма слоя III

единой двери, конечно, не дает представления о связи между комнатами и их назначении; можно определить местоположение лестницы и предположить, где находились открытые дворы или световые колодцы. Удалось определить характер только трех комнат в южном углу здания, так как здесь не было кирпичного заполнения, служившего для поднятия уровня пола, и все пространство было уставлено огромными терракотовыми кувшинами, врытыми в землю почти до венчиков: это были подвалы, где хранилась провизия для гарнизона, и хотя ими пользовались в период слоя II, сами помещения и даже кувшины, которые, будучи зарытыми в землю, могут сохраняться сколь угодно долго, по-видимому, относятся к слою III.

Многочисленные свидетельства подтверждают наше предположение о том, что здание было крепостью, относящейся к периоду слоя III. Это было одно из двух главных общественных сооружений, которые определяли характер этого слоя.

Другим сооружением был храм (рис. 18). Храм слоя IV снесли, остатки стен использовали в качестве фундамента для нового сооружения, однако внутренняя планировка была иной, хотя новый храм находился точно на месте старого и внешние его стены повторяли линии

старых стен. Как в крепости, так и в храме нижняя часть была заполнена кирпичом на 7,5 фута; в храм можно было войти лишь по внешней лестнице. Внутри храм был разделен поперечной стеной на две неравные части; сзади (т. е. на северо-западе) — широкая комната, а в переднем помещении — сплошная кирпичная кладка в южном углу и затем узкий проход. Все стены очень толстые, что говорит о том, что здание было достаточно высоким. Перед зданием (т. е. у юго-восточной стены) имелся портик с очень широким центральным входом, разделенным двумя кирпичными колоннами, образовавшими тройной вход; перед средним входом во дворе, покрытом прекрасным белым цементом, стоял кирпичный алтарь.

Цементный пол очень помог нам воссоздать облик сооружения, так как он шел под портиком вплоть до фронтальной стены храма и до ниши в северо-восточном конце портика (но не до ниши в юго-западном конце); он резко обрывался на линии юго-западного косяка тройного входа, где вместо пола мы нашли только сложенный булыжник. Здесь находилась лестница, ведущая в храм. Она начиналась в юго-западном конце портика, затем поворачивала направо через проход в стене храма и при принятом в Алалахе уклоне лестничного марша должна была выходить точно на уровень храмового пола. За входом имелось маленькое помещение с дверью, ведущей в заднюю комнату; длинный и узкий «проход» справа от прихожей был второй лестницей, по которой можно было подняться в верхнее помещение. Без сомнения, храм имел вид двухэтажной башни, и настоящее святилище находилось на втором этаже.

Передний двор, где помещался алтарь, с одной стороны ограничивался портиком, или колоннадой, позади которой, по-видимому, находился внешний двор. Его юго-восточную границу мы не обнаружили, так как она была полностью разрушена, но в северо-восточной части имелось второе святилище, похожее на первое, но ориентированное в противоположном направлении. Вход помещался в северо-западной стене, где широкий проем со столбом посередине вел в вымощенную комнату, в центре которой стоял выложенный из кирпича очаг, слева была лестница, которая, заворачивая направо и еще раз направо вдоль задней стены сооружения, вела в верхнюю комнату. И в этом случае главная комната

помещалась наверху, а нижняя служила для совершения каких-нибудь менее важных обрядов.

Достаточно близкую аналогию такому храмовому зданию мы встречаем в Каркемише, хотя она, вероятно, относится к значительно более позднему времени, но следует той же традиции; портик с колоннадой, трехпроемный вход, единственная комната на цокольном этаже, а позади нее лестница, ведущая на второй этаж. Такое сходство указывает на то, что это типично хеттское сооружение «хилани», которое понравилось ассирийцам; «хилани» — культовое здание, где верхнее помещение предназначено специально для царя; возможно, здесь он сам совершал жертвоприношения. Выше я высказал предположение, что храм в нашем слое XII мог быть прототипом «хилани», но, обнаружив его в слое III, мы вряд ли ошибемся, если скажем: его появление объясняется тем, что к этому моменту хетты освоили этот тип как свой собственный.

Этот вывод подтверждает табличка, найденная на территории храма. В действительности она была найдена в фундаменте храма слоя I, и это означает только то, что она относится к более раннему периоду, чем этот храм. Табличка обожжена и отмечена следами огня, а так как храм слоя II не был разрушен пожаром, а храм слоя III был, мы с уверенностью можем отнести ее к слою III. Табличка интересна не столько содержанием, сколько тем, что она хеттского типа, и нигде, кроме хеттской столицы Богазкёй, прежде таких табличек не встречали. Примечателен уже тот факт, что она была найдена в таком лежащем за пределами хеттского государства месте, как Алалах.

В слое III мы впервые обнаружили буллы, хеттские печати в форме сплюснутого шарика с иероглифами на обеих сторонах; это были личные печати чиновников-хеттов, живших в Алалахе. Обнаруженные таблички указывают на изменения в расовой принадлежности¹ по крайней мере высшей части общества; появляются новые типы имен, названия социальных групп даются на иных языках; более того, в ряде документов, относящихся к торговле зерном, впервые в Алалахе употребляются вавилонские и ассирийские названия месяцев; меры сыпучих тел, длины, жидкости и другие меры также от-

¹ Так как автор не обращается к антропологическому материалу, вероятно, уместнее говорить об изменениях в этническом составе высшего слоя общества. — *Примеч. ред.*

личаются от тех, которыми пользовались в период слоя IV.

Археологические факты могут быть переведены в плоскость политической истории.

Алалах сдался Суппилулиумасу. Не в его характере было разрушать ради разрушения, как поступали ассирийские завоеватели, но он, очевидно, был серьезно озабочен попыткой Акит-Тешупа оказать ему сопротивление и расценил ее как предостережение впредь не доверять преданности жителей Мукиша. Обратил ли он свой гнев против царя Такувы, подозревая его в двойной игре, мы не знаем, но он вряд ли оставил царя на троне, и похоже, что вся царская семья попала в немилость, так как цитадель Алалаха вместе с царским дворцом, который являлся ее частью, была сожжена. Так как ни храм, ни частные дома горожан в огне не пострадали, видимо, это было сделано сознательно. Затем Суппилулиумас построил гигантскую крепость (где, вероятно, также жил и наместник), которая царила над городом. Он перестроил городской храм, придав ему хеттский характер, и для его жрецов послал из своей столицы Богазкёя специальные таблички, очевидно намереваясь сделать Алалах центром хеттской религии в Сирии. Он направил для управления городом хеттских чиновников и следил, чтобы управление велось так же, как в его столице. Мы знаем, что Суппилулиумас сделал своего сына царем Алеппо, но неизвестно, был ли Мукиш включен в это царство, что очень вероятно, — в таком случае страна находилась непосредственно под властью царского сына; если же нет, здесь должен был быть хеттский губернатор, ответственный или перед Алеппо, или перед Богазкёем; под управлением этого губернатора должны были находиться хеттские чиновники.

Алалах потерял независимость; но очевидным свидетельствам присутствия чужеземной администрации, связанной городу, противостоят любопытные археологические факты. Кроме импортных предметов, таких, как печати, которыми могли пользоваться только чужеземные чиновники, и письменных документов, авторами которых являлись те же чиновники, нет никаких признаков изменений в жизни и обычаях горожан. Наиболее отличительная особенность этого периода — наличие расписной нузийской керамики, которая стала входить в моду к концу слоя IV и теперь стала основной «парадной посудой» в каждом частном доме. Эта керамика,

как мы видели, пришла в Алалах из Митанни; это символ митаннийского владычества. Теперь такие же изделия изготавливались местными мастерами, но трудно допустить, что происхождение этой керамики было забыто. Поразительная популярность этих изделий в хеттский период выглядит не чем иным, как бравадой перед лицом завоевателей, показывающей подлинные симпатии жителей... Одновременно с нузийской керамикой продолжает существовать и «белая» посуда, столь распространенная на Кипре. Это не были изделия местного производства, они доставлялись откуда-то с севера, но с хеттами не имели ничего общего; по распространенности они теперь значительно уступали нузийской керамике. Мы обнаружили несколько фрагментов местной крашеной керамики; они говорят о попытке возродить старинные гончарные традиции, которые были столь сильны тысячу лет назад. Ничто не указывает на кардинальные перемены в гражданской жизни государства; и если свидетельства перемен столь скудны — а так оно и есть, — то это потому, что период утраты независимости был чрезвычайно коротким. Храм и крепость — выдающиеся памятники, но других, имеющих свой особый облик сооружений очень мало. Частные дома в основном были построены еще в период слоя IV и поддерживались с тех пор, а если они были построены в период слоя III, то также продолжали использоваться и в последующую эпоху. Остатки строений убедили нас в том, что слой III соотносится лишь с небольшим отрезком времени; убедительным доказательством этого послужило присутствие в слое II привозной керамики, которую можно отнести к середине XIV в. до н. э. Слой III, таким образом, можно датировать временем между 1370 и приблизительно 1350 гг. до н. э.

Основанная на чисто археологических свидетельствах датировка хорошо согласуется с известными нам историческими событиями того времени. В 1347 г. до н. э. (или около этого времени) умер великий царь Суппилулиумас. Наследовавший ему сын умер через несколько недель, и другой сын, Мурсилис II, занял трон. Вновь присоединенные к Хеттской империи провинции немедленно восстали, и потребовалось семь лет отчаянной борьбы, чтобы вынудить Северную Сирию подчиниться. Каркемиш и Алеппо были вовлечены в мятеж, несмотря на то что обоими царствами управляли сыновья велико-

го царя. Примеру Алеппо, безусловно, должен был последовать Алалах. Непопулярность режима, проявившаяся в широком распространении керамики Нузи, раскрывается в полной мере; результатом восстания народа против чужеземцев можно считать и пожар храма слоя III, памятника победы хеттов.

Мятеж в конце концов был подавлен. Мурсилис II подчиняет Алеппо и в качестве правителя назначает своего племянника; тогда же должен был пасть и Алалах. Вероятно, он сдался, как только хетты подавили сопротивление его более сильного соседа; в жилых кварталах города нет никаких признаков разрушения, которые имелись бы в случае открытого сопротивления.

Война за независимость была недолгой, и прежний режим был восстановлен; для простых горожан это было немногим больше чем смена одного правительства другим, и повседневная жизнь потекла так же, как и прежде. Судя по тому, что мы обнаружили в слое II, новое правление было относительно мягким и мало вторгалось в частную жизнь своих подданных.

Новый храм был возведен на месте старого храма слоя III, но в нем не было ничего хеттского; одноэтажное здание было больше похоже на те, что стояли здесь в старые времена независимости. В период владычества хеттов святилище и двор оставались на прежнем уровне — временной отрезок был слишком невелик, чтобы успели образоваться заметные отложения, — но портик теперь стал частью здания; его перегородили стеной и подняли до уровня высокого пола святилища, а вместо внутренней лестницы появился марш ступеней в толще новой передней стены с широким входом, ведущим в узкую прихожую². Напротив лестницы был вход с колонной посередине (она отсутствовала, но след от нее имелся на каменных плитах порога), который вел в переднюю, на ее месте прежде была лестница хеттского храма. В задней стене этого помещения были два входа в две комнаты, соответствовавшие прежнему святилищу (рис. 19).

Это, по-видимому, свидетельствует об изменениях в культе: храм теперь был посвящен двум богам, а не од-

² Возможно, что отсюда лестница с правой стороны вела на плоскую крышу передней; аналогии этому имеются в древних храмах, но следов такой лестницы мы не обнаружили.

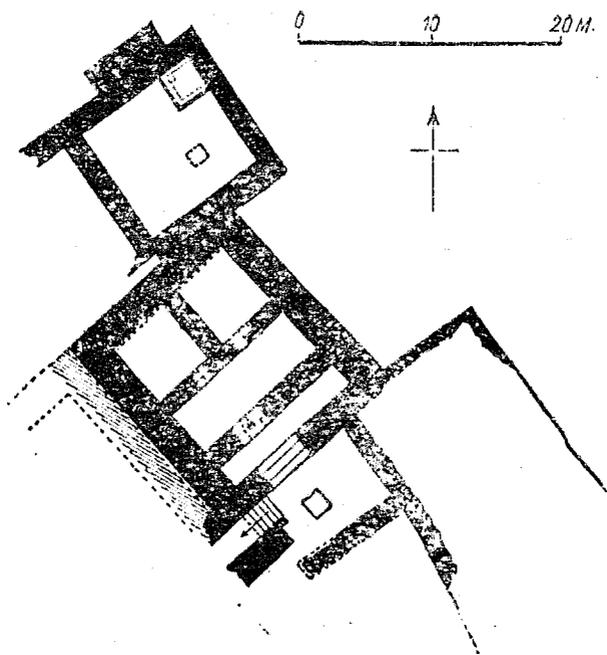

Рис. 19. План храма слоя II

ному. Перед храмом алтарь был восстановлен почти на том же самом месте, но размеры переднего двора резко сократились, новая стена перегородила его в юго-восточной части. Что было сделано со вторым святилищем периода слоя III, которое прежде замыкало двор с северо-востока, мы не знаем, так как то, что здесь существовало, оказалось полностью смыто. В период слоя I на этом месте была храмовая пристройка, вероятно, что-нибудь подобное имелось и прежде; возможно, здесь, как и впоследствии, хранилась статуя царя Идри-ми, пощажённая хеттскими завоевателями или спрятанная от них; при мягком правлении периода слоя II эта статуя могла оставаться предметом почитания благочестивых горожан. Определённо имелась пристройка и к северо-западной части храма; появилась она позднее и была как-то неуклюже прилепнута к углу здания, для чего была даже разобрана его кирпичная кладка, чтобы освободить достаточное пространство.

От пристройки мало что осталось, чтобы можно было судить о ее назначении, но это явно было культовое строение; в северном углу мы обнаружили следы шкафа (остались лишь плинтусы его стен), в котором хранились предметы храмовой сокровищницы. Один из них — фигурка богини из ляпис-лазури, украшенная золотом, чисто месопотамская по типу и по характеру исполнения; затем — прекрасная ваза из голубой пасты, имитация ляпис-лазури, с ручкой в форме лежащего льва; фрагменты сосудов из разноцветного, так называемого финкийского стекла изумительного качества; человеческая фигура, вырезанная из кости, инкрустация из кости — голова, крылья и хвост — на деревянной корбочке для притираний в форме утки; человеческая голова из глазурованной фритты и т. д. Моим первым и естественным побуждением было считать эти предметы образцами искусства того времени, но они совсем не обязательно являлись таковыми в действительности. Фрагмент голубого пастового сосуда с ручкой в форме лежащего льва — пара к вазе, обнаруженной в шкафу, — был найден нами в слое VI и может быть определенно отнесен к тому периоду. Трудно поверить, что 400 лет спустя мастер создал вазу из того же материала и такого же типа; более вероятно, что последняя тоже была сделана в период слоя VI и четыре столетия сохранилась в сокровищнице храма.

Нас не удивляет, когда среди сокровищ современных соборов мы видим предметы, хранящиеся в их стенах 500 лет и более; в этом отношении человеческая природа не меняется. В урском храме конца позднеавилонского периода статуя богини была украшена ожерельем, часть бусин которого относилась ко времени Саргонидов (отстоявшего от позднеавилонского периода на пятнадцать веков). Это, конечно, случай экстраординарный, но подобная практика была столь распространена, что принадлежность предметов, обнаруженных в храме, к тому же времени, что и храм, почти всегда может быть поставлена под сомнение. Содержимое подобной сокровищницы вовсе не обязательно характеризует искусство и ремесло того времени, к которому относится храм, но чем дальше такие предметы отстоят по времени, тем они интереснее, так как показывают, насколько долго сохраняются культовые традиции и религиозные верования, побуждающие хранить votивные приношения,

Этот консерватизм сохранил для нас кое-что из архитектурных украшений храма слоя II. Обычно раскапываемые руины не дают возможности судить о внутреннем убранстве зданий. Мы обнаруживаем только фундамент или в лучшем случае остатки стен, и кладка из сырцового кирпича производит весьма убогое впечатление. Но следует помнить, что сырцовая кладка была лишь конструктивной основой, которая несла все украшения, имевшиеся в здании. Настоящая поверхность стен могла быть покрыта фресками (чему есть подтверждение во дворце Ярим-Лима) или панелями из кедра; естественно, они погибли. Но имелись и другие виды украшений, которые снимались и поэтому могли быть унесены завоевателями, если город и храм подверглись нападению врагов, или благочестиво перенесены в новое здание, которому предстояло заменить прежнее. Храм слоя I в последний период существования был украшен базальтовыми скульптурами львов, все они были уже повреждены, но, несмотря на это, их сочли нужным ввести в интерьер; поскольку обломок одной из них был найден в фундаменте храма начальной (А) фазы слоя I, очевидно, эти львы относились по крайней мере ко времени слоя II, а может быть, и к еще более раннему времени (в таком случае они должны были стоять уже в храме слоя II). Все львы вырезаны на краугольных камнях; они стояли по углам кладки. Тела животных переданы низким рельефом на поверхности камня со стороны боковых стен, тогда как выступавшие из фронтальной стены голова и передние лапы вырезаны в круглой скульптуре. Вероятно, наши львы служили краугольными камнями для косяков входных проемов — охраняли храм, — и фасад храма мог быть украшен рельефами на камне, подобными плите Тутхалияса, о которой я скажу ниже, когда речь пойдет о храме слоя I.

Даже с учетом того немногого, что удалось реконструировать, наши голые руины преобразуются и дают некоторое представление о великолепии сооружения. Но базальтовые львы важны и как памятники истории искусства. В сиро-хеттский период подобные львы при входах настолько широко распространены, что могут считаться отличительным признаком искусства Северной Сирии; большинство их следует отнести ко времени между X и VII вв. до н. э., и только один, сильно поврежденный экземпляр из южных ворот Каркемиша мо-

жет быть отнесен к более раннему времени³. Теперь впервые перед нами серия скульптурных изображений львов, созданных не позже XIV в. до н. э., и интересно проследить, как они различаются по стилю. Каких-либо застывших канонов изображения еще не сложилось, художники все еще экспериментируют, и, хотя назначение всех скульптур одно и то же, животные индивидуализированы, каждое в своем роде. Атчанские львы — предтечи всех сиро-хеттских львов. Можно развить эту мысль дальше и сказать, что гигантские львы и быки с чело-вечьими головами, охранявшие дворец ассирийских царей, — порождения сирийской художественной школы, начало которой мы видим в храмовой скульптуре слоя II в Алалахе.

Как уже было отмечено, мощная крепость, возведенная хеттами в период слоя III, продолжала использоваться по назначению и в следующий период слоя II. Этого следовало ожидать. Массивные стены сооружения Суппилулиумаса не могли обветшать за короткий период времени, связанный со слоем III, и, безусловно, служили следующему поколению. Мы обнаружили следы значительных внутренних переделок, произведенных в период слоя II, что естественно, так как все-таки прошло столетие, но, кроме подвалов с гигантскими хумами, ничего не указывало нам на характер и назначение комнат и не несло какой-либо детальной исторической информации; мы лишь знаем, что крепость, вероятно вместе с официальной резиденцией правителя, или царя, внутри нее, по-прежнему выполняла свое назначение.

В то же время городские стены были полностью перестроены. Когда в 1937 г. мы вели раскопки частных домов в верхних слоях, мы наткнулись на внутреннюю сторону городской стены слоя II и, проследив ее на расстояние около 150 футов, прорезали ее, а также разрезали крутой склон края холма, спускавшегося на равнину. Так как этот склон был открыт воздействию непогоды, он сильно пострадал за три тысячи лет, и значительная часть защитных укреплений осыпалась и исчезла, но и того, что осталось, было достаточно, чтобы судить о характере этих укреплений.

Защитные сооружения слоя III представляли собой двойную стену из сырцового кирпича, поднимавшуюся

³ Это мое мнение, не все авторитеты с ним согласны.

от края крутого гласиса, земляной насыпи, облицованной глиной прочного состава. Жители слоя II разрушили эту стену (осталось лишь около пяти слоев кладки фундамента ниже уровня нового города), свалив битый кирпич на поверхность старого гласиса, чтобы расширить площадку для нового строительства. Должно быть, они облицовали этот слой битых обломков глиной или кирпичом — второе более вероятно, но от облицовки не осталось и следа, и мы обнаружили лишь грубую основу и могли только догадываться, как она была завершена. На этом широком валу они построили не одну, а три параллельные стены. Первая внутренняя стена из сырцового кирпича 15,5 фута толщиной покоилась на срезанном вершине стены слоя III. Мощенная булыжником, скрепленным глиной, мостовая шириной 4,5 фута отделяла внутреннюю стену от второй стены толщиной около 10 футов. Внутренняя часть этой стены покоилась прямо на поверхности старого вала, но так как это было ненадежное основание, строители прорыли траншею под тем местом, где предполагалась внешняя часть стены, и заполнили ее прочной глиной, поверх которой уже возводили кирпичную кладку. Эта стена оказалась настолько пострадавшей, что мы обнаружили *in situ* лишь два кирпича, лежавших у края облицованного прохода. На расстоянии четырех футов от внешней стороны этой стены (как показал глиняный фундамент) шла вторая заполненная глиной траншея, которая не могла быть не чем иным, как фундаментом третьей стены, но так как большая часть траншеи была разрушена дождями, у нас не было возможности определить ее размеры. Но, несмотря на это, мы можем сказать, что городские оборонительные сооружения слоя II были сложнее, чем прежние; вал с его крутым гласисом — старое изобретение, но тройные стены общей толщиной более 40 футов никогда не возводились.

Расположение стен по отношению к частным домам с очевидностью свидетельствует, что эта громадная фортификационная работа была начата в ранний период слоя II, если не с самого его начала. Трудно объяснить, почему она была предпринята. Стена слоя III предположительно возведена Суппилулиумасом в то же время, что и огромная крепость, и, если восстание против хеттов, которое знаменует переход к слою II, кончилось, как говорят наши данные, сдачей города, а не взятием его штурмом, стена Суппилулиумаса должна была уде-

леть и служить горожанам. Возможно, правитель, посаженный Мурсилисом, не доверяя покорности Северной Сирии, решил обратиться Алалах в оплот против новых крупных восстаний. Если это было так, то он рассудил здраво, ибо дух мятежа не угас; но мы ничего не знаем о каких-либо значительных политических взрывах, относящихся к тому времени, которые оправдывали бы столь тщательное и быстрое укрепление стен города.

Время, очевидно, было столь же спокойно, сколь и благополучно. Частные дома, которые мы раскопали (следует признать, что они были расположены в лучшем жилом квартале), были достаточно просторны и построены с тщательностью; в центре обычно находился открытый двор с выходящими в него комнатами, а толщина стен и наличие лестниц указывают на то, что по крайней мере часть здания имела два этажа. Одни из домов примечателен тем, что по сторонам фронтального входа стояли большие полуколонны из кирпича. Туалеты с цементными полами и кухни с печами и очагами обычно легко определяются, чего нельзя сказать о характере других комнат; сильно разрушенные стены, как правило, поднимались не выше чем на фут над уровнем пола и часто прослеживались только по фундаменту.

Замечна такая перемена: обычай хоронить мертвых на территории дома и двора становится более распространенным; могилы помещаются под полами комнат (похоже, что выбор комнат произвольный), а иногда в открытом дворе позади дома. Такие дворы имелись, конечно, не у каждого дома, но все же достаточно часто. Кажется, что иногда их единственное назначение состояло в том, чтобы служить местом для мусорных ям, которых было в этот период так же много, как и во всякий другой. Мне уже несколько раз приходилось говорить о «мусорных ямах»: это наиболее удобный термин, но не самый точный. Часто эти ямы глубиной до 15—20 футов были хранилищами ненужных вещей, как, например, ямы возле храма слоя V, где мы обнаружили вышедшие из употребления вотивные предметы из святилища; иногда же это были настоящие сточные ямы, хотя в них и обнаружено некоторое количество битой керамики, но попадала она туда чисто случайно. Сточные ямы чаще всего оказывались возле домов, расположенных в середине города; из строений же, стоявших возле городской

стены, отходы по трубе отводились за городской вал. Наличие двух-трех ям (и того и другого назначения) на заднем дворе дома не мешало жителям хоронить здесь своих близких; похоже, что обряд захоронения не сопровождался какими-нибудь особыми церемониями. Могилы и мусорные ямы с их содержимым (керамика и т. д.) были особенно ценны для нас, так как редко можно было обнаружить целый сосуд в домах, столь сильно пострадавших, как те, что мы раскапывали в слое II; здесь мы находили неповрежденные экземпляры, а бесчисленные битые черепки в домах давали надежные свидетельства для датировки сосудов.

«Белая» керамика, столь распространенная в слое IV, теперь вышла из моды — нет ни одного фрагмента, который можно было без колебаний отнести к периоду слоя II, хотя, вероятно, один-два и относились к нему. Ее вытеснила расписная нузийская керамика, но пользовались ею уже не в пику чужеземной власти, как это было прежде; теперь эти керамические изделия стали обычными предметами роскоши, изготавливаемыми местными гончарами; характерная форма сосудов не имела ничего общего с хурритскими или митанийскими прототипами. Я говорил выше, как это действительно привлекательная расписная керамика появилась на Востоке и с легкой руки царей Митанни ввозилась или производилась во всех странах, куда простиралось влияние Митанни — от Нузи, к востоку от Тигра, до Алалаха, вблизи средиземноморского берега. На всем этом огромном пространстве широко использовались вазы одной и той же формы, расписанные одинаковым рисунком; это был столь унифицированный стиль, что, мне кажется, трудно определить на основании анализа самих сосудов, где данный образец был найден и сделан ли он в Нузи, или на р. Хабур, или в низовье Оронта.

Но в слое II Алалаха мы нашли ряд сосудов той же формы и сделанных так же, как и обычные сосуды Нузи, но рисунок их не с Востока, а явно заимствован на Крите. Декор всегда один и тот же с небольшими модификациями и поразительно похож на тот, который мы видим на вазах «дворцового» стиля из Кносса, но сложность состоит в том, что последние старше алалахских ваз лет на 150. Если алалахские гончары пользовались критскими образцами, то как объяснить такой временной разрыв — ведь ни с той ни с другой стороны нет

связующего звена, а мы знаем, что на Крите эти изделия полностью исчезли после 1400 г. до н. э.; сходство между всеми алалахскими образцами указывает на происхождение их от одного оригинала. Я убежден, что прекрасная критская ваза хранилась в Алалахе, возможно в храмовой сокровищнице или в частной коллекции, пока в период слоя II ее не увидел гончар и, пораженный необыкновенным рисунком, не перенес его на свои собственные сосуды, веря, что существовавшее тогда увлечение эгейским искусством повысит на них спрос на рынке. И он был прав: единственный образец стал производиться «массовым» тиражом; ни один уважающий себя житель Алалаха не мог обойтись без такого сосуда, а в богатых домах мы находили целые наборы посуды, которую, поскольку стиль ее был необычен для равнины Амур, мы назвали «атчанской».

Популярность эгейского искусства подтверждается тем фактом, что начинают импортироваться микенские вазы. В Алалахе не было колонии микенских купцов, подобной той, которая в это время существовала в расположенном южнее Угарите, но Угарит был портовый город, тогда как Алалах значительно удален от моря. Весьма вероятно, такая колония существовала в Эль-Мине, портовом городе Алалаха, через который мог идти эгейский импорт. Во внутренние районы греческие торговцы не попадали: как только товар, доставленный ими, сгружался на землю, доставку его в глубь материка брали на себя азиатские посредники. Алалах отнюдь не был центром эгейской торговли, но он ценил ее и извлекал известную прибыль от посреднической торговли товарами из Месопотамии и из столь отдаленных мест, как окрестности оз. Ван на Кавказе. Эти товары через Мину экспортировались в греческий мир. Микенские вазы оставались предметом роскоши; лучшая из тех, что мы обнаружили,—кратер с двумя ручками, с нарисованной на нем колесницей (по-видимому, с Кипра),—хранилась в храмовой сокровищнице. Конечно, одной только микенской торговлей не объяснить стиль «Атчана», так как он идет от более раннего критского искусства, разрушенного микенцами. Эта торговля лишь возродила заморские связи, существовавшие прежде и прерванные после завоевания Кносса микенцами. Я уже указывал на сходство архитектуры и фресок Алалаха в период слоя VII и Крита; случайное открытие в слое II делает связь еще более очевидной.

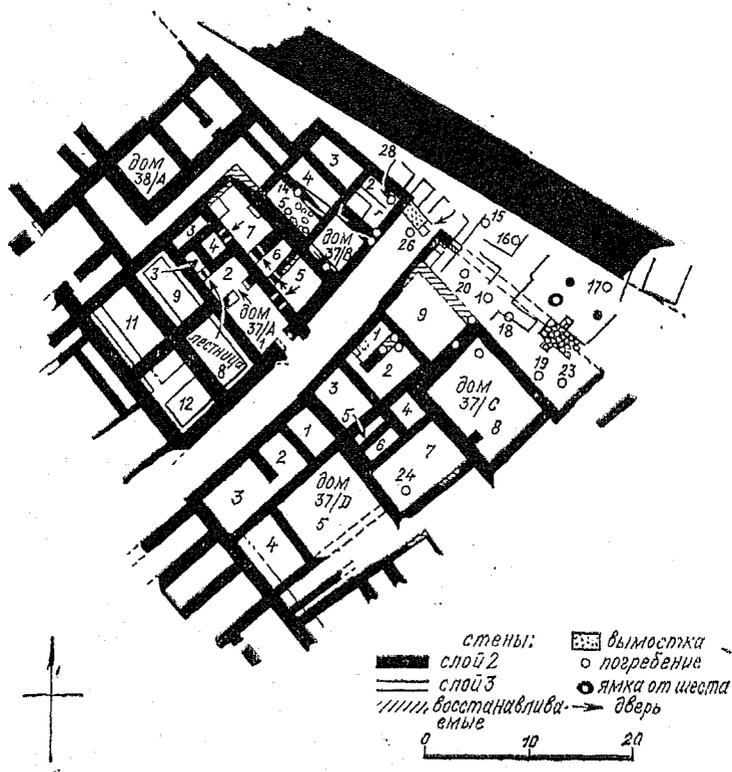

Рис. 20. План частных домов слоя II

Рядом с одним из домов слоя II (дом 37С), в котором обнаружено много керамики (рис. 20), в том числе в стиле «Атчана», имелась мусорная яма, современная строению, что доказывалось найденным в ней осколком вазы «Атчана», который точно подходил к фрагменту из дома; на дне ямы нашли каменную лампу в критском «дворцовом» стиле. Это капитель, или сосуд на колоние-светильнике, вырезанная из превосходного красного мрамора; сосуд разделен на 12 маленьких отделений, соединенных друг с другом и с несколько большим центральным отделением и служащих для 12 фитилей; внутренние стенки отделений, так же как и рисунок рельефа на внешней стороне лампы, сходны с характерным для Крита декором; форма лампы в целом имеет точное по-

добие в Кноссе, где похожая лампа сделана из того же материала. Первое, что, естественно, приходит в голову при виде этих ламп, это предположение о прямом импорте с Крита. Но против говорит тот факт, что красный мрамор нашей лампы, как и нескольких других из Кноссы, находят не на Крите, а в Малой Азии (так называемый лидийский мрамор); более того, на нашей лампе резьба по камню закончена не полностью, и кажется маловероятным, чтобы самый замечательный из известных нам образцов ламп критский скульптор не потрудился закончить, прежде чем отправлять за море на продажу. Весьма вероятно, что лампы, которые мы называем критскими, на самом деле в некоторых случаях импортировались из Азии и стиль их родился на Азиатском материке. В любом случае здесь мы имеем образец типично критского искусства, который, по всем аналогиям, должен быть отнесен ко времени ранее 1400 г. до н. э., но хранился в Алалахе до тех пор, пока, сильно поврежденный, не был выброшен на свалку в период между 1350 и 1275 гг. до н. э., скорее ближе к концу этого периода, чем к началу. И тогда совсем не фантастично предположение о том, что расписная глиняная ваза просуществовала столь же долго и послужила моделью для гончара из Алалаха.

Не без основания я столь подробно говорил о керамике «Атчана». Когда были обнаружены ее первые образцы, критское происхождение орнамента было признано всеми, включая сэра Артура Эванса, который опубликовал их в «*Journal of Hellenic Studies*» (1935), и так как датировка слоя II еще не была известна, никаких хронологических трудностей не возникло, и атчанские копии сочли более или менее современными кносским оригиналам. Когда же дата слоя II была установлена и обнаружился большой временной разрыв, мы оказались перед лицом одной из тех проблем, с которыми время от времени сталкиваются археологи, когда факты, по всей видимости несовместимые, должны быть объяснены; решение должно всегда основываться на гипотезе, которая может и не всеми приниматься, но которая, даже оставаясь недоказуемой, не слишком невероятна. Керамика в стиле «Атчана» — хороший пример такого случая в археологии.

Любопытно распределение обломков керамики Нузи и «Атчана» в домах состоятельных горожан; в доме 37/A мы нашли их много в прихожей и ни одного в дру-

гих помещениях; в доме 37/С — несколько горшков в комнате № 2 и большое количество в прихожей (комната № 1) — все в центре комнаты перед дверью на улицу; большая часть из найденных во всем районе лежала на улице перед домами А и С или между дверями этих домов. Именно на этом участке улицы и в комнатах № 1 и № 2 дома 37/С мы нашли несколько бронзовых наконечников стрел и глиняных шариков для пращи; узкая, типа кладовки, комната (№ 5) в доме 37/С была полна камней для баллисты и шариков для пращи — обычное оружие; на стенах домов видны были следы пожара. Ясно, что в этой части города произошло сражение и дома здесь грабили и жгли, и вряд ли случайно, что посуда Нузи и «Атчана» была собрана в кучи и разбита в основном на улице во время грабежа. Далее следует отметить, что храм слоя II не пострадал от пожара, но керамики Нузи и «Атчана» в слое I не обнаружено. В предварительном отчете об этом сезоне работы я высказал предположение, что здесь имело место выступление против непопулярных и, возможно, стоящих у власти обитателей этого квартала богачей, скопивших у себя роскошные керамические изделия, которые исчезли вместе с их владельцами.

Однако это, вероятно, можно связать с историческим событием, о котором мы узнали теперь, но не знали тогда, когда я писал отчет, и которое позволяет определить *terminus ante quem* для конца слоя II; как я покажу позднее, слой I не мог начаться позже, чем около 1270 г. до н. э.

После длительного мира, в течение которого хетты укрепили свои позиции в Сирии, египетский фараон Рамсес II предпринял попытку возродить колониальную империю XVIII династии. В четвертый год правления он двинулся к северу от Бейрута, где его памятник, высеченный на скале, сохранился до наших дней; в следующем году состоялась грандиозная битва при Кадеше с неясным исходом (около 1289 гг. до н. э.). В этой битве царь Алеппо сражался на стороне хеттов⁴, и, возможно, с ним в союзе выступало небольшое царство Мукиш. Но через четыре или пять лет, когда Рамсес,

⁴ Среди рельефов Рамсесидов, украшающих храм Абу Симбел, разгромленные азиаты представлены переплывающими через Оронт, и царя Алеппо его войны держат вниз головой, чтобы он мог извергнуть воду, которой нахлебался.

укрепившись в Северной Палестине, вторгся в Сирию, Алеппо восстал против хеттов и присоединился к Египту. Мы знаем, что здесь Алеппо был не одинок, и, хотя Мукиш специально не упоминается (клинописный текст неполон), весьма вероятно, что он присоединился к восставшим. Муваталлис, великий царь хеттов, разбил восставших, и Алеппо и его союзники вынуждены были ему подчиниться; это случилось незадолго до 1280 г. до н. э., когда Муваталлис умер. В 1273 г. до н. э. новый царь хеттов Хаттусилис заключил с Рамсесом «договор о мире, братстве, установив мир между ними навечно». Египетский вариант договора ничего не говорит о границе между двумя царствами, но текст из Богазкёя свидетельствует о том, что царь хеттов сохранил контроль над Амором в верховьях Оронта, так что Алалах оставался в глубине хеттской зоны.

Таким образом, после битвы при Кадеше во время войны хеттов и Египта, Мукиш переметнулся от хеттов к египтянам. Мы знаем, что со времен XII династии в Алалахе существовала проегипетская партия; она усилилась, когда Тутмос III посадил Таку на трон Мукиша и Нухашши. Все цари династии Никмепа были, по крайней мере на словах, вассалами фараона. Хотя при хеттах старой царской семье не удалось сохранить власть, нет оснований полагать, что она была уничтожена; более вероятно, что она существовала как часть аристократии города и имела сторонников. Восстание против хеттов, вероятнее всего, возглавлялось этой партией, интересы которой ущемлялись хеттскими правителями. Дома, носившие следы сражения, были большими домами в лучшей части города, как раз такие, какие могли принадлежать местным аристократам. Мне кажется, что картину, открывшуюся при раскопках, можно истолковать так, что старая знать Алалаха в союзе с «националистической» партией Алеппо (где хеттское правление могло быть ослаблено поражением хеттов при Кадеше) вступила в переговоры с Египтом и подняла восстание, которое, безусловно, не пришлось по вкусу большинству горожан. Вскоре бунт был подавлен Муваталлисом, и тогда или хетты, или их сторонники отомстили его руководителям. В таком случае конец слоя II приходится на период между 1285 и 1283 гг. до н. э.

Глава IX

КОНЕЦ АЛАЛАХА.

СЛОЙ I

Когда мы начали раскопки на Атчане, период слоя I по первому впечатлению показался нам убогим и очень недолгим, отражающим окончательный упадок города. Со временем мы, однако, были вынуждены пересмотреть эту точку зрения. В некоторых домах отчетливо прослеживались два строительных горизонта, тогда как другие носили следы ремонта и переделок, что указывает на значительный временной промежуток. Затем мы обнаружили, что храм в начале периода был перестроен, затем еще раз перестраивался по иному плану, пока наконец не пришел в ветхость в период настоящего упадка. Так как свидетельства, по-видимому, недвусмысленно указывают на то, что окончательно Алалах был разрушен в 1194 г. до н. э., то началом этого периода решено было считать ранние годы XIV в. до н. э.

Это подтверждается и привозной керамикой. В течение всего этого периода микенские вазы имели самое широкое распространение — они обнаружены в домах всех сословий и даже в беднейших захоронениях, и то, что нам известно об их периодизации, делает невозможным относить их к концу XIII в. до н. э. Свидетельства из Атчаны вынуждают нас пересмотреть точку зрения, которой придерживались многие археологи-классики, что производство этих ваз прекратилось около 1235 г. до н. э.; ими явно продолжали широко пользоваться в Алалахе вплоть до падения города в 1194 г. до н. э. Но так как эти вазы были не местные, а ввозились, производство их должно было продолжаться практически до этого года. Но некоторые образцы определенно более ранние, и их присутствие в слое I указывает как на *terminus post quem* на начало XIV в. до н. э.

Внезапное и полное исчезновение расписной керамики Нузи и «Атчана», вытесненных микенской, должно было иметь социальное и политическое значение. Не менее примечательно резко увеличившееся количество трупосожжений. Захоронение трупов было абсолютным правилом почти за весь период истории Алалаха. Без полной уверенности можно говорить только об одном случае кремации, относящемся к слою IV (его можно отнести и к слою III), и о двух случаях — в слое II

(или, возможно, III); в этих слоях, однако, захоронения могли подвергнуться разрушению позднее или при новых захоронениях, или при рытье траншей под фундаменты, но значительная часть их все равно должна была бы уцелеть. Что касается слоя I, то могилы начала периода были подвержены тем же опасностям, а естественное оголение поверхности холма в течение последних трех тысяч лет привело к исчезновению большинства захоронений. Могилы с трупосожжениями делались мелкими, чуть ниже уровня пола дома, а дождь, ветер, плуг смели все строения последней фазы и большинство из предшествовавшей. Мы отметили пять более или менее нетронутых трупосожжений, относящихся к слою I, но следы захоронений, лишенных инвентаря, встречались постоянно. Могилы для трупоположения обычно выкапывались намного глубже, но мы обнаружили только три такие нетронутые могилы. Следовательно, в слое I практика кремации, прежде бывшая редким исключением, становится по крайней мере столь же распространенной, как и обычное захоронение. И это изменение тоже имеет социальный смысл.

Общепризнано, что обычай кремации пришел в Сирию из Малой Азии. Но только после великого вторжения в Сирию в 1194 г. до н. э. этот обычай действительно распространился настолько широко, что, например, в Каркемише, где он не был известен ни до, ни после, в «сиро-хеттский» период он становится абсолютным правилом. На Атчане он появляется ранее, сначала — несколько отдельных случаев, но в XIII в. до н. э. распространяется уже широко. Это нужно истолковать так, что в XIV в. до н. э. небольшое число жителей из мест, где придерживались этого обычая, переселились в Мукиш и были в свое время похоронены там согласно обычаям своих предков. В XIII в. до н. э. такое переселение стало массовым, и северяне (мы должны считать их таковыми) составили значительный процент всего населения. Вот о чем свидетельствуют захоронения, но чтобы получить дальнейшую информацию, следует изучить другие данные.

Храм слоя II был разрушен, и на обломках старых стен был положен новый каменный фундамент — тяжелые необработанные блоки весом в среднем полтонны каждый, затем отшлифованные базальтовые плиты и выше — стены из сырцового кирпича и дерева. Размеры здания были прежними, но цокольный план отличал-

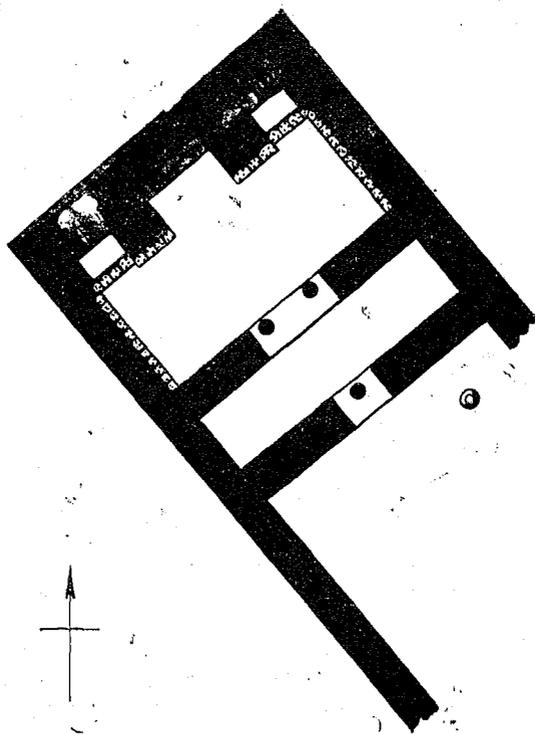

Рис. 21. План храма слоя I (А)

ся от старого (рис. 21). Здание состояло только из двух комнат. С переднего двора, где помещался замечательный по конструкции, выложенный кирпичом колодец, имелся вход в прихожую. Судя по ширине прохода в восемь футов, можно предположить, что в центре стояла колонна. Напротив первого входа был расположен вход в святилище 14,4 фута шириной, разделенный посередине двумя колоннами¹. В задней стене святилища были три ниши: центральная — на одной линии с входом в святилище, открытая, с деревянными панелями; две другие были скрыты базальтовыми плитами, слегка отодвинутыми вглубь от края контрфорсов. Я не знаю, чтобы где-нибудь еще встречались такие скрытые ни-

¹ Возможно, по бокам помещались скульптуры львов, но в этом мы не уверены.

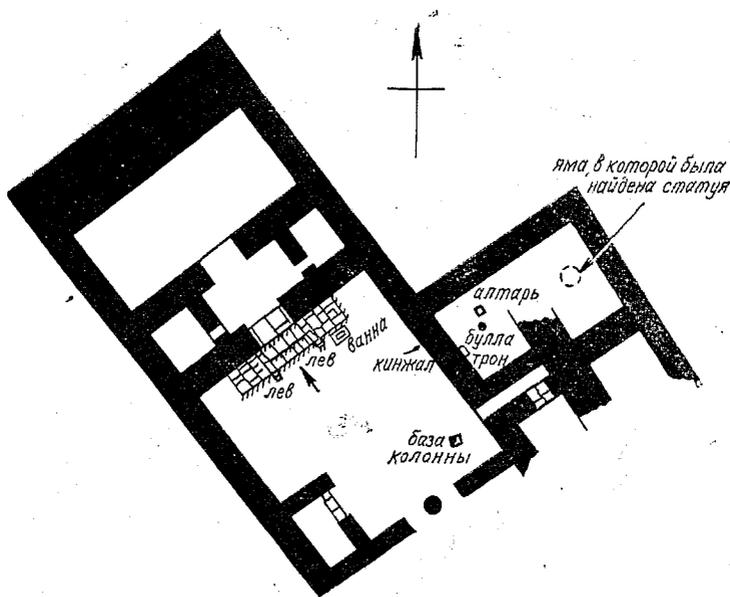

Рис. 22, План храма слоя I (B)

ши, которые, разумеется, мы обнаружили пустыми. Юго-западная ниша была разрушена до пола, а в кирпичной кладке за северо-восточной нишей обнаружен вмурованный бронзовый нож, сосуд из полихромного стекла, алебастровая ваза и немного керамики — все это можно считать закладными дарами при строительстве; мне кажется, что в нишах хранились подношения, принесенные в храм во время постройки.

Этот храм сгорел дотла и вскоре был восстановлен, но уже по другому плану (рис. 22). Уровень святилища подняли таким образом, что отшлифованные базальтовые плиты старых стен оказались погребенными под полом; ниши исчезли, а дверь в святилище была сужена до восьми футов (возможно, в центре имелась колонна). Прихожая была разделена поперечными стенами на три комнаты — маленькую проходную с крошечными комнатками с каждой стороны. Чтобы связать уровень здания с уровнем двора, возле передней стены святилища была выстроена каменная платформа, в центре которой имелись три пологие ступени, по бокам их стояли старые, из храма слоя II, скульптуры львов. Они больше не выполняли свои изначальные функции угло-

вых камней (один, собственно, и не мог делать это — он был лишь фрагментом — голова и передние лапы без тела), а были вмурованы в платформу так, что лишь головы были открыты; теперь они играли чисто декоративную, а не конструктивную роль. Ступени с платформами по обеим сторонам напоминают фасад дворца Никмепа и являются предтечей величественных подступов к дворцу и храму X в. до н. э. в Каркемише. Когда мы сняли каменную кладку ступеней, то обнаружили, что одна из плит, образующих ступени, была рельефом царя Тутхалияса (1250 г. до н. э.); плита была положена рельефом вниз и служила основой для ступеней.

Двор перед святилищем размером 45×42 фута имел с юго-восточной стороны вход с колонной посередине и небольшое помещение в южном углу; на северо-восточной стороне двора помещалось еще одно строение (на месте второго святилища храма слоя III), которое, насколько можно судить по скудным деталям, не было храмом и состояло из ряда комнат, выходящих в узкий коридор. В одной из комнат была вырыта яма, заделанная затем крупными камнями; под ними мы обнаружили фрагменты статуи Идри-ми, собранные и спрятанные в укромном месте. В следующей комнате найден поврежденный трон от статуи Идри-ми, базальтовый алтарь, украшенный лебедиными головами, печать с хеттскими пероглифами, разливательная ложка из слоновьей кости в виде человеческой руки с сосудом и фигурка сидящей богини из известняка с поврежденным лицом. Во дворе, неподалеку от базальтового лотка, вделанного в пол, обнаружен замечательный бронзовый наконечник ритуального копья; основание лезвия копья кольцом охватывают литые фигурки львов; в самом святилище найдено отбитое от базальтового рельефа прекрасно вырезанное человеческое лицо — все эти предметы были разбросаны здесь во время разрушения храма, но они лежали не на первоначальном полу. За время существования храма уровень двора поднялся более чем на фут, так что скрылась не только нижняя ступень лестницы в святилище, но исчезли и лапы львов, видны были только их головы — нижние челюсти едва поднимались над уровнем пола. Фасад храма стал пародией на его изначальный вид, настолько отличаясь от него, что мы назвали эту верхнюю часть слоя «фазой 3», последней степенью упадка.

В комнате возле южного угла двора мы нашли пе-

чать-буллу с иероглифической надписью, к сожалению, неотчетливой, но на печати, найденной в северо-восточной пристройке, имелась надпись, которую можно было прочитать «Па-лу-ва, сын царя, правитель земли»; оттиск этой печати был также найден в слое I. Любопытно сходство бронзового наконечника копья со львами с очертанием фигуры «Бога-кинжала» в серии хеттских рельефов XIII в. до н. э., вырезанных на скале Язылыккая близ Богазкёя. Рельеф Тутхалияса, хеттский царский памятник, изначально находился, должно быть, в раннем храме слоя I. Если мы сопоставим эти находки со свидетельствами иноземного вторжения, о которых шла речь выше, картина станет ясна.

Когда Хаттусилис, великий хеттский царь, в 1273 г. до н. э. заключил мир с Египтом, его, безусловно, побудила к этому опасность со стороны растущей мощи Ассирии, которая под властью Салманасара I угрожала с востока сирийским владениям хеттов. Чтобы сохранить их, требовалось предпринять неотложные меры. Прежде всего была перестроена крепость. Возведенная в начале периода слоя III, сто лет назад, она, возможно, пришла в упадок и, вполне вероятно, пострадала при проегипетском восстании за десять лет до этого; так или иначе, старые стены были разрушены, и на их обломках возведены новые. От них мало что осталось под воздействием непогоды, но каменный фундамент свидетельствует о том, что строение было в основном возведено по старому плану. Крепость, почти несомненно, охранялась регулярными частями хеттской армии, но этого казалось недостаточно. Горький опыт научил, что Алалах не заслуживает доверия, и, хотя проегипетская партия была подавлена и при существовавшем с Египтом договоре не могла рассчитывать на помощь со стороны Египта, все же большая часть горожан северо-сирийского происхождения относилась к анатолийским хеттам без большой симпатии. Поэтому хеттский царь решил, что нужно усилить здесь присутствие хеттов. В качестве правителя, по-видимому, он назначил своего сына Палува, чтобы энергично проводить эту политику и привлечь новых выходцев из Анатолии. Храм, вероятно, построен в период хеттского владычества; наконечник копья, напоминающий рельеф «Бога-кинжала» в Богазкёе, мог означать, что хеттский культ явно был введен в главный храм города, и рельеф Тутхалияса тоже говорит о том, что храм находился под непосредст-

венным покровительством хеттского царя. Все это, а также исчезновение керамики Нузи и «Атчана», которую мы в последний раз видели разбитой на улицах и в домах приверженцев Египта, хорошо согласуется между собой. Первая фаза слоя I, таким образом, представляет собой сознательную попытку хеттов сделать Алалах сторожевой заставой Богазкёя.

«Фаза 2» показывает крушение этой попытки. Еще до смерти Тутхалияса ассирийский царь Тукульти-Нинурта, сын Салманасара, вторгся в Северную Сирию и вскоре с помощью оружия и интриг успешно обратил вассальные государства против своих прежних хозяев. Пожар в храме Алалаха можно было бы расценивать как случайность, но когда мы обнаруживаем, что новое здание возведено по принципу, напоминающему сооружения славного прошлого, а памятник Тутхалиясу, с изображением царя, поруган и служит подножием для ступеней, мы не можем не считать это свидетельством нового восстания против власти хеттов. Сигналом к восстанию могло послужить падение Вавилона, захваченного ассирийцами около 1241 г. до н. э., и к этому времени хетты были слишком обесилены, чтобы удерживать власть: в самом деле, их собственная страна теперь находилась под угрозой вторжения с запада, и около 1200 г. до н. э. царский архив в Богазкёе внезапно обрывается. Хеттскую столицу поглотила первая волна мощного потока лишенных собственных владений пришельцев, которые изменили лицо восточной части Средиземноморского побережья.

Восстание Алалаха оказалось успешным благодаря не силе восставших, а слабости завоевателей и вероятной поддержке Ассирии; но не было ни средств, ни энергии, чтобы воспользоваться плодами своего успеха. Похоже, что единственным следствием этого события была перестройка храма. Город все еще сохранял известное благополучие. Частные дома слоя I достаточно вместительны, и, хотя лучшие из них построены в фазе I, они продолжали служить и содержались в хорошем состоянии и в последующее время; преобладание микенской керамики указывает на процветание торговли с другими странами. Существовали и местные ремесла. В обнаруженной в углу одного из домов возле городской стены ювелирной мастерской оказалось несколько тяжелых золотых слитков, некоторые со следами отрезанного металла, а также маленькие золотые сережки. Но

жалкое состояние, в котором находился храм,— достаточное свидетельство общего упадка, из которого не мог вывести и приток северян: первоначально мы ошибочно сочли, что весь период слоя I характеризуется упадком, но затем поняли, что правильнее отнести его к заключительной фазе. Ибо это был конец. Мощное движение «народов моря», которое смело Богазкёй, было устремлено на юг и Сирию, основное войско двигалось по суше в сопровождении женщин и детей в тяжелых двухколесных повозках, запряженных быками; суда сопровождали их вдоль сирийского берега. Один за другим опустошались покоренные ими города, и уцелевшие жители присоединялись к обозу захватчиков. Был взят Каркемиш, Алеппо, в Алалахе обгоревшие руины верхних домов показывают, что он разделил участь своих более сильных соседей. Это был 1194 г. до н. э.²

Полное разрушение города подтверждается эпизодом со статуей Идри-ми; человек, который с риском для жизни собрал куски разбитой статуи и спрятал их под полом храма, никогда не вернулся за ними. Приблизительно лет через 50 была предпринята попытка заселить заброшенное место, но к этому времени битый кирпич разрушенных стен покрыл все содержимое храма, и он был забыт. Поверх руин были положены тяжелые камни для какого-то сооружения, которое, вероятно, никогда не было построено; возле старой цитадели мы обнаружили несколько участков, замощенных булыжником непонятно с какой целью. Единственное кремационное захоронение, в котором был найден скарабей Рамсеса VI, могло, таким образом, относиться ко времени после 1140 г. до н. э., но других следов того, что Алалах оставался обитаемым и после разрушения 1194 г. до н. э., нет. Если бы здесь существовало сколько-нибудь значительное поселение в течение определенного периода времени, какие-то следы его, безусловно, были бы обнаружены. Строения могли исчезнуть, но в почве были бы хоть какие-то остатки керамики, черепки которой должны были сохраниться; однако ничего подобного здесь не было. При серьезной попытке создать поселение Алалаху предпочли отстоявший на три четверти мили холм Тайянат. История Алалаха действительно кончилась с вторжением «народов моря».

² Пятый год правления фараона Рамсеса III. История разгрома «народов моря» на границе с Египтом изображается в рельефах и надписях большого храма Рамсеса в Мединет Хабу, напротив Фив (Луксор).

Глава X

ПОРТ АЛАЛАХА; ПОСИДЕИ И ГРЕЧЕСКИЙ МИР

Безусловно, падение Алалаха повлекло за собой упадок и его гавани, но хотя город больше не возродился, местоположение гавани было слишком удобным, чтобы она оставалась в запустении; гавань была перестроена и просуществовала еще 700 лет. Поэтому для продолжения нашей истории следует обратиться к гавани Эль-Мина.

Когда в 1935 г. я выбирал подходящее место для раскопок, то пришел к решению, что устье р. Оронт должно было играть важную роль в заморской торговле страны, так как открытое и скалистое побережье материка не располагало удобными для стоянки судов местами. Достаточно широкая река, текущая по плоской равнине, была идеальным прибежищем для маленьких суденышек древнего мира, чтобы ею можно было пренебречь. Я был поэтому озадачен, когда на мои вопросы о том, где возле устья есть холм, получил заверения, что в устье реки нет ничего похожего на холм. Но когда я оказался поблизости от современных таможенных строений (река и поныне служит портом для парусных судов), откуда извилистая дорога шла по низкому берегу, поднимаясь по небольшому откосу на несколько футов там, где в тени диких оливковых деревьев стоят белые стены куполообразной гробницы алавитского святого и амбароподобное строение для отдыха паломников, то обнаружил несколько черепков керамики в склоне, обращенном к дороге, и еще больше на склоне возле гробницы. Первый черепок, мною подобранный, был от афинской вазы V в. до н. э. Значит, здесь место древнего поселения, но где тогда холм?

Прогулка через вспаханное поле дала ответ на вопрос, ибо сразу же за гробницей начинался невысокий обрыв, по дну которого шло высохшее устье реки. Оронт, текущий в 200—300 ярдах к востоку от этого места, когда-то заполнял это ныне пересохшее русло. Я убежден, что здесь был небольшой холм, смытый рекой, от которого осталось лишь небольшое возвышение. Помогла местная легенда. Мне сказали, что около 150 лет назад Оронт, текущий тогда по тому же руслу, что и теперь, неожиданно в период наводнения изменил свое течение

и стал течь в западном направлении. Поля были затоплены, посевы смыты в море, и холм, на краю которого стоит гробница, был смыт текущим потоком. Видя бедствия, которые терпит их земля, люди сгрудились возле мечети, моля о помощи, но вода все прибывала, и даже самой гробнице шейха Юсуфа грозила гибель. Тогда святой восстал в гнев и укротил реку, приказав ей вернуться в положенные пределы, и тут же вода стала спадать. Оронт вернулся в старые берега, и обнажились поля. Тогда люди построили убежище рядом с гробницей, и паломники по сей день посещают ее.

Таков был рассказ, безусловно, основанный на реальных фактах,—наводнения могли случаться неоднократно. Этим объясняется исчезновение холма у гавани, и это печальное событие лишило нас надежды на раскопки, которые помогли бы воссоздать и картину постепенного исторического развития, отраженного в чередующихся пластах холма. Мы вели раскопки того, что осталось, пригорода поселения, разросшегося к западу, но все постройки раннего периода, расположенные ближе к берегу реки, были смыты в море.

Осталось десять слоев, каждый из которых перекрывался последующим. Стронительство велось в западном направлении, подальше от ненадежных берегов реки. Если верхние слои покрывали достаточно обширную территорию, то по мере углубления площадь их сужалась, пока в слое X не осталась лишь узкая полоска в пределах наших раскопок, где холм обрывался к старому руслу реки.

Самый ранний слой относится к VIII в. до н. э., следовательно, между ним и временем разрушения Алалаха имелся разрыв в 400 лет, и не осталось никаких свидетельств связи гавани с Алалахом периода его процветания.

Эта брешь в исторической преемственности обескураживала. Я внутренне убежден, что порт всегда служил городу, и даже когда последний исчез, порт должен был продолжать играть свою роль в международной торговле, но внутреннее убеждение — недостаточное основание для истории. Трудно опровергнуть мой тезис, что значительная часть древнего холма была смыта, но следующая гипотеза, предполагающая, что в нем скрыты строения исторического периода в две тысячи лет, не основывалась ни на каких доказательствах, и не имелось возможности обнаружить их на этой тер-

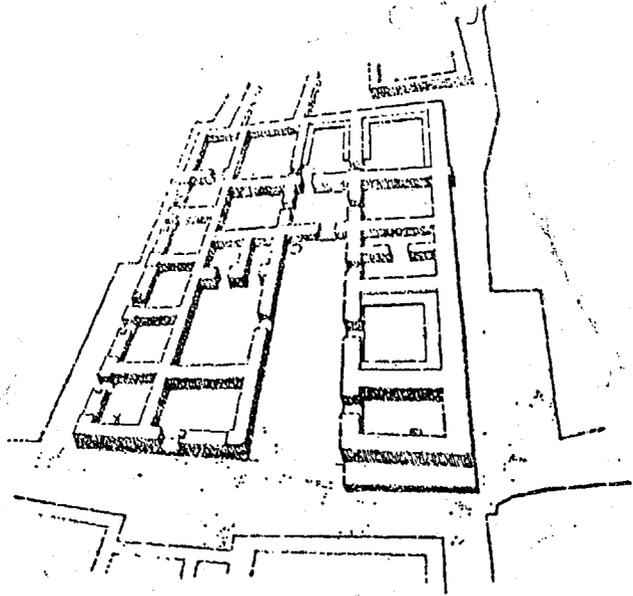

Рис. 23. Склады в Эль-Мине: план

ритории. К счастью, доказательства все же были найдены столь же неожиданным, сколь и интересным образом.

Мы убедились, что во всех десяти слоях, охватывающих период от VIII до IV в. до н. э., все сооружения весьма походили друг на друга (рис. 23, 24). Стены из сырцового кирпича укладывались почти всегда на каменный фундамент, иногда приподнятый выше уровня пола, что защищало от влаги; стены достаточно толстые, в среднем около двух футов, но нет оснований полагать, что какое-либо здание превышало один этаж — нигде никаких признаков лестниц не обнаружено. Полы были глинобитные, в нижних слоях наложенные на слой щебня — тоже мера против влажности почвы. В более высоких слоях, где здания значительно поднимались над уровнем равнины, необходимость в щебенке отпала, поэтому она не использовалась. Черепицы нигде не было, и крыши должны были быть такими же, какие по сей день характерны для мусульманских домов, — почти плоские, они состоят из слоев циновки, тростника и земли, положенных на близко лежащие топо-

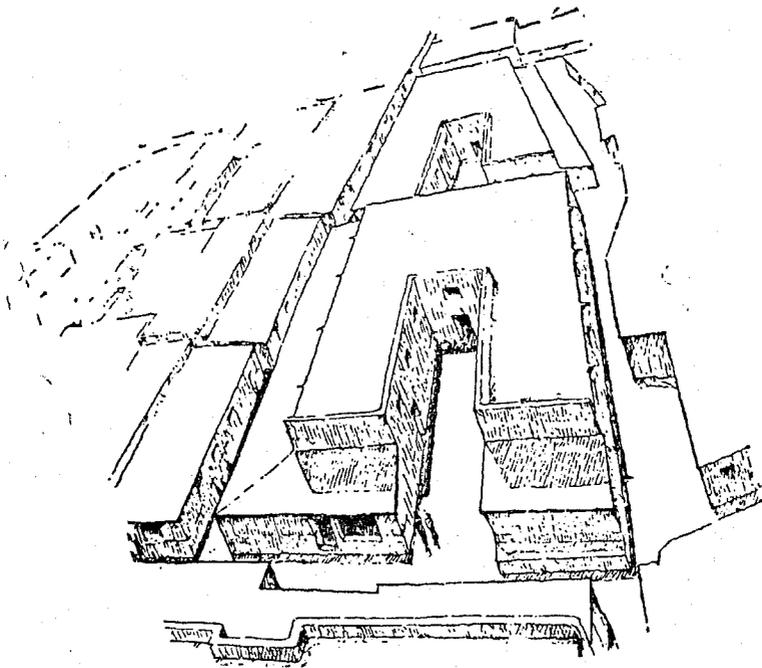

Рис. 24. Склады в Эль-Мине: реконструкция

левые жерди. Строения образуют блоки, почти квадратные и приблизительно одинаковые по размеру. Между ними улицы и проходы, пересекающиеся под прямым углом; они вымощены гравием, часто со стоками в середине; покрытие из каменных плит образует тротуар; на некоторых участках проезжей части имеются небольшие нарушения общей планировки, связанные, очевидно, с прихотями владельцев домов, но таких случаев немного. Внутри блоков, или «островков», отмечается не то чтобы полное единообразие, но нечто, наводящее на мысль о строительстве по какому-то стандартному плану. Широкий проход вел с улицы во двор с рядом помещений вдоль стен — самое большое в центре, а по бокам более мелкие, и четыре более или менее квадратные комнаты за задней стеной двора; иногда очень маленькое отдельное строение стоит в центре двора. Таково главное строение блока, а оставшееся пространство занимали ряд или ряды маленьких комнат, идущих

вдоль улицы и не имеющих связи с основным строением или друг с другом.

Будь эта часть города жилой, ее можно было бы считать районом бедноты или даже нищих. Хижины из сырцового кирпича, одноэтажные, с обмазанными глиной стенами без каких-либо следов украшений или намеков на архитектурный стиль не заслуживают иной характеристики. Но это не была жилая часть города; дома, которые выглядели бы убогими в качестве жилищ, прекрасно соответствовали своему назначению: перед нами были конторы и склады купцов, занятых импортно-экспортными операциями между Азией и эгейским миром.

Это с очевидностью подтверждается характером сохранившегося строения, особенно в верхних слоях, где предметы оказались в лучшей сохранности. Так, лишь в одном только здании слоя III, имевшем следы пожара, благодаря чему вещи оставались на своих местах и обстановка многих комнат была практически нетронута, можно видеть, что почти все пространство занимали товары, которые хранились по определенным категориям; каждая комната-лавка отводилась под какой-либо вид товара; в одной были большие кувшины для вина, в другой — маленькие местного производства сосуды для масла, в третьей — привозные греческие сосуды для умащений, в четвертой — большие колоколообразные крaters¹ и т. д.

Каждое крупное сооружение в квартале являлось конторой какой-нибудь одной «фирмы». Здесь хранились азиатские товары, готовые к вывозу, и греческие, сгруженные с прибывших судов и ждущие, когда их продадут купцам, чьи караваны доставят их затем в глубь материка. Отдельные помещения внутри двора, возможно, служили конторами счетоводов. Маленькие, не связанные друг с другом комнаты вдоль улиц были магазинчиками розничной торговли, обслуживающими внутренний рынок, или мастерскими; в одном таком помещении, где мы обнаружили маленькие слитки серебра и различные предметы ювелирного искусства, должно быть, находилась лавка ювелира.

В нескольких, весьма редких случаях наличие захоронения под полом строения указывает, что оно служило купцу одновременно и жильем, так как известно много примеров захоронений в жилых домах, но трудно

¹ Сосуды для смешивания вина и воды. — *Примеч. ред.*

представить, что вдруг появился обычай хоронить покойников под складом или конторским помещением. И, кроме этих редких случаев захоронений, нет никаких оснований считать, что эти помещения использовались для жилья. Мы полагаем, что в большинстве своем купечество жило в других районах. Порт не мог быть благоприятным для здоровья местом. Он лежал в низине, которая была подвержена наводнениям (что подтверждается обнаруженными нами массами песка и ила на руинах строений слоя IV), а вокруг простиралось болото, почти затопленное морем. Склады должны были размещаться в порту, но никто не стал бы жить здесь по доброй воле.

Рассказы о различных находках, сделанных прежде в этих местах, привлекли наше внимание к холму вблизи реки в трех милях от порта. Это был небольшой природный холм, с трех сторон скалистый, обрывистый, а с одной стороны (северо-западной) более пологий; холм был усеян большим количеством черепков. Несколько пробных траншей на вершине и внизу холма — Сабуня, как его называют, — вместе с подъемным материалом дали нам именно те свидетельства, на которые мы надеялись. Керамика доказывала, что он был обитаем весь тот период, который охватывали десять слоев в порту Эль-Мина, и даже в гораздо более ранние времена: черепки микенской керамики, относящейся к XIII и XII вв. до н. э., «белые молочные» чаши XV в., цилиндрическая печать XVIII в. до н. э. На вершине холма имелся окруженный массивной оградой из камня и кирпича акрополь с различными строениями. Можно быть уверенными, что именно здесь жили купцы, ведущие торговлю в Эль-Мине. Некоторые купеческие дома, вероятно, могли размещаться также на возвышении, где теперь находится маленький современный городок Суедия, — во всяком случае, мы нашли здесь в двух местах керамические черепки, относящиеся к классическому греческому периоду. Но сам город стоял на холме Сабуня, занимая по отношению к Эль-Мине такое же положение, как Афины к Пирею. Конечно, некоторые из тех, кто победнее, — сторожа складов, портовые рабочие, моряки, рыбаки, мелкие торговцы — вынуждены были жить в Эль-Мине, но богатые купцы предпочитали здоровый климат Сабуня, откуда каждое утро отправлялись в свои конторы в порту.

Данные о том, что гаванью пользовались с очень

раннего времени, подтверждает все сказанное нами выше о внешней торговле Алалаха; но самое интересное, что раскопки в Эль-Мине дали возможность проследить историю этой торговли с момента разрушения столицы в глубине материка.

Поздняя микенская керамика, которую мы обнаружили в Сабуни (но не в Эль-Мине, так как здесь она должна была быть в части холма, смытой наводнениями), любопытно согласуется с исторической традицией.

Геродот утверждает, что греческий герой Амфилох, живший во время осады Трои (сын Амфиарая, одного из семи царей, боровшихся против Фив), построил на сирийском берегу город Посидей (Геродот III, 91). Город процветал в V в. до н. э. Из географических описаний, обнаруженных у поздних греческих авторов, можно заключить, что Посидей и есть наша Эль-Мина с городом на холме Сабуни. То, что легенда об Амфилохе основана на фактах, подтверждается открытиями турецких археологов в Киликии, где обнаружены указания на другого греческого героя, связанного с Амфилохом. Замечательно также, что местом действия легенды, распространенной в классической Греции, является гора Касиос, возвышающаяся в устье Оронта. К грекам эта история (обнаружен ее азиатский текст) из Эль-Мины должна была дойти в очень ранний период. Если Эль-Мина была разрушена «народом моря», что, как мы полагаем, и случилось в действительности, то она возродилась благодаря греческой торговле, и тогда рассказ Геродота, по-видимому, полностью достоверен.

В самых нижних раскопанных слоях, X и IX, очень мало что осталось от строений, но керамика была достаточно обильна; большая часть посуды — привозная, преимущественно с восточных греческих островов; сделана она в период между 750 и 700 гг. до н. э. Исчезновение старой микенской керамики не означало упадка торговли в нашем порту; наоборот, если в прежние времена здесь торговали почти исключительно с Критом и Кипром, то теперь география торговли значительно расширилась, о чем свидетельствуют изделия с Делоса, Родоса, Теноса и Кикладских островов. Посидей стал торговым центром, где сбывались изделия Восточной Греции.

В слое VIII некоторая часть стен предыдущего периода использована под фундамент, но основной план отличен и, похоже, что город был заново построен по новому плану. Керамика тоже полностью сменилась;

это теперь почти исключительно сосуда кипрского железного века, привозные или же местного производства, но настолько близкие к кипрским, что трудно установить, где именно они сделаны. И снова археологические факты приводят нас к древней легенде.

Византийский историк Иоанн Малала, рассказывая об округе Антиохии, говорит, что греческий герой Касос, в честь которого названа гора Касиос, основал поселение на северосирийском побережье и заселил его жителями Крита и Кипра, а сам, женившись на местной повелительнице Амике, стал здесь царствовать. Амика означает «Хозяйка Амука», и поселение должно быть Посидеем у подножия горы Касиос. В этом рассказе мы находим объяснение внезапному появлению кипрской керамики после периода широкого распространения изделий с других островов. Разумеется, это не было новое поселение на необитаемой земле, но, имея в виду чрезвычайно скудные остатки слоя IX и новую планировку слоя VIII, можно понять, что произошло. Касос был купцом-авантюристом тех времен, когда слова «купец» и «пират» были почти синонимами. Видя, какие выгоды извлекают купцы с островов из торговли с государствами в глубине Азии, он собрал на Кипре вооруженный отряд и захватил и ограбил Посидей, затем перестроил его для себя и, расположив к себе жителей долины Амука, чтобы обеспечить тем самым безопасность караванных путей, оказался хозяином гавани. Очевидно, таков был его вклад в основание поселения.

Но его правление продолжалось недолго. Судя по характеру руин, период слоя VIII был коротким, возможно, с 700 по 675 г. до н. э., когда большинство зданий пришли в ветхость и требовали перестройки. Слой VII не свидетельствует о нарушении традиции, складские помещения — лишь новый вариант старых, построенных на несколько более высоком уровне. Но кипрская традиция в керамике, хотя по-прежнему распространенная, начинает постепенно ослабевать: вновь появляются изделия с геометрическим рисунком, в частности с Родоса, и в конце этого периода (тоже весьма короткого) родосская и кипрская керамика существуют параллельно, затем первая вытесняет последнюю.

Все это отчетливо видно в слоях VI и V. В первом много перестроек по новому плану, старые склады слоя VII безнадежно обветшали, тогда как строения слоя V представляют собой подремонтрованные сооружения

слоя VI. В первом еще имеется некоторое количество кипрской керамики, но во втором она исчезает полностью. Это не означает, что торговые связи с Кипром прекратились; кипрская терракотовая и известняковая скульптура встречается и в слое VI. Но, что касается керамики, другие греческие центры поставляют в Посидей изделия более высокого качества; состоятельные местные торговцы заказывают лучшую посуду из наиболее развитых центров ее производства. В результате здесь, в азиатском порту, мы собрали коллекцию ранней греческой керамики настолько обширную и настолько замечательную, что она не уступает любой, обнаруженной в самой Греции.

Следует помнить, что склады в Эль-Мине служили только для хранения изделий на пути их следования. Мы обнаружили лишь осколки ваз, разбитых при разгрузке и перегрузке; битые сосуды выбрасывались, и то, что осталось, сохранилось по недосмотру, оказавшись втоптаным в глиняные полы; об изделиях, благополучно перенесших перевозку, мы ничего не знаем. Иногда, если склад сгорал и его содержимое погибало, нам везло больше, так как обычно новый пол настилали поверх пепелища, и тогда число находок значительно возрастало — удавалось даже обнаружить неразбитые сосуды, но чаще всего это были случайно сохранившиеся экземпляры. Несмотря на это, фрагменты из слоев VI и V чрезвычайно многообразны и информативны.

Можно видеть, что основным центром поставок в Посидей был Родос, чьи изящные, толщиной в скорлупу яйца, чаши и вазы, блестяще-черные с полосами пурпурного, красного и белого цвета, явно привлекали азиатских потребителей, так как именно эти осколки чрезвычайно многочисленны; «ориентализирующая» родосская керамика показывает, насколько сильно влияла на греческого гончара торговля с Востоком. В слое VI встретилось немало протокоринфской керамики, но в слое V ранняя коринфская посуда попадает гораздо реже. Простые черные изделия с Лесбоса привлекли внимание купцов, и кто-то, похоже, специализировался на вазах Хиоса или Навкратиса; с различных островов поставлялись прелестные маленькие чаши, расписанные фигурами птиц, прямые наследницы геометрического стиля.

Керамика слоя V относится приблизительно к 550 г. до н. э., а затем в наших сериях наступает разрыв при-

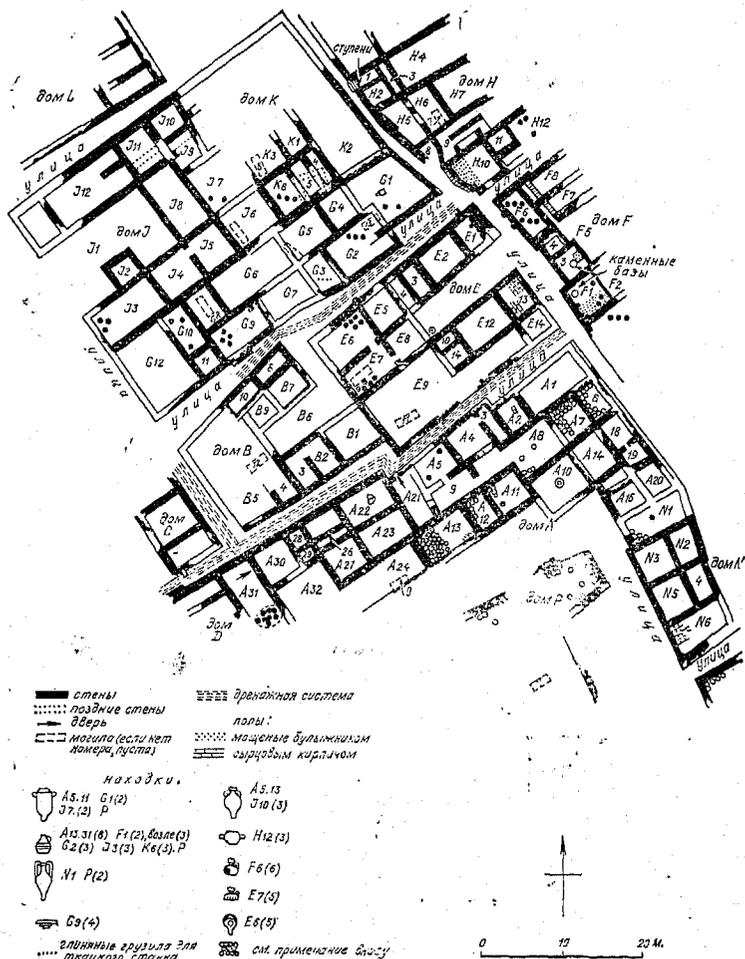

Рис. 25. Расположение складов Эль-Мины, слой III

близительно в 30 лет; к этому периоду можно отнести лишь один черепок. Это может означать, что порт бездействовал из-за каких-то политических обстоятельств, но против этого говорит тот факт, что греческую керамику этого времени мы находили как в Сабуни, так и в других местах Северной Сирии, следовательно, импортные изделия продолжали поступать, а ведь Посидей был узловым пунктом. Мне кажется, более подходящим

объяснением то, что, прежде чем возвели сооружения слоя IV, место подвергли необычной «чистке», уничтожившей все следы активной торговой деятельности в конце слоя V, которые в противном случае сохранились бы. И здесь, действительно, имела место такая чистка. Квартал слоя IV не полностью совпадает по границам со строениями слоя V, и, как правило, под полами мы обнаруживали слой мусора, отделяющего их от остатков стен слоя V. Это указывает на систематический и сознательный характер сношения прежних строений, что вполне может объяснять и исчезновение целого слоя черепков.

Перестройка и перепланировка складов совпадают или являются следствием коренных перемен в торговой деятельности. С этого момента, который мы определяем приблизительно 520 г. до н. э., все импортные сосуды, обнаруженные на месте гавани, поступают из Афин. Мы встречаем статуэтки с Кипра, голубые скарабеи из Накратиса в Египте, полихромное финикийское стекло, вероятно из Южной Сирии, но в керамике Афины сохраняют полную монополию. Как и прежде, ввозятся изделия высшего качества, возможно, для нужд персидского двора, который, естественно, требует лишь самого лучшего. Многие из обнаруженных фрагментов могут быть отнесены к работам живописцев, чье творчество известно, и некоторые из них поистине замечательны; но рядом с ними есть изделия более простые и рассчитанные на менее дорогой рынок.

Любопытно постоянное повторение на этих изделиях одного и того же рисунка, что проливает новый свет на особенности изготовления ваз в Аттике. Так, в одной комнате слоя III мы нашли десять маленьких сосудов (более или менее хорошей сохранности) для умщений с несколько грубоватым рисунком женской головы и цветка и с полдюжины такой же формы сосудов с совершенно одинаковым рисунком аканта. Так как поврежденные сосуды составляют лишь незначительный процент от импорта, они говорят о больших размерах партии изделий каждого типа. Расписывал ли все эти сосуды один ремесленник, или же хороший мастер делал только один экземпляр, который затем копировали менее умелые рабы, работавшие «бригадой», в любом случае перед нами доказательство существования системы массового производства в мастерских Афин, о которой мы прежде не подозревали. Это открывает новые

сведения о характере аттической торговли. Интересна и находка фрагментов трех больших «панафинейских» ваз, которые, как прежде считалось, давались только в качестве приза победителям великих Панафинейских игр; их появление для продажи в Посидее мы объясняем тем, что они могли быть куплены кем угодно как сувенир или даже экспортировались. Одна из них была разбита и склеена в древности. Мы нашли ее в таком квартале города, где, судя по количеству найденных там реставрированных сосудов, размещался рынок подержанных вещей; но две другие были новые и, очевидно, случайно были разбиты на складе.

Слой IV продолжался от 520 до 430 г. до н. э. Поразительно то, что порт вообще существовал в этот период. Афинские купцы добились монополии в торговле с Востоком как раз в то время, когда в связи с завоеваниями Кира в Ионии начались войны между Персией и Грецией. В 490 г. до н. э. произошло первое вторжение в Грецию и битва при Марафоне, через десять лет в Грецию вторгся Ксеркс. Афины пали, и сразу после этого персы потерпели поражение в битвах при Саламине и Платеях. Захватчики были изгнаны из Греции, но война не закончилась, и еще около ста лет время от времени происходили стычки между противниками. Но в течение всего времени, когда Афины воевали с Персией, отчаянно сражаясь на море и на суше, афинские купеческие суда бросали якорь у причалов Посидея, персидского порта Пятой сатрапии, и мирно торговали с врагом. Это любопытное свидетельство того значения, которое Афины придавали морской торговле: даже во время войны, отнимавшей все силы, «бизнес» должен был продолжаться «как обычно». Не менее знаменательна и политика персидского двора, который не только позволял сатрапу одной из своих важнейших провинций продолжать в военное время торговлю с врагом, но допускал присутствие на персидской земле афинской купеческой колонии — известно, что многие из купцов были греки.

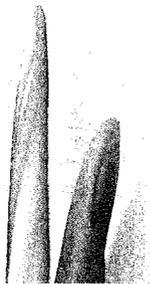
Но покровительство коммерции шло даже дальше. Мы обнаружили в руинах большое число монет, причем все монеты мелкого достоинства были как раз такие, какие и ожидаешь обнаружить в персидском средиземноморском порту: персидские монеты, выпущенные монетными дворами Сидона, Арвада и Кипра; но крупные монеты, все без исключения, были греческими — сереб-

ряные тетрадрахмы, или отчеканенные в Афинах, или имитирующие афинские местного производства. Для местного рынка и для торговли с финикийским берегом пользовались персидскими монетами, но для оптовой торговли в порту служили монеты государства, с которым Персия находилась в состоянии войны.

К 430 г. до н. э. склады отслужили свой срок, и наступило время их обновить; слой III — лишь простая реконструкция слоя IV. Но около 375 г. до н. э. возник ужасный пожар, разрушивший большинство строений. Новые склады строились на прежнем месте по тому же плану (обычно использовались под фундамент остатки старых стен), но их полы отделены от предыдущего периода трехфутовым слоем горелого мусора. Соответственно слой III сохранился особенно хорошо, и в большинстве складов мы имели возможность детально изучить содержимое, а также понять назначение каждой комнаты в отдельности. Все было классифицировано, и редко остатки сосудов различного назначения сохранялись вместе — даже масленки для ламп находились не вместе с лампами, но в соседней комнате. Широкий ассортимент весов — греческих, сирийских, месопотамских — свидетельствовал о международном характере торговли; металлические изделия поступали издалека, с оз. Ван на Кавказе; Сирия и Египет поставляли амулеты из полихромного стекла в виде гротескной человеческой головы; ртуть (используемая золотых дел мастерами), которую мы нашли растекшейся в почве, возможно, прибыла из Альмаденского прииска в Испании. Порт явно процветал.

Когда в 333 г. до н. э. Александр Великий разгромил Персидскую империю и Посидей не только по имени, но и фактически стал греческим городом, когда единая власть, утвердившаяся по всему Восточному Средиземноморью и Западной Азии, гарантировала даже большую, чем прежде, свободу торговли, и в кассах посидейских купцов монеты Македонии сменили старые афинские монеты, жители, должно быть, были уверены, что наступила новая эра процветания. Веря в это, возможно, они и поместили в местном храме мраморную статую богини города, изваянную в стиле, излюбленном Александром и его преемниками. Мы обнаружили среди городских руин поврежденную голову, когда-то увенчанную зубчатой короной из позолоченной бронзы или из золота.

Эта голова, несколько монет наследников Александра и единственная глиняная ваза — все, что мы нашли как доказательство существования этого места после смерти Александра. В 301 г. до н. э. в четырех милях севернее Эль-Мины Селевк основал новую гавань, Селевкию, с искусственным водоемом и прекрасными зданиями. Соперничать с такой гаванью старый порт, естественно, не мог и просто перестал существовать. Не исключено, что Селевк силой принудил его жителей переселиться на новое место. Город и без того очень сильно пострадал, когда в 314 г. до н. э. Птолемей Сотер захватил и разграбил порт; тогда, возможно, и разбили статую богини города, и, вместо того чтобы отстроиться еще раз, место было покинуто. Почти на 900 лет порт пережил Алалах, город, для которого он был построен. Здесь велась торговля для сирохеттских правителей, и здесь был важнейший рынок Персидской империи. Теперь процветающей селевкидской столице, Антиохии на Оронте, потребовался современный порт на смену речным причалам древнего Посидея. И даже если немногочисленные рыболовецкие суденышки становились на якорь против речного берега, что они делают по сей день, было бы тщетно надеяться, что холм на болотах когда-либо сможет опять стать морским портом.

Эпилог

ПОРТ СВЯТОГО СИМЕОНА

Затем в течение 400 лет место, где находился Посидей, было заброшено, и название города исчезло из памяти. Когда в I в. н. э. углубили фарватер нижнего течения Оронта и сделали его пригодным для навигации небольших судов вплоть до Антиохии, в устье реки были построены несколько строений, таможня и прочие здания, и к IV в. все это превратилось в маленький морской поселок, ибо два позднеклассических писателя упоминают о расположенной вблизи Селевкии естественной гавани, называвшейся Битиллион, которая не могла быть ничем иным, кроме нашей Эль-Мины. И действительно, мы нашли остатки строений, которые можно отнести к V—VI вв. н. э. Одно из них заслуживает внимания, так как имело каменную перегородку и аркаду с резными базами для колонн; на одной из каменных глыб был вырезан двойной крест, напоминая о том, что Антиохия в то время была одним из главных центров христианства. Более того, найденные здесь монеты Юстина, Юстиниана и Гераклия свидетельствуют, что в V в. и позднее старая гавань вновь ожила.

Это было естественно: в 526 г. н. э. сильное землетрясение разрушило Селевкию, а последующие толчки в течение века довершили разрушение Селевкии и Антиохии; последняя несколько оправилась, но гигантские искусственные сооружения Селевкии не могли быть восстановлены в век упадка. Горожане уменьшившейся Антиохии, отрезанные от моря, так как в результате землетрясения Оронт стал непригодным для навигации, не имели другого выбора, как только использовать старую гавань в устье реки. Но упадок Антиохии, естественно, повлиявший и на торговлю, определил Битиллиону короткую жизнь. Наши раскопки не дали ничего, что можно было бы отнести к концу VII и к VIII в. Но с середины IX в. и далее полученные нами материалы довольно обильны: это остатки зданий, достаточно обширных, и масса керамики, в большинстве своем простой, но много и глазурованной, и расписной. Некоторые керамические изделия определено местного производства, но имелось также и много образцов глазурованной керамики из Месопотамии, по-видимому предназначенной для экспорта за границу и доставленной в

Эль-Мину транзитом. Словом, порт играл ту же роль, что и 2000 лет назад, но только теперь торговлю с Средиземноморьем вели аббасидские халифы Багдада и Самарры. До вторжения войск Византии в 969 г. н. э. Эль-Мина процветала; затем опять пришла в упадок, так как захват Византией Антиохии прервал торговые отношения с Месопотамией, а у византийцев ничего не было для экспорта; мы нашли лишь 18 монет, относящихся к последующему периоду в 130 лет.

Но в 1097 г. во время Первого крестового похода христианское войско овладело Антиохией, и в том же году генуэзский флот захватил Эль-Мину. Наступил еще один период процветания, а с 1188 г., когда Саладин захватил Латакию и южные области на сирийском побережье, единственный порт Эль-Мина, оставшийся в руках антиохийских герцогов, стал по-настоящему важным пунктом. На возвышенности, в миле от гавани, вырос город Сувайдия, гавань тоже быстро росла; за пределами наших раскопок можно было видеть массивные бетонные стены, молы и остатки зданий из прекрасного камня. Теперь эта гавань называлась порт святого Симеона в честь второго из этих странских аскетов, которые стяжали или проявляли святость, проводя жизнь на вершине высокой колонны. Монастырь и гробница святого венчают соседний холм. Найденные монеты относятся ко времени побед крестоносцев, а также ко времени Танкреда, который стал герцогом в 1104 г.¹ Но этих ранних монет совсем немного, большая их часть относится к периоду, когда Латакия была уже потеряна. К этому позднему времени следует отнести главные здания и большую часть предметов, найденных среди руин.

Наиболее интересные находки связаны с керамикой, которой пользовались крестоносцы². Это была коричневая посуда, на которую наносилось белое покрытие; через него прорезался рисунок по коричневой глине, прежде чем изделие обжигалось; затем добавляли цвет — зеленый и желтый, иногда пурпурный, — и все изделие покрывалось свинцовой глазурью, которая придавала поверхности желтоватый оттенок. Наличие бракованных изделий, испортившихся в печи для обжига,

¹ *Robinson E. S. G. and Allen D. Numismatic Chronicle, 5th Series. Vol. 17, 1937.*

² См.: *Lane Arthur. Medieval Finds at al Mina in North Syria.— Archaeologia. Vol. 87, 1938, с. 19.*

свидетельствует о том, что сосуды эти — местного производства, из самого порта святого Симеона. Образцы этой грубоватой, но веселой глазурированной посуды были найдены и в других местах Сирии, до горы Кармел на юге, но известно, что они проникли в места, гораздо более отдаленные. Прекрасная чаша, находящаяся сейчас в музее Виктории и Альберта (Лондон), была вмурована как украшение в башню церкви в Пизе! Действительно, изделия эти весьма живописны, хотя мотив обычно прост и рисунок грубоват. Мастера были сирийцами, на что указывает арабская надпись на одном изделии, а также восточный характер многих рисунков. Христианские сюжеты редки, хотя найден один большой фрагмент с изображением крестоносца в кольчуге. Всплески цвета по белому полю умело наложены, и общее впечатление чрезвычайно приятное. Крестоносцы могли сами увозить домой кое-что из своей посуды. И так как в порту святого Симеона такая посуда производилась в период между 1200 и 1268 гг., когда Антиохию и гавань захватили мамлюки, т. е. задолго до того, когда что-либо подобное начали изготавливать в Италии, могло случиться, что чаши, вызывавшие такое восхищение, послужили моделью для итальянских керамистов и что итальянская майолика, по крайней мере частично, вдохновлена изделиями из Эль-Мины.

Мы начали наши раскопки в надежде обнаружить пути, по которым распространялось влияние азиатского искусства на западный мир Средиземноморья. Открытия на Атчане доказали наличие этой связи в древние века вплоть до XVIII столетия до н. э., когда Крит заимствовал из Азии архитектурные приемы и технику фресковой росписи. Неожиданным оказалось то, что отношения с греческими островами существовали не только в VIII в. до н. э. и позднее, а также, что торговля между Афинами и Персией не прекращалась даже во время войны. Интересно, что традиция продолжалась и в последующем, когда Посидей на короткое время возродился как порт святого Симеона, чтобы передать западным мастерам свои идеи и технику, послужившие зарождению нового вида искусства в Европе.

После вторжения мамлюков порт опустел, с течением времени здания разрушались, пока наконец каменная почва не сделалась пашней. Парусники все еще доставляют груз древесины или цемента в устье реки, но убогая таможня вряд ли заслуживает титула «Эль-

Мина» — «Гавань». Старые имена исчезли из памяти, и алавитский святой шейх Юсуф узурпировал все, что осталось от порта святого Симеона. И все же там, где столь многое было забыто, одна традиция, возможно, сохранилась. Около мили на север на черном песке побережья возвышается белый куполообразный свод, почитаемый одинаково алавитами, мусульманами и христианами, идущими сюда со всей округи на поклонение, чтобы воскурить фимиам в общей святыне. Если вы спросите, какого святого они так почитают, они скажут вам: «Это Шейх эль-Бахр», «Господин моря», и больше ничего. Мне хочется думать, что того древнего морского бога, которому поклонялись моряки Алалаха четыре тысячи лет назад, которого пришедшие греки отождествляли со своим Посейдоном и назвали его именем основанный ими порт, люди, сами того не зная, чтут и теперь под именем Шейх эль-Бахр.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Сравнительная хронология

Даты (до н. э.)	Слон Атчаны	Месопотамия	Египет	Северная Сирия	
3400 (?)	Тель-эш-Шейх	Тель-Халаф, Эль-Убейд			
3400—3300	Табара-эль-Акрад		Средний додинастический период		
3300—3200	Слой XVII	Урук			
3200—3100	Слой XVI				Каркемиш, поздний халколит
3100—2900	Слой XV				Каркемиш, первый бронзовый
2900—2700	Слой XIV	Джемдет Наср Раннединастический период (Ур, царские гробницы)			
2700—2350	Слой XIII	Раннединастический период			
	Слой XII				

2350—2200	Слой XI	Саргон из Аккада, Нарам-Суэн
2200—2050	Слой X	Кутии
2050—1900	Слой IX	III династия Ура, поздние слои Кюльтепе
1900—1780	Слой VIII	
1780—1750	Слой VII Аббан, Хаммурапи, Ярим-Лим, Никме-эпух	Хаммурапи из Вавилона, Рим-Син из Ларсы
1750—1595	Слой VI	
1595—1447	Слой V, фаза А: 1595—1527; фаза Б: 1527—1447 Таку стал царем Нухаши	

XII династия покоряет Северную Сирию

Поход Тутмоса I к Евфрату, 1527; Тутмос III получает дань от Алалаха, 1483

«Кипрская» керамика; Мурсилис (хеттский царь) захватил Алеппо, 1595

Возвышение Митанни

Даты (до н. э.)	Слон Атчаны	Месопотамия	Египет	Северная Сирия
1447—1370	Слой IV, Никмепа, Илим- илимма, Идри-ми, Адад-нирари, Та- кува		Аменхотеп II, 1447, Тутмос IV (договор с Митанни, 1420), Аменхотеп III, Эхнатон, 1375	Митанни: Шаушша- тар, Артадама, Тушратта Хетты: Суппилулиу- мас (ок. 1387) по- беждает Тушратту (1370). Микены за- воёвывают Крит
1370—1347	Слой III			Суппилулиумас, ум. 1347
1347 — ок. 1283	Слой II		Рамсес II (битва при Кадеше, 1289)	Мурсилис II
1283—1194	Слой I, фаза А, 1283—1241;	Салманасар I, ас- сирийский царь Тукульти-Нинурта захватывает Бави- лон, 1241	Рамсес II заключает договор с Хаттуси- лисом — 1273	Мувааталлис Хаттусилис Тутхалияс IV (1250)
1194	Фаза Б: 1241—1194 Вторжение «народов моря» и разрушение Алалаха			

Таблица 2

Хронология Эль-Мины

до новой эры до 1200	Данные только с холма Сабуни	
После 1194	Амфилох возрождает порт (Посидей)	Находки только на холме Сабуни
750—700	Торговля с греческими островами	Слой X—IX
700—675	Вторжение Касоса с Кипра	Слой VIII
675—550	Торговля с Родосом, Коринфом и другими греческими островами	Слой VII—V
520—301	Монополия Афин в торговле с Персией	Слой IV—III
301	Основание Селевкии и разрушение Посидея	
новая эра		
400—500	Возрождение порта (Битиллион)	Слой I
526—650	Разрушение Селевкии и процветание Битиллиона, упадок после 650	
850—969	Эль-Мина при аббасидских халифах	Слой IB
969—1097	Упадок при византийцах	
1097—1286	Порт святого Симеона крестоносцев	Слой IA
1286	Захват Антиохии мамлюками; конец порта святого Симеона	

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	3
Предисловие от редакции	7
Вступление	8
Глава I. Место	12
Глава II. Времена до Алалаха	17
Глава III. Начало Алалаха. Слои XVII—XIII	31
Глава IV. Образование царства. Слои XII—VIII	44
Глава V. Царь Ямхада. Слои VII	56
Глава VI. Темные века. Слои VI и V	73
Глава VII. Династия Никмепа. Слои IV	89
Глава VIII. Алалах при хеттах. Слои III и II	118
Глава IX. Конец Алалаха. Слои I	138
Глава X. Порт Алалаха; Посидей и греческий мир	146
Эпиграф. Порт святого Симеона	160
Хронологические таблицы	164

Леонард Вулли

ЗАБЫТОЕ ЦАРСТВО

*Утверждено к печати Редакцией серии
«По следам исчезнувших культур Востока»*

Редактор *Т. М. Швецова*. Младший редактор *Н. О. Хогинская*. Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резчиков*. Технический редактор *М. В. Повоскина*. Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 15484

Сдано в набор 03.01.86. Подписано к печати 21.04.86. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 8,82. Усл. кр.-отг. 9,03. Уч.-изд. л. 9,24. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5924. Зак. 10. Цена 55 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». 107113, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28